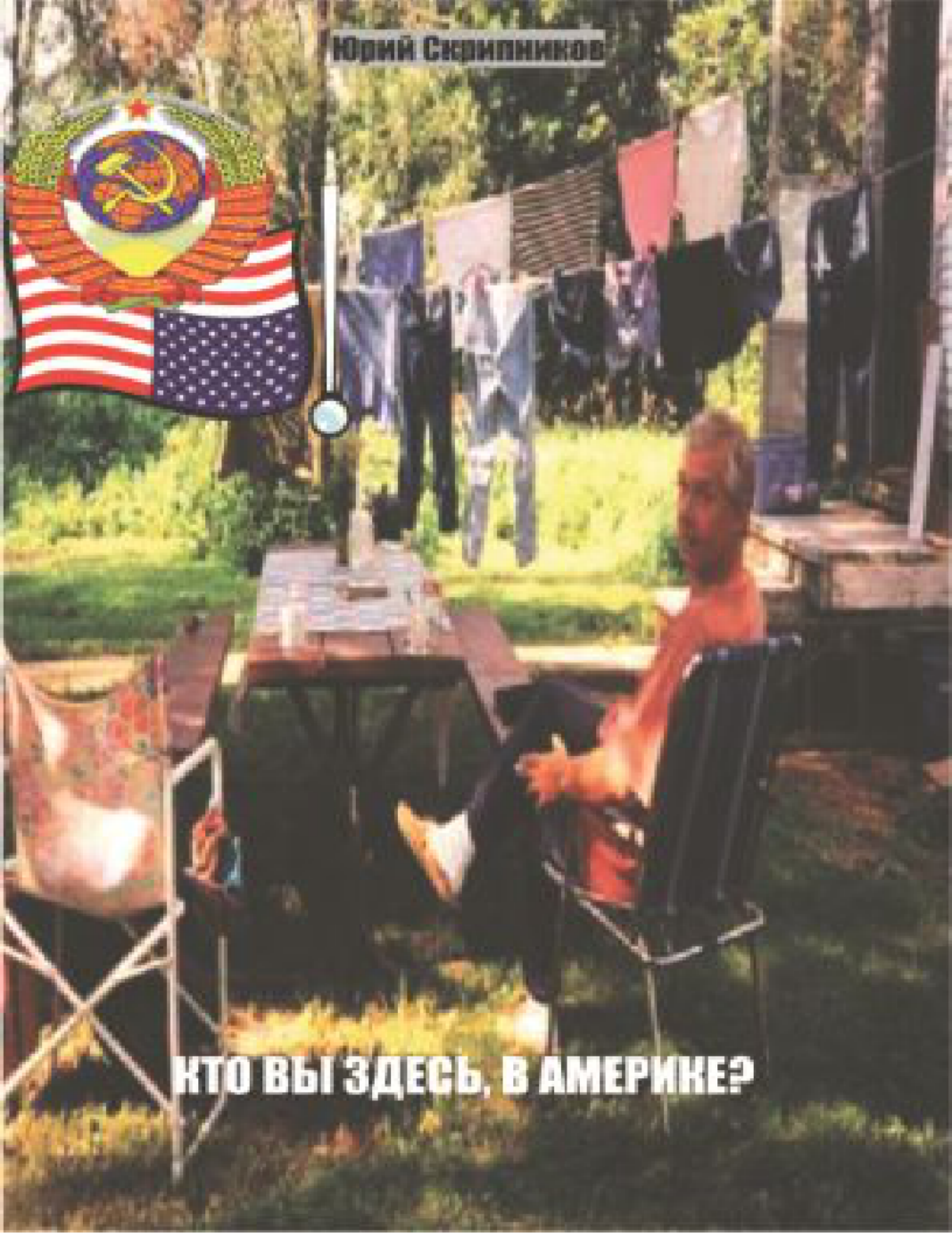
Юрий Скрипников
КТО ВЫ ЗДЕСЬ, В АМЕРИКЕ?

SHOUT
SHARE
IT

Юрий Скрипников

КТО ВЫ ЗДЕСЬ, В АМЕРИКЕ?

С чего же начать? Как-то все запутано – Америка, Россия, Англия. Начнем с самого простого и неоспоримого. Зовут меня Юрий, по профессии переводчик, и живу я в Америке, в славном штате Миннесота. Ну вот, теперь можно переходить и к повествованию.

ХУТОРОК В ИЛЛИНОЙСКОЙ СТЕПИ

Как попадают в Америку

После возвращения из Англии все в нашем маленьком поселке предстало в каком-то нарочито гнусном цвете – грязные улицы, пьяные скандалы соседей наверху, стекающая из крана тоненькой струйкой подозрительно бурого цвета вода, серые, злобные люди. Ко всему этому еще и "новые русские", то есть, попросту говоря, бандиты. Раскормленные наглые хари настырно лезли в глаза везде – на дорогах, на заправках, в аэропорту. В теленовостях аккуратно сообщали, кого взорвали в машине, а кого удавили в подъезде. По вечерам за окном в темноте хрипло матерились и орали пьяные. Мрак… А что ждет здесь детей?

У нас возникло то особое состояние, которое, наверное, бывает перед прорывом из окружения. Нужно вырываться. Любой ценой, как угодно.

А куда вырываться-то? Итак, давайте при- кинем. Европа: в Германию можно, потому что же-на по отцу немка, но она отказывается наотрез. Да и что делать мне, переводчику английского языка, в Германии? Для старта хоть кто-то в семье должен владеть языком страны. Великобритания для эми- грации закрыта намертво; так сказать, граница на замке (хотя это был бы наш самый первый выбор). Латинская Америка не годится, языка нет. Остают- ся, собственно говоря, страны Нового Света – Канада, Австралия да США. Новая Зеландия тоже англоязычная, но там есть возрастной предел для эмиграции – 35 лет. Я уже не проскакиваю. Походил, разузнал о возможности легальной эмиграции. Деньги, деньги, деньги. Чтобы уехать в Канаду нужно около двадцати тысяч долларов на семью. Где же мы их вам возьмем?

Впрочем, находят. Вспоминается некто Ви- тя – выпускник первого набора семинарии, где я работал переводчиком.

Поднаторев в изучении христианской мора-ли и обогатившись богословскими знаниями, Витя подался в бизнес.

Чего-то он там крутил, чего-то раскручивал. Одним словом, в России человек затосковал и решил ехать в Канаду. Узнав, что компьютерщики пользуются в Канаде режимом наибольшего благоприятствования, Витя купил себе липовый диплом программиста, подзубрил кое-какие основы компьютерной науки и бодро отправился на собеседование в посольство. Оче-видно, мозги он там им запудрил неплохо, если получил добро на выезд в Канаду. При условии, естественно, что предоставит в посольство опреде-ленную сумму (если мне не изменяет память, четы-ре тысячи долларов на каждого члена семьи и что-то еще на оформление и дорогу).

Но и здесь богослов-бизнесмен лицом в грязь не ударил. Витя умудрился заключить дого-вор с какой-то московской бабушкой на строитель-ство дома в нашем приокском районе. Причем по-казал ей чужой земельный участок, стройматери-алы и прочее. Получив с бабушки круглую сумму в долларах, Витя прихватил еще несколько тысяч на дорожку в родной кампании, с которой он делал бизнес, и исчез вместе с молодой женой и дочкой. Нужно сказать, что искали его всерьез. Но не наш-ли. Всплыл Витя лишь в Канаде, в городе Ванкувере. И по сей день там обитает. Работает вы-шибалой в казино. Вот, человек нашел себя.

Да…. Вернемся, однако, к нашим делам. Витин вариант, при всей его смелости и нестан-дартности, не подходит. Наши богатства – кварти-ра, которую мы вовремя приватизировали, и кро-хотный домик в заброшенной деревушке под звучным названием Темьянь.

На Канаду просто не хватает денег. Причем там речь идет о сроках от полугода и больше. А нам нужно сразу. Все и сразу, и сейчас, немед-ленно.

Решаем пробиваться в Америку. Этап пер-вый – получить визы, что само по себе не такая простая задача. Дело в том, что утверждение де-мократии в России сыграло злую шутку с демокра-тиями западными. Внезапно оказалось реальнос-тью то, за что они так страстно выступали все пре-дыдущие десятилетия – Россия признала право любого человека на свободный выезд из своей страны. "Езжайте, ребята, куда вам заблагорас-судится, наше дело сторона". Но, что же это, тогда, получается? Значит на невинный, чистенький и благоустроенный Запад обрушится лавина озве-ревших от перемен, продубленных, закаленных, способных выживать в любых условиях и готовых на все русских, которым хочется проверить, дейс-твительно ли там так здорово! Вот тут-то нам кис-лород и перекрыли – с той стороны.

Поэтому американское посольство пре-пятствие весьма и

весьма грозное. Дело ослож-няется тем, что нам нужно выехать всем, вместе с детьми. Классический трюк представителей посольства великой заокеанской страны заключается в том, что вам предлагают оставить одного ребенка дома. Скажем, вы желаете провести отпуск в Май-ами всей семьей. А в посольстве говорят: "Ну, нет, всем не надо. У вас двое детей? Пусть один оста-нется в России, а остальные добро пожаловать". -

Расчет безошибочный. Ясно, что нор-мальный человек не будет расставаться со своим ребенком на годы, а значит вернется, как милень-кий (хотя за прожитые в Америке годы мне неоднократно приходилось встречать людей, для которых такой выбор далеко не бесспорен).

На всякий случай мы продумываем и другие варианты. Например, если с нами проделают такой трюк, то я беру визу на себя и на Яшку, а Света с Алиской подаются в канадское посольство. Потом мы вылетаем в США, а они в Канаду. А потом я забираю их оттуда. М-да…. аж мурашки по коже. Слава Богу, до этого не дошло! Это был бы апофеоз. Хотя в тогдашнем настроении мы могли и не такое еще вытворить.

Поход в американское посольство – дело серьезное. Уже выяснено, что на частные приг-лашения там смотрят менее благожелательно, чем на желание просто съездить туристами. Значит бу-дем проникать под личиной туристов. Здесь нужно все подготовить. Находим в Москве турфирму, которая на этом специализируется. Зашел, пого-ворил. Да, они дают консультации, сообщают, какие документы нужно иметь для визы; да, они делают все бумаги и сами занимаются вашими делами в посольстве. Стоимость услуг – 700 дол-ларов с взрослого и половина с ребенка. Если вас, все же, вызывают на собеседование, половина сум-мы возвращается.

Все хорошо, но где эти деньги брать? Это две тысячи долларов, а у нас простые, ординарные, то есть, попросту говоря, нищие заработки. Сказав "А", нужно говорить "Б". Раз денег нет, нужно что-то продать. А что можно продать, если, в общем-то говоря, ничего и нету, кроме квартиры? Значит, нужно продать квартиру.

Вот так, не имея еще и виз, мы продали свою квартиру. За двенадцать тысяч долларов. Ну да, квартира в Москве может стоить и сто тысяч. Но мы-то не в Москве, мы живем в маленьком поселке на стыке Московской и Тульской областей.

Есть множество людей, для которых две-надцать тысяч долларов – не деньги. Но мы к ним не относимся. Для нас это очень даже деньги. От-гоняем мысли о том, что мы будем делать, если визы нам не дадут. Квартира-то продана! "Дадут – не

дадут… Любит - не любит, плюнет – поцелует!" Все размышления к едрене бабушке. Только впе-ред, сжигая мосты, чтобы некуда было оглядывать-ся!

Начинаем готовиться к визиту в посольство в соответствии с рекомендациями шустрой тур-фирмы. Первое, вопрос внешности. Наша задача – произвести впечатление преуспевающей семьи, которой от нечего делать захотелось слетать в Сан-Франциско.

Мое-то дело маленькое. То есть, во всем мире признается, что мужик он и есть мужик и исправить здесь что-то очень трудно. Если муж-чина трезв, относительно выбрит и одет не в рваную телогрейку, значит с ним все в порядке. Совсем другое дело женщина. Именно женщина своим внешним видом свидетельствует о мате-риальном уровне семьи. Поэтому во время посе-щения посольства Света будет играть роль группы захвата.

Чтобы не ударить лицом в грязь, покупаем в одном из магазинчиков на ВДНХ шубу из весьма пушистой китайской собаки (если не всматривать-ся, а, еще лучше, прищуриться, она производит впечатление благородного меха. Какого зверя? Ну, скажем, росомахи. Вы видели мех росомахи? И я нет. Значит это он и есть). По всем знакомым соби-раются золотые украшения. К сожалению, знако-мые все больше вроде нас – убежденные и хрони-ческие нищие, одно слово, интеллигенты. Возника-ет техническое осложнение – кольца и перстни почему-то все оказываются размера на три больше, чем нужно. Значит нужно их подогнать. Прилежно сопя, я весь вечер обвязываю кольца нитками, что-бы они не сваливались с пальцев. У нашей племян-ницы Лены изымаются эффектные сапоги и шляпа. Так, посмотрим весь ансамбль в сборе. Эффект сногсшибательный. Моя супруга спокойно может сниматься в любом детективе в роли роковой жен-щины и международной шпионки. Особенно ударное впечатление производит шляпа, из под которой она зловеще-таинственно стреляет глазом, взмахи-вая ресницами.

И вот мы у американского посольства. Длиннющая очередь. Холодно. Конец января. Вокруг очереди оживленно шныряют проворные молодые люди и деловые женщины. Предлагают невероятно дешевые авиабилеты, почти дармовые номера в американских гостиницах и любые другие блага, которые могут заинтересовать путешествен-ника.

Очередь, очередь, очередь. Наконец прони-каем внутрь. К этому моменту моя жена уже может сравниться с тем самым мамонтенком, которого от-копали в леднике вечной мерзлоты Якутии. Ее при-ходится долго оттаивать, чтобы вернуть в жизне-способное состояние.

Еще пара очередей, и мы в самом центре того таин-ства,

которое называется интервью в американском посольстве.

Большое помещение. С одной стороны пять или шесть окошек. По громкоговорителю объяв-ляют фамилии и говорят, к какому окошку подой-ти. Там разыгрываются примерно такие же сцены, что и в английском посольстве. Над всем довлеет принцип презумпции виновности. В основном игра проходит по тем же самым правилам. Задача чи-новников, которые проводят так называемое интер-вью (по сути дела, самый унизительный допрос), заключается в том, чтобы найти повод отказать в визе. Наши же по условиям игры должны доказать, что они вернутся и не собираются в Америке рабо-тать. Насколько я понимаю, именно это и есть тот риф, о который вдребезги разбился прекрасный миф о Декларации прав человека и неотъемлемом праве каждого выезжать из своей страны и въез-жать в нее. Игра называется "Выезжайте, только мы вас не пустим!" У одного из окошек импозан-тный мужчина истерически кричит:

- Я ничего не должен доказывать! У вас есть все документы, это уже ваше дело их оформить! - Ну, это предсмертный вопль. Исход понятен, дальше можно не смотреть...

Смущает ли меня, что мы прорываемся в Америку, чтобы остаться? То есть, сделать именно то, чего больше всего боятся уважаемые джент-льмены? Нет не смущает. Таких чувств я себе позволить не могу. С грузом таких убеждений нужно оставаться в России и сидеть у пыльного окошка с видом на помойку и обосранные просторы за ней.

Меня всю жизнь держали за дурака. Всю жизнь родная страна убеждала меня, что я идиот. Что я лишен способности думать и принимать самостоятельные решения относительно своей жизни. Что за меня есть, кому беспокоиться. Что все в порядке и будет еще лучше. Теперь же я принимаю собственные решения – хорошие или плохие, удачные или неудачные, но я их принимаю сам. И расплачиваться буду за свои, а не за чьи-то ошибки. Не я придумывал иезуитские законы об иммиграции, по которым ты должен сидеть там, где сидишь (если только у тебя нет больших денег, то есть, если ты не прохиндей и не жулик). Да, это наше решение. Мы – Света и я – берем в свои руки свою судьбу и судьбу наших детей –Алиски и Яш-ки. И если мы пропадем, это будет наша вина и только наша. А если мы выживем, то не благодаря каким-то добрым дядям и тетям, а благодаря себе.

Думаю ли я, что западное государство – та же Америка – хоть чем-то честнее или, скажем, нравственнее, чем почивший в бозе Советский Со-юз? Боже упаси! Конечно же, нет. Такие же суки, только более изощренные. Тебя принимают точно за такое же безмозглое быдло. Но при этом самым дружеским образом

похлопывают по плечу и с серьезным видом толкуют о свободах, правах и демократии. А поскольку своим гражданам они навешивают лапшу на уши уже несколько веков подряд, то и мозги у этих граждан промыты куда основательнее, чем у нас. Но за красивой вывеской те же джунгли, где тебя заглотят и схрумкают, не задумываясь. Есть, однако, существенные преимущества. В этих джунглях тебя хотя бы не унижают в повседневной жизни. Над тобой не из-деваются в конторах. Да, из тебя выжимают пос-леднее, но делают это с улыбкой и убедив тебя, что не они, а ты сам это делаешь добровольно. Главное же достоинство, что здесь есть, куда скрыться от государства. "Нате, гады, подавитесь моими на-логами, и чтобы я вас больше не видел". Это одно уже ставит Америку в неизмеримо лучшее положение в сравнении с Россией. Здесь есть, куда спрятаться – если, конечно, ты выжил.

Рассматриваю толпу. Претенденты на получение американских виз производят, по большей части, довольно жалкое впечатление. Грубо размалеванные женщины в диких шапках и платках. Пальто и шубы расстегнуты. От жары косметика плывет, придавая дамам совсем уж кош-марный вид. Мужчины раздувают грудь и внуши-тельно хмурятся.

Посматриваю на свою оттаявшую ма-ленькую жену. Класс, вне конкуренции. Света просит ручку и начинает вертеть ее в руках. Зачем ей эта ручка? Нам же ничего не нужно писать. Наконец до меня доходит. Таким образом ненавяз-чиво демонстрируются многочисленные кольца и перстни. А иначе змей в окошке может и не уви-деть всех этих золотых побрякушек. До чего же ушлый народ эти женщины! Мне бы и в голову не пришло.

Еще одно условие предстоящего состязания. Я ни в коем случае не должен показывать, что знаю английский язык. Поэтому, согласно предлагаемой легенде, я – редактор издательства и ни о каком английском языке слыхом не слыхивал. Естествен-но, среди бумаг лежат справки, что я зарабатываю две тысячи долларов в месяц, что у нас есть недвижимость, машина и все, что хотите.

Вызывают нашу фамилию. Света опережает меня и идет первой, я же с независимым видом выступаю сзади. Опять-таки задним числом со-ображаю, что именно так и нужно. За окошком мо-лодой мужик. Окинув молниеносным взглядом мою жену, он начинает скучно перебирать бумаж-ки. Слышу вопрос:

- На какие деньги вы собираетесь ехать в Соединенные Штаты? –

С ловкостью фокусника извлекаю из пачки бумаг справку о зарплате в две тысячи долларов и сообщаю, что зарабатываю достаточно, чтобы про-вести отпуск с семьей в Калифорнии.

Ничего больше не говоря, он пододвигает к себе наши паспорта. Что-то пишет в них. Мы, окаменев, молчим. Неужели!?

- Придете за паспортами в четыре часа. -

Как во сне идем на выход. Господи, этого не может быть! Какой-то подвох? А дети?… Неужели дали всем?… Этого же не может быть… Наверное дали, иначе бы он что-нибудь сказал…

Все в том же сомнамбулистическом сос-тоянии выходим из посольства…. переходим Садовое кольцо. Там нас уже ждет с машиной Сашка. Растерянно улыбаясь, говорим:

- Ты знаешь, кажется нам дали визы. –

В четыре часа забираю паспорта, заплатив двести восемьдесят долларов за четыре визы. За четыре? Не веря своим глазам, снова и снова рас-крываю паспорта и смотрю. Ну да, вот моя виза, а вот Яшкина в моем паспорте. А в паспорте жены Алиска.

Теперь мы знаем, что едем. Из дикой идеи наша затея приобретает практические очертания. Найдись поблизости умный человек, проявивший интерес к этой авантюре, он бы непременно спро-сил: "А как, собственно говоря, вы собираетесь устраиваться в Америке?"

План настолько же прост, насколько глуп и наивен. На несколько месяцев денег нам хватит. (Ага, вот тут-то я и угадал! Как же – на несколько месяцев!) За это время я нахожу адвоката, и он делает нам грин-карты. Вся операция занимает полгода. И Америка покорена.

Нет-нет, все-таки, хорошо, что нам не дано знать будущее. Знай я хотя бы малую толику того, что ждет нас впереди! Жить бы нам тогда в России по сей день.

Куплены билеты до Сан-Франциско. Уже перетащили почти всю нашу мебель к Светиным родителям. Слетал в Краснодар, попрощался со своими. Рассказываю маме тот же оптимистичный план – полгода и все. А потом мы будем летать в Россию каждые несколько месяцев.

В один из последних дней сжигаем рядом с нашей хрущовкой все лишние бумаги. Впрочем, хрущевка эта не наша. И квартира на первом этаже, где мы прожили шесть лет, больше не наша. Что же наше? Домик в деревушке, который мы не успели продать (чему сейчас я очень рад). Да еще шесть тысяч долларов – все, что осталось после платы за услуги ушлой турфирме, покупки билетов и прочего-прочего. Да два чемодана, с которыми мы полетим. Невелик багаж для вступления в но-вую жизнь. Ну еще Алиска с Яшкой. Девятилетняя Алиска и четырехлетний Яшка,

которые с нетерпе-нием ждут, когда мы полетим в Америку, не пони-мая, что же это, в сущности, такое.

Темнота. Огромный костер на снегу. Туда летят журналы, какие-то книги без корешков, письма…. Сжигаем мосты.

Иллинойс
Январь 2000 г.

Завоевание Америки

Итак, сонный чиновник паспортного конт-роля, по виду то ли мексиканец, то ли пе-руанец (а может быть и вообще, боливиец) мельком глянул в мой паспорт и коротко спросил: «Tourists?». На что я с готовностью отвечаю: «Ту-ристы, туристы мы».

Толпа встречающих состоит из одного чело-века. Московская турфирма попросила меня взять с собой невероятной величины диковинный объек-тив от древнего фотоаппарата. Какой-то раритет. А за это в Сан-Франциско нас встретят и, даже, отве-зут в заказанный нами через турфирму отель. Упа-кованный и перевязанный шнуром объектив уди-вительно напоминал взрывное устройство начала века. Точно повяжут меня с этой хреновенью! А может быть там и правда что-нибудь запретное? Я ведь не смотрел, что внутри. У меня сильное иску-шение сунуть фиговину в урну еще в Шереметьево, но, подавляя опасения и сожалея о неправильном своем воспитании, я все же доволок подозритель-ный пакет до Сан-Франциско. Встречающим оказывается деловитый молодой человек, который действительно доставляет нас в отель. Отель на поверку оборачивается занюханым мотелем 'Super 8'.

За окном неведомая ночная улица неведомо-го мира. Время около девяти вечера и хочется есть. Говорю Свете: «Зай, я пойду, поищу, может быть найду что-нибудь поесть». Внизу на выходе на ме-ня несколько удивленно смотрит неприветливый портье.

Какое-то время бездумно иду по темной улице, глядя по сторонам в поисках чего-нибудь вроде Макдональдса. Как-то не по себе, только не могу понять, почему. Потом дошло – улица совер-шенно пустая. Ни единой души в обе стороны. И расхотелось мне искать, а то, пожалуй, найдешь американских приключений на свою свежепри-бывшую восточноевропейскую задницу. Для очистки совести заглядываю в какой-то бар, где, как мне кажется, на меня, опять-таки, удивленно из полутьмы смотрят посетители. А хрен его знает, что тут, только пьют или поесть тоже можно взять? Спрашивать почему-то не хочется.

В гостинице нахожу автомат, который щед-ро выдает мне большой пакет чипсов и три банки пепси. И то дело.

Долго не могу уснуть, хотя измучился и ус-тал, как собака – начался этот день ранним утром в Заокске, а заканчивается на другом краю земли, в городе Сан-Франциско. За окном воет сирена не то полицейской, не то санитарной машины. Незнакомые звуки и запахи окружают нас в этом новом мире.

Наутро выходим на нашу первую прогулку по Америке. Вчерашняя мрачная улица не про-изводит особенно радостного впечатления и при дневном освещении. Серые дома, мусор, какие-то пакеты на тротуаре валяются. На углу болтают две припозднившиеся черные проститутки. Но бук-вально в десяти минутах ходьбы начинаются кра-сивые ухоженные кварталы.

Первый день ознаменовался первым ЧП. В магазине одежды потерялся Яшка. Как и всякий нормальный мужик, магазины я не люблю – это если выразиться очень мягко. Сдерживая раздражение, рассеянно смотрю на горы шмоток и меч-таю поскорее убраться из этого тряпичного рая, когда Света подбегает ко мне с квадратными гла-зами:

- Яшки нет! -

- Как, нет? –

- Так. Был рядом со мной и нету. -

Спрашиваю продавщиц. Они не видели.

- Я пошел на улицу, а ты смотри здесь. -

Выскакиваю на улицу, смотрю в обе сторо-ны. Не мог он уйти далеко. Через секунду появ-ляется перепуганная Света:

- Нет его в магазине! -

Теперь я тоже перепуган. Думай, думай быстро. Четырех летний ребенок даже не сообра-жает, что он в другой стране... Если он сейчас поте-ряется, мы его никогда не найдем…. Звонить в по-лицию? Откуда? Нельзя уходить и нельзя стоять на одном месте… Что-то нужно делать прямо сейчас, пока он не успел никуда уйти... Из магазина выс-какивает продавщица, улыбается, машет руками:

-Your boy is here. - («Ваш мальчик здесь»)

Оказывается, он спрятался под стойкой с платьями и оттуда стрелял в покупателей из только что купленного игрушечного револьвера. Слабость в конечностях и хочется на пол сесть. Господи! Еще одна такая встряска и меня точно вперед нога-ми понесут. И не дождусь я счастливой жизни в об-ретенном земном раю.

Назавтра уезжаем в Сан-Бернардино, на юг. Почему именно в Сан-Бернардино? Продолжается полоса чудес, которая началась с беседы в амери-канском посольстве, когда нам дали визы с двумя

детьми. (Все, кто имел дело с американским по-сольством, знают, что такого не бывает). Буквально за два дня до отлета, когда мы уже взяли билеты до Сан-Франциско, оказалось, что в Заокском гостит Володя, один из первой группы, которую обучал Миттлайдер, а я, естественно, переводил. Сейчас живет в Калифорнии и приехал в Россию в гости. Рассказываю ему о наших американских планах. Володя с энтузиазмом кричит: «Слушай, Юра! Приезжайте к нам. Поживете, осмотритесь!»

А что, это мысль. Нам ведь все равно, куда ехать. Теперь мы катим к нему всю ночь через Ка-лифорнию на автобусе кампании «Грейхаунд» – десять часов езды.

В Сан-Бернардино пальмы и яркое солнце. Нас встречает Володя. Знакомимся с его женой, Любой, и их мальчишками, Сашкой и Мареком. Они снимают двухбедрумный апартмент или в переводе с русско-американского сленга на нор-мальный язык – трехкомнатную квартиру.

Экзотики хоть отбавляй, например, колибри – крошечные птички с длинным клювом, больше всего похожие на шмеля-переростка.

Осмотревшись, начинаю прикидывать, с че-го начинать. Прежде всего, нужно снять жилье. Во всех книгах об Америке нет ничего проще, но в действительности людям без американских доку-ментов, без работы и рекомендаций приличное жилье никто не сдаст. С помощью Володи удается снять квартиру прямо напротив в том же комплексе.

Я говорю «комплекс», потому что не знаю, как еще назвать это типичное для американских городов поселение – два десятка двухэтажных до-мов, окруженных забором из металлических пруть-ев. Проникнуть можно только через ворота, кото-рые каждый из жильцов открывает своим ключом прямо из машины. Кроме домов внутри комплекса бассейн и прачечная я рядами стиральных машин и сушилок. Приходишь, загружаешь, бросаешь три «квотера» (двадцатипятицентовых монеты) и сти-рай на здоровье. Потом бросил еще чего-то и суши до упаду.

Февраль, но температура около двадцати тепла. Частые проливные дожди. На склонах окру-жающих город гор лежит снег.

Итак, освоение Америки началось - есть жилье, пусть, пока, пустое. Денег у нас шесть ты-сяч – все, что осталось от проданной квартиры. Это и много, и мало. Много, если смотреть абстрактно. В прикладном же варианте на эти деньги нам нуж-но закрутить американскую жизнь: купить машину, компьютер и просуществовать неопределенное время, пока не начнут поступать доходы. Откуда они будут поступать? Это отдельный и

пока еще не вполне ясный (а, точнее, совсем неясный) вопрос. Пятьсот долларов заплачено за жилье и пятьсот долларов как задаток. Это правило Америки – если за время проживания мы ничего не испортим и ничего не натворим, задаток вернут, когда мы бу-дем съезжать. Но вернут потом, а тысячи уже нет.

Я упоминаю точные суммы, поскольку все это похоже на арифметическую задачу с бассей-ном, в который сверху вода течет, но при этом сни-зу еще и выливается. Вопрос, что произойдет рань-ше, начнутся заработки или закончатся деньги. Да и вообще вся ситуация прямо-таки хрестоматий-ная. Русская семья с двумя детьми. Ни прав, ни статуса, ничего. Нужно устроиться и выжить, начав с чистого листа.

С машиной я прокололся сразу – резко и глупо. Нашел я ее по объявлению в газете. Чистый, красивый серебристо-серый «Форд». Дал пару кругов вокруг квартала – нор-мально. Расплачива-юсь с продавцом наличными. Буквально через пят-надцать минут у нее клинит трансмиссию. Череп-ашьим ходом возвращаюсь, но продавца, естест-венно, и след простыл. Кое-как за час доползаю по темным улицам домой. Удар тя-желый. С по-мощью Володи и всезнающих наших начинаю разбираться в местной авторемонтной ситуации. После нескольких неудачных заходов нахожу мек-сиканскую мастерскую, где за пятьсот долларов мне ставят отремонтированную трансмиссию. Пятьсот – это много, но в других местах я бы за-платил намного больше. Как ни крути, все равно дорого, зараза!

А как вообще устраиваться? Что делать? Пока все в розовом оптимистическом тумане.

Комментарий ветерана

Мы не представляли себе в то время всю тяжесть, если не сказать, безнадежность нашего положения. Прошли времена, когда в Америку можно было просто приехать и остаться. Прошли времена, когда можно было просить политического убежища и получить его.

Многочисленные наши изгнанники, борцы за демократию и другие достойные люди уже мно-го написали о том, насколько трудно влиться в чу-жое общество и найти там свое место. Я с ними согласен: да, тяжко, даже, если ты имеешь все пра-ва. Мы же приехали по турвизе, как в омут голо-вой. Виза выдается на полгода. Теоретически, ее можно два раза продлять. Итого, полтора года на все дела. Если не пробьешь статус за полтора года, улетаешь в нелегалы, а это безвыходный тупик. Но и эти полтора года нужно чего-то кушать и детей кормить. А если тебе нельзя работать? Ведь «кто не работает, тот не ест», и спорить с этим очевид-ным фактом трудно. Американцам глубоко до лам-

почки, что там у тебя есть и чего у тебя нету. Счета за квартиру, телефон, свет и прочее приходят акку-ратно и так же аккуратно их нужно оплачивать, иначе тебя быстренько за шкирку и за дверь, как нагадившего кота. Счета здесь подобны действию неодолимых сил стихии – что бы ни произошло, счета будут аккуратно приходить и ты должен их аккуратно оплачивать. Это как катящийся за тобой по склону горы камень – остановись, и только брызги полетят. Но прежде, чем остановиться, нужно ведь как-то разбежаться. А попробуй, раз-бегись, если ты стреножен. Одному еще куда ни шло – что-то нароешь, какие-нибудь мутные ра-ботенки наскребешь, чтобы не сдохнуть. На четы-рех человек не наскребешь и не нароешь.

Я уже не говорю про сложность адаптации к чужой стране с другой культурой и совсем другими правилами игры. Казалось бы, раз я знаю англий-ский, значит проблем нет. Есть, есть проблемы. Я тоже иллюзорно считал, что в общем-то знаю кое-что об Америке. Этого «кое-чего» могло быть дос-таточно для переводов или короткого посещения страны, но не для жизни в ней. По сути дела только сейчас, шесть лет спустя, можно сказать, что мы не-множко разобрались, какие же именно колесики крутят машину жизни в этой стране.

Констатация факта - приехать семьей из четырех человек и выжить, не имея ни статуса, ни разрешения на работу, невозможно. А кому вы, собственно, нужны, чтобы вам такое разрешение дали? То, что мы выжили - исключение, которое, как известно, лишь подтверждает правило. Если кто-то вознамерится повторить наш трюк, я со всей откровенностью и совершенно искренне говорю: «Ребята, не нужно, вы не знаете, куда лезете – вы просто пропадете».

Но в Калифорнии наш оптимизм на высшей точке, меня переполняет смелость неведения, а ре-шимости хватило бы на полк спецназа.

———

Теперь нужно получить основные амери-канские документы. Пока у нас есть только советс-кого образца загранпаспорта с американской визой. Но это для Америки не документ; нужны карточки социального страхования и водительские права. Номер социального страхования спрашивают везде. Без «сошиел секьюрити» человека в Аме-рике просто нет – он призрак, он фантом. Ну, а пра-ва – основной гражданский документ, удостоверя-ющий личность.

Итак, отправляемся за «сошиел секьюрити», карточками социального страхования. В депар-таменте социальных служб

черный чиновник рав-нодушно сообщает: «У вас туристические визы и «сошиел секьюрити» вам не положены».

Задушевно улыбаясь, проникновенным голосом начинаю навешивать ему лапшу на уши. Рассказываю, что цель моего приезда в Америку – сбор материалов по истории возникновения рус-ских протестантских общин на Западном по-бережье США. В процессе исследований мне нужно много ездить, а водительские права не выдают без «сошиел секьюрити». Поскольку я час-то буду в разъездах, то права нужны и моей жене, как, естественно, и «сошиел секьюрити». Выслушав такую речь, мужик несколько обалдело рассматривает наши паспорта. Потом поднимает глаза и неуверенно говорит:

- Окей. Идите сдавайте письменный экзамен на правила движения, принесите мне бумагу, и я выдам вам social security cards, а потом вы можете сдавать экзамен на вождение. -

Через два дня получаем важнейший в нашем марафонском забеге документ – серые невзрачные карточки со своими фамилиями и номерами. На обратной стороне написано: «Без права на работу в США». Ладно, ладно, это отдельный вопрос, всему свое время. Еще через день получаю американские водительские права – пластиковую карточку со своей фотографией.

Коллектив соотечественников шалеет от такой скорости. Здесь живут пять русских семей – все родственники (естественно, не нам, а друг дру-гу). Они приехали сюда, как беженцы и получили все блага на тарелочке. Поэтому, в большинстве своем они сидят на вэлфэре и радуются жизни. А нам все нужно делать быстро. Света тоже получает права, но через две недели после меня, потому что на первом экзамене на вождение она, несколько растерявшись на запутанной развязке, разворачи-вается на полосу встречного движения. Ну, это пустяки.

Итоги первых недель в США: машина, куп-ленный на компьютерной ярмарке компьютер, сня-тая двухбедрумная квартира, права и social security. Да, чуть не забыл, я еще Алиску в школу опреде-лил. Для начала неплохо. Но это ничуть не продви-гает нас к основной цели. Без разрешения на ра-боту заработать кусок хлеба будет трудно. Наши здесь не помощники – они просто с интересом наб-людают, что будет дальше.

Нахожу адвоката. Объясняю, что хотел бы получил статус постоянного жителя Америки. По-казываю все свои регалии и рекомендации. Взяв в руки мой кембриджский сертификат, адвокат с во-одушевлением говорит:

- С таким образованием для вас я большой проблемы не вижу. Достаточно найти американ-скую компанию, которая готова взять

вас на работу и оформить вам грин-карту. -

Ушам своим не верю. Он что, идиот? Все это я и без него уже десять лет знаю. Ты мне найди такую компанию, которая этим займется! Ни хрена себе - «всего лишь» найти американскую компа-нию, которая готова взять тебя на работу!

Квалифицированный юридический совет обходится мне в восемьдесят долларов.

Очередной удар наносит телефонная связь. Точнее, конечно, наша невероятная неопытность в американских делах. Американская связь под-купает своей эффективностью – набрал номер и говори. Это рай земной по сравнению с муками советской междугородки, когда ты часа полтора будешь набирать восьмерку, а потом тебя упорно соединяют не с тем номером. Ошалев, мы назва-ниваем родным и близким в Россию, а также друзь-ям и знакомым. Когда я увидел первый счет, меня прошиб холодный пот. Семьсот долларов! Мы не знали, что у каждой телефонной кампании есть раз-личные льготные программы, что никто не звонит вот так, как мы, по самому дорогому тарифу. Ох, крутая ты, американская волна! Список того, о чем мы в то время не знали, можно продолжать до бесконечности.

Обалдев от американского изобилия, Света в стремлении благоустроить наше гнездышко тоже никак не может остановиться, и деньги быстро та-ют.

Из России я привез с собой справочник христианских организаций, которые сотрудничают со странами бывшего Советского Союза. Вооружа-юсь терпением и обзваниваю их утра до вечера. Стараюсь найти контору, которая занимается пере-водами и заинтересована в переводчике. Организа-ций сотни и, казалось бы, задача это вполне реаль-на. После недельных поисков понимаю – у кого есть нужда, нет денег, а у кого есть деньги, те пе-реводят свои материалы в России. Грустно.

На другом краю Америки, в Чикаго, учатся наши хорошие знакомые, Андрей и Лена. Оба пре-подавали английский язык в семинарии, а с Андре-ем я вместе переводил учебные лекции. Узнаю их телефон, звоню. После обмена американскими впечатлениями Андрей говорит:

- Я тут в одной организации подрабатываю, «Мост надежды». Они вот-вот заключат контракт на перевод и издание большой книги, и сейчас ищут профессионального переводчика со знанием протестантского богословия. Я сразу о тебе подумал. –

- Так в чем дело, Андрюша? Я готов, ты только свяжи меня с ними. -

Через день мне звонит президент «Моста», гос-подин М. Разговор выдерживается в светских и официальных тонах. Меня

именуют «господином Скрипниковым». Да, я готов перевести книгу и у меня большой опыт богословских переводов. Да, я профессиональный переводчик и несколько лет переводил для семинарии.

Договариваемся, что мне пришлют материал на пробу и от результатов будем плясать. Собственно, плясать хочется мне, потому что деньги подходят к концу, а на горизонте до сегодняшнего дня все бы-ло окутано туманно. Через неделю приходят две странички из книги. Перевожу и отправляю. Еще через неделю договариваемся, что книгу буду пере-водить я. Они не задают глупых вопросов о моем статусе, я не задаю вопросов о своих возможных перспективах получения такового.

Проходят дни. Каждый день жду от «Моста» материалов, сдерживаясь, чтобы не звонить им по три раза в день. А денежки уходят, уходят, уходят.

Однажды вечером сидим со Светой на кухне, пьем кофе и обсуждаем свои дела. Вдруг со сторо-ны коридора по полу начинает растекаться лужа. Господи! Мы же набираем Яшке ванну! Совсем забыли. Вся квартира залита водой. А соседи внизу?! Под нами живет семья румын. Бегаем с тряпками, собираем воду, но ясно и понятно, что внизу воды более, чем достаточно. Черт-те его знает, сколько времени продолжался этот потоп!

Соседей нет дома, они у себя в церкви на богослужении. Они пятидесятники, беженцы и в Америке всего несколько месяцев. По-английски не говорят. Мучительно жду. Слышу, как внизу хлопнула дверь. Через какое-то время стук в дверь. Ну, началось! Сосед молча показывает мне рукой вниз. Спускаюсь. Там абсолютный кошмар. Водой пропитано все. Что-то объясняю соседу на неве-роятной смеси всех известных мне языков. Он мол-ча слушает. Появляется Боб, заместитель менед-жера, или, по-нашему, замначальника ЖЭКа. Рассматривает пейзаж после битвы. Потом стоим курим с ним на улице. Теплый звездный вечер и вдали, как обычно, завывает сирена.

- Боб, сколько это может стоить? –

- Трудно сказать, тысячи две, где-то так. Нужно будет перестилать ковры по всей квартире. –

Так, ясно. А затопленное личное имущество соседей? Это, ребята, все – кранты-колеса. Денег у меня просто нет, и оплатить я не смогу даже деся-тую часть ущерба.

На другой день Яшкин день рождения, четыре годика. Чтобы немножко развеяться от гнетущего кошмара, решаем поехать на океан - семьдесят миль от нас на запад.

Всякий раз, чтобы выехать из комплекса, мне нужно открыть

ключом ворота. Все ключи в одной связке, и чтобы не глушить при этом машину, я, по совету Володи, покупаю хитрый держатель для ключей. Если нажать на него, часть ключей можно отцепить. Таким образом я могу не глушить мотор и не вынимать ключ зажигания, если нужно от-крыть ворота в комплекс.

До океана добираемся за полтора часа. Все побережье забито толпами людей. В поисках уютного места едем все дальше и дальше на юг. Ощущение, что мы уже в Мексике – водители машин, народ на улицах, названия городков, все из мексиканских сериалов.

На фривее вижу знак: «Последний съезд на территории США». Если ехать дальше, мы про-скочим прямо в Мексику. Сворачиваю. Поколесив по улочкам живописного, мексиканского по всем своим признакам городка на самой границе, нап-равляемся на север. Останавливаемся у огромного пляжа в районе Сан-Диего. Раздеваемся и входим по колено в воду. Ну, вот, теперь можно сказать, что купался в Тихом океане. Ветра нет, но с океана идет огромная волна, поэтому купанье носит нес-колько символический характер. Решаем проехать дальше на север. Кто-то нам рассказал про одно местечко – Санта-Клементе. Говорят, там можно найти пустынный пляж. Доезжаем, находим. У самого океана стоит атомная электростанция, а за ней виден абсолютно пустой чудесный пляж. Обойти станцию со стороны берега невозможно, поскольку метрах в ста от обреза воды вертикально поднимаются скалы. Со стороны океана станцию окружают валуны, о которые бьет волна. Смотрю на эти камни и думаю, что, в общем-то, можно по ним обойти ядерную контору и выйти на ту сто-рону. Делюсь чудесной идеей со Светой. Она неохотно соглашается. Идем гуськом. Чем дальше, тем чаще нас обдает волна (мне как-то не пришло в голову, что на океане есть приливы). Приходится посадить Яшку на плечи. Света держится за меня, а Алиска за нее. Волна уже поддает до пояса, и мы напоминаем группу потерпевших кораблекру-шение. Хорошо, что сигареты у меня не в джинсах, а в кармане рубашки, а то хана бы им! Яшка с Алиской испуганы, но молчат. Меня захлестывает выше пояса. Останавливаюсь и смотрю вперед. Все та же картина – стена станции, валуны и накатыва-ющиеся на них волны. Говорю Свете: «Пошли назад!» Выбираемся назад, где нас ждет сюрприз. Вспомните традиционную в кинокомедиях ситу-ацию: герой тянет дверь на себя, она не поддается, он изо всех сил рвет ручку двумя руками, а потом выясняется, что ее нужно не тянуть, а толкать в другую сторону. Оказалось, что через электростанцию есть проход. Бетонные стены с обоих сторон, наверху колючая проволока. И узкая дорожка для желающих пройти на ту

сторону.

За станцией полная благодать. Жаркое солнце, океан, скалы, а между скалами и океаном пустын-ный, насколько видит глаз, песчаный берег. Между кустами бегают «чипманки», зверьки, похожие на нашего бурундука. И ни одной души.

Света раскладывает снедь на камне и шустрые бурундуки тут же начинают ее у нас таскать чуть ли не из-под рук. Алиска с Яшкой по песку на чет-вереньках устремляются за одним таким разбойни-ком. Из кустов торчат только их круглые попки.

Над головой, гулко хлопая лопастями, пролета-ют военные вертолеты. Разворачиваясь, низко над океаном уходят к виднеющемуся на горизонте ост-рову. Я знаю, что здесь рядом огромная учебная база морской пехоты. Оттуда они и летают.

Раздеваюсь, чтобы всласть покупаться. Слу-чайно ощупываю зацепленный за джинсы держа-тель для ключей и в животе у меня холодеет – клю-ча зажигания нет! Когда волна поддавала до пояса, от давления воды (как я думаю) это хитрое приспо-собление сработало, и ключ отцепился. Остальные ключи на месте – от квартиры, от ворот. И машину можно открыть. Только завести нечем.

Ситуация, ети-о мать. Какое-то время не гово-рю об этом Свете, чтобы хоть на полчасика сохра-нить ей хорошее настроение. Потом начинаются муки бесполезных поисков. Для проформы прохо-дим обратно через станцию, внимательно вгляды-ваясь в бетонную дорожку. Естественно, ничего не находим. Из телефона-автомата и звоню Володе с Любой в Сан-Бернардино. У нас дома есть запас-ной ключ от машины. Какое-то время слушаю гуд-ки, потом опускаю трубку на рычаг. Вообще-то это дурость – просить людей ехать за 70 миль, чтобы привезти ключи. Да и как они попадут в квартиру?

Хватит метаться, давай, думай. По эту сторону станции на пляже народу хоть отбавляй. Может, кто-нибудь из мужиков знает, как завести машину без ключа? В России обязательно нашелся бы уме-лец. Американцы смотрят на меня с удивлением, улыбаются, пожимают плечами. Спрашиваю, не согласится ли кто-нибудь отвезти нас до Сан-Бернардино. Я бы взял запасной ключ и вернулся. Один мужик соглашается, потом подходит и гово-рит, что нет, он не может. Зато предлагает подбро-сить к мастерской, где делают ключи. Интересно, сколько это стоит?

До мастерской пять минут езды. Мое любо-пытство там удовлетворяют без промедления – они сейчас же пошлют на пляж пикап со всем оборудо-ванием и сделают ключ прямо на месте. Это будет стоить всего лишь сто долларов. Сто долларов! А у меня всего на счету осталось долларов двести. И все, больше

ничего нет, дальше пустота, безбреж-ность и бесконечность.

Пытаюсь объяснить, что я только что приехал в Америку и с деньгами туго. Вежливо улыбаются, разъясняют, что цены устанавливают не они и меньше взять не могут. Нужно идти к банкомату и брать наличные. А где здесь автомат? Спрашиваю благодетеля, который меня сюда подвез. Он гово-рит:

- Я тебя подброшу. А сколько они с тебя запросили? -

- Сто долларов. –

- Ну и мне двадцать за то, что я тебя возил и показал мастерскую. -

Киваю головой. Хрен с тобой, мне уже все рав-но. На пляж еду вместе со специалистом по изго-товлению ключей. По дороге слушаю рассказ о том, какой он верующий человек и как ему от этого хорошо живется. Со злостью думаю: «Если ты, су-ка, такой верующий, возьми да и скости мне поло-вину цены. Я же тебе сказал, кто мы и что, и сколь-ко у меня денег осталось, и что детям завтра есть нечего будет. Верующий, мать твою так и эдак, и сикось-накось!»

На изготовление ключа ушло примерно секунд сорок, ну, может быть, минута – одна из самых до-рогих минут моей жизни.

Домой возвращаемся вечером. Вижу, что сосе-ди повытаскивали свой скарб и сушат его на улице.

На другой день иду разговаривать с соседом. В качестве переводчицы выступает его дочка, кото-рая хорошо знает английский. Рассказываю нашу эпопею. Пожилой румын смотрит на меня, молча слушает, кивает. Потом похлопывает меня по пле-чу и говорит, что никаких претензий у них нет. Я могу только обнять его и пожать руку. Слова для таких эмоций еще не придуманы, а плакать мужи-кам вроде неприлично.

Будь соседи американцами, они выставили бы нам счет на несколько тысяч, не знаю, на сколько именно. И тогда даже теоретически не представ-ляю себе, как можно было бы выкрутиться из этой ситуации. Еще одно чудо. С тех пор к румынам у меня совершенно особое отношение.

Чтобы завершить эту историю – менеджер нам счет за ремонт квартиры соседей не выставил. Тоже непонятно – ведь ремонт был! Несколько месяцев, которые мы прожили в Калифорнии, я гадал, вернут нам задаток или зачтут в счет ремон-та. Спросить напрямую почему-то не решался. Ког-да в октябре мы уезжали в Иллинойс, свой задаток получили полностью без всяких вопросов. Мне трудно объяснить, почему. В нашей американской истории вообще множество ситуаций, не поддаю-щихся рациональному и логическому объяснению. Поэтому я воспринимаю их просто как данность, не пытаясь истолковать….

По дикой послеобеденной жаре идем с Яшкой смотреть почту. Неожиданно сын говорит:

- Папа, когда мы поедем домой? Я хочю к бабуске! -

Прижимаю его к себе, бормочу:

- Потерпи, потерпи, сыночек. Скоро к бабушке поедем. –

Бедный, бедный ты мой детеныш, плохо тебе здесь! Мы вас не спросили, мы распорядились ва-шей судьбой и определили всю вашу жизнь. Посмотрев в пустой почтовый ящик, воз-вращаемся той же дорожкой между пальмами. Я бормочу: «Ничего, сына, прорвемся, ничего….». Вспоминается, как мы уезжали в Шереметьево. Когда, подхватив чемоданы, мы спускались по лестнице, Яшка, повернувшись к стоящей в дверях бабушке, радостно машет ей рукой:

- Пока, бабуска! Мы в Америку улетаем! -

Плохо нашим детям здесь. Они не знают языка и дворовые американские дети издеваются над ни-ми. Алиску сгоняют с качелей, а Яшке не дают иг-рать в песочнице.

Нас сразу просветили по поводу некоторых важнейших правил. Если тебя остановила полиция, из машины не выходить и руки держать на руле, на виду. Детей одних дома не оставлять, а то соседи моментально настучат и придется разбираться с по-лицией. К чужим детям не прикасаться ни в коем случае. Все вопросы решать с родителями или просто вызвать полицию. Однажды, когда у меня лопнуло терпение, я пошел с претензиями к матери особенно наглой черной девчонки, которая активно преследовала Алиску. Дородная черная дама молча выслушала мою речь. Вслед за мной прибежала вся дворовая стая. Пока я говорил, они все время пере-бивали меня: «Это неправда, это неправда!» Эх, милые крошки, моя воля, как бы вы получили по заднице – от души и с оттягом!

Яшка случайно забросил за забор драный мячик от гольфа, принадлежавший соседскому мальчиш-ке. Тут же явилась молодая мама, в умных очках и с толстенной задницей. Очень аккуратно, с улыб-кой выражает недовольство. Господи, да этому мя-чику красная цена двадцать центов!

- Хорошо, я куплю вам новый мячик, - говорю я. Боюсь, что на лице, все же, отражается мое ис-тинное отношение и к вашим деткам, и к вам, и к вашим долбаным порядкам.

Алиске повезло с первой учительницей. Ее зо-вут миссис Родас – молодая румынка, которая хо-рошо помнит европейскую школьную систему и представляет, что за ребенок к ней попал.

Проходят дни, а от «Моста» все еще ничего нет. И денег уже тоже нет. На машине полетела полуось и на последние пятьдесят

долларов покупаю подер-жаную у мексиканцев. Поставить ее согласился Ко-ля – единственный из местного русского коллектива, кто не на велфэре, а работает. Коля возится на жаре под машиной, я сижу рядом на корточках, оказывая посильную помощь. Неожиданно для се-бя говорю:

- Коля, ты не мог бы нас выручить деньгами? У меня вот-вот работа начнется, но пока завал пол-ный. -

- Сколько тебе? –

- Девятьсот долларов – заплатить за квартиру и прожить месяц, пока не начну получать. А рассчи-таюсь я с тобой за три месяца. -

- Тебе как, наличными или можно чеком? -

Скажу без преувеличения, что Коля нас спас. А ведь он нас, по сути дела, не знал. Ну, приехала семья два месяца назад. Ну, знакомые его свояка. Но ведь они могут и исчезнуть точно так же, как приехали.

Девятьсот долларов для средней семьи большие деньги, достаточно большие, чтобы призадуматься, ссудить ли их даже близкому родственнику. Коля за-дал только один вопрос: «Тебе как, наличными или можно чеком?»

Наконец-то начинают приходить материалы на перевод, вначале сценарии радиопередач, а через месяц и толстенная книга, «Библия для самостоятельного изучения по индуктивному методу».

С головой погружаюсь в работу. Маленький кондиционер с такой жарой не справляется, и я сижу за компьютером в одних трусах. С азартом стучу по клавишам киборда, ныряю в справочники и в большой словарь, позаимствованный, опять-таки, у Коли. Я пока не могу позволить себе купить собственный.

Света пробивается в школу английского языка для взрослых. Учат там здорово – по шесть часов в день каждый день. Контингент – от восемнадцати до восьмидесяти. Кого там только нет: вьетнамцы и мексиканцы, перуанцы и румыны. И одна русская, моя жена. На английский она набрасывается с таким энтузиазмом, что это уже напоминает штурм Измаила суворовскими гренадерами.

Иногда мы ездим в сад за апельсинами. При-мерно в получасе езды от нас есть несколько ог-ромных апельсиновых садов. Нам сказали, что раз-решается набирать два пластиковых пакета бе-сплатно. Что мы и делаем – идем между рядами деревьев и рвем апельсины. Вначале как-то мне все не верилось, что это реальные апельсины вот так растут – скромненько и незатейливо, как у нас ан-тоновка.

Вечерами, уложив детей спать, ездим за про-дуктами. Жара

немного спадает, и на улице даже приятно. Мы еще не привыкли к буйству световой рекламы и кажется, что вокруг непрекращающийся праздничный карнавал.

Движется вперед работа. Сделав очередные сто страниц, записываю их на дискету и отправляю по почте в Иллинойс. Примерно через неделю прихо-дит чек. А иногда не приходит и мне приходится по два-три раза в день звонить в Чикаго и выяс-нять, отправлен ли он.

В последующие годы я через интернет отправ-лял свои переводы и в Англию, и в Россию, и куда угодно. Но тогда мы интернетом не пользовались, даже не знаю, почему.

Жизнь как-то налаживается, хотя мы все еще и висим на волоске, и малейший сбой грозит крахом.

Миннесота
Ноябрь 2001 г.

Хуторок в иллинойской степи

У нас в доме поет сверчок. Он притаился на первом этаже в углу и стрекочет вовсю. Я человек сентиментальный, и верю в добрые и недобрые дома. Этот дом большой и добрый. В нем наверное даже привидения беззлобные, тихие такие. А привидения быть должны - все-таки дому где-то сто сорок лет. Наличие потусторонних осо-бей остается под вопросом, зато у нас есть ходики. Самые настоящие, купленные Светой на гараж-сей-ле - с гирями и даже с кукушкой. Только она по ветхости лет больше не выскакивает. В лучших традициях по стенам висят фотографии. Есть и мой парадный снимок - весь благостный, в благород-ных сединах, с полуулыбкой я добрыми глазами взираю на этот мир.

Жена все время ворчит, и теоретически я с ней согласен. Ну да, крыша течет и сантехника оставляет желать много лучшего, и крыша веранды скоро нам на голову завалится, и хозяину на все на-плевать. Все так, но я радуюсь каждому часу, кото-рый мы здесь прожили, а что до Марка, нашего хо-зяина, так я его месяцами не вижу, хотя живет он милях в шести от нас. Впрочем, я по нему и не ску-чаю.

Мы живем на хуторе - другого слова подо-брать не могу. К дому от дороги ведет аллея с ог-ромными деревьями. Сам дом двухэтажный, бе-лый, с зеленой крышей. Перед ним лужайка, кото-рую в полном соответствии со святой американ-ской традицией моя жена любовно стрижет гро-хочущей и коптящей бензиновой гарью газоно-косилкой.

Вокруг дома деревья и кусты. Чуть подаль-ше начинаются джунгли. Там даже есть две полян-ки с ландышами. Вообще, в нашем оазисе есть все: несколько шелковиц, дикая малина, масса каких-то колючек и густая трава выше пояса... Там же, в зарослях, несколько сараев, точнее три. Было четыре, но в прошлом году во время сильной бури один завалился и мы спалили его останки в кострах.

Между домом и сараями разбросан наш автопарк. Действующую его часть составляют наша основная машина - купленный у знакомых роскошного вида белый «Кадиллак» с предатель-скими наклонностями - и ржавенький страстотер-пец Васенька. Кроме того там стоит наш кали-форнийский «Форд-Темпо» (сейчас он доживает свой век среди лопухов за сараем), а также «Пон-тиак», на которой приехали из Мичигана наши друзья. Обратно машине ехать расхотелось, и она просто не завелась. Теперь ожидает решения своей участи в нашем дворе...

Среди деревьев оборудованы всякие раз-ности. В глухом углу между тремя деревьями на высоте примерно трех метров над землей мы сде-лали площадку для детей. Точнее, всю основную работу выполнила Света, поскольку я в то время передвигался боком, а действовала у меня только одна рука. (Почему так? Смотрите опус «Такие дела»). С других деревьев свисают веревки, на них дети катаются. Естественно, болтается и старая автомобильная шина, на которой они тоже катаются.

На нашем хуторе есть то, что напрочь от-сутствует в Америке. Как выразился один мой друг, в Америке есть свобода, но нет воли. А здесь воля... наше Дикое поле. Между сараями и рощей на краю усадьбы мы выбрали место для костра. Вокруг расставили чурбаки, на которых можно сидеть.

Сегодня Алиска отбыла к подруге гостить с ночевкой, а мы разожгли костер. Темные деревья, огромная луна, звезды, свежесть начала осени. Беленький Яшка подбрасывает в костер охапки сухой травы и очень серьезно рассказывает нам массу интересного - как ловят осьминогов, как Дэниел в школе наступил ему на ногу, почему он не любит читать и многое другое. А мы со Светой сидим и смотрим на огонь.

Прошлой зимой в сарай забрался покалечен-ный машиной енот. Большой, похожий на лису. Сжавшись в пружину, енот рычал и показывал клыки. Дети рвались его кормить, приходилось их оттаскивать и объяснять, что енот - дикий зверь. На другой день, оклемавшись и отъевшись на наших хлебах, он куда-то ушел на трех лапах. А неделю тому назад во двор забрел олень. Я вышел утром покурить на крыльцо, он меня увидел и шарах-нулся от сарая в кусты и дальше, в кукурузу.

На одном из огромных деревьев, что стоят вдоль аллеи, стучит дятел. Одно время во двор часто наведывался заяц - мы его даже прозвали Антоном. Только вот почему-то белок не видно, хотя вообще их здесь тьма-тьмущая. Вокруг хутора стеной стоит кукуруза. Уже сейчас по соседним полям стали ползать комбайны. Где-то через месяц на пару дней появятся люди, которые арендуют у нашего хозяина поле за усадьбой.

Уберут кукурузу и до весны опять на нашем хуторе не будет никого, кроме тех, кого мы хотим видеть.

Иллинойс
Октябрь 1999 года

К вопросу о счастливой жизни

С недоумением и, даже, некоторым недовери-ем к своей памяти возвращаюсь я к без-заботной жизни в стране, которой больше нет на карте мира. Надо же, нет настроения пла-тить за квартиру, ну и не плати... будет ведь и другой раз. Не хочешь платить за свет, и не надо. Предположим, ты зажиточный, хорошо обеспечен-ный человек, и у тебя есть «Запорожец». Сломался «Запорожец» - обидно,... но можно обойтись и без него. Откати в сарай и пусть стоит, пока деньги на ремонт не появятся.

Американское счастье настырное и агрес-сивное. Блага навешивают тебе на шею, не спра-шивая, нуждаешься ты в них или нет. В вопросе об оплате за эти блага никакие шутки не проходят - вышибут. Если же в процессе ты отдал Богу душу, сдерут с мертвого тела - как в былые времена маро-деры на поле сражения сдирали с убитых сапоги.

Без машины жить просто невозможно. То есть, конечно, можно, ну, как предположим, можно обойтись без штанов. Технических препятствий нет, но очень много неудобств. Можно, допустим, купить велосипед с коляской и ездить на нем за продуктами в город (пятнадцать миль в одну сто-рону). Или на нем же куда-то семьей выехать...

Но это еще не все. Одной машиной не отделаешься. Во-первых, раз мы оба с женой работаем, то распиливать ее (машину, конечно) пополам очень трудно. Во-вторых, у машин есть обыкновение ломаться.

Теперь, о том, во что это выливается на практике.

Когда «Форд-Темпо», на котором мы прикатили из Калифорнии, стал окончательно загибаться, встал вопрос о

пополнении автопарка. Горький опыт подсказывал, что покупка автомоби-лей за 100 - 200 долларов у сердобольных знако-мых обходится слишком дорого - стоимость ре-монта месяца за три составит как минимум долла-ров 400 - 500), а потом их все равно приходится выкидывать, как драные носки. И решили мы взять в банке лоун (заем по нашему) и купить что-то бо-лее приличное. Те же фермеры, у которых я ухва-тил Васеньку (см. опус «Васенька»), продавали еще один «Кадиллак» - оставшийся от их родителей. Это, конечно, машина для наших кавказцев. Боль-ше всего к ней подходит слово «вальяжный». Большая, беленькая такая, вся в наворотах и за-витушках. Я как-то сравнил ее с могилкой богатой бабушки.

Ну, так вот, хватаем мы в банке кредит на 3000 долларов и становимся счастливыми облада-телями этой машины. Естественно, что фактически владельцем является банк. Естественно, что за нее ежемесячно приходится выплачивать банку. Ес-тественно, что банк требует, чтобы машина была полностью застрахована (а такая страховка очень дорогая).

- Ладно, - думаю, - Бог с ним, зато у нас, наконец-то, настоящая машина, а не все эти му-довые рыдания. -

К этому времени вялотекущий автомобиль-ный кошмар уже довел меня до нервного тика и тихого сумасшествия.

Ездит наш шикарный «Кадиллак» месяц, ездит второй... На шестом месяце без всякого пре-дупреждения машина глохнет на светофоре (ес-тественно, что за рулем моя жена. Все трагедии происходят, когда в машине Светка). А потом она очень тихо скатывается на подвернувшуюся очень кстати парковку какого-то ресторана. Дальше, ес-тественно, вызов машины для транспортировки (буксировка на тросу в Иллинойсе запрещена зако-ном. Получается очень удобно - нашел телефон, вызвал соответствующую службу, подождал часок, заплатил 50 - 70 долларов, и машину притащили прямо к тебе во двор. Если потом ее нужно доста-вить в мастерскую, процедура повторяется).

Следующую главу этой драмы я опускаю, иначе пришлось бы описывать многочисленные пе-ретаскивания «Кадиллака» с места на место, вво-дить в повествование черного владельца мастерс-кой, который попытался, не заглядывая под капот машины, ободрать меня как липку, описывать ошибочный диагноз моего механика, Билла, и т.д. В конце концов получаю я маленький сюр-приз: модель двигателя, который стоит на этой ма-шине, имеет врожденный дефект. В результате у него через определенное время летит 1 (одна) шес-теренка. Но шестеренку эту заменить невозмож-но... Иными словами, покупай, милок, другой дви-гатель.

В Америке такие прожекты можно сравнить с капитальным ремонтом квартиры в Советском Союзе. Машина, конечно, становится на прикол (пока выяснилось, что с ней, я ухлопал на это дело около 400 долларов). Нам с женой приходится три месяца делить пополам нашего Васеньку, который тоже протестует - ему не хочется больше ездить, ему отдыхать хочется. Правдами и неправдами вы-рываем мы еще один банковский заем (это уже третий по счету) - специально для ремонта маши-ны.

И вот она второй день ездит - не знаю, на-долго ли. Это как больной, которому сделали опе-рацию слишком поздно. Известно, что помрет, не-известно только когда конкретно. Мотор-то, ведь, той же модели, а поэтому рано или поздно и ре-зультат будет тем же самым. Во что обошлась вся эта эпопея? В общей сложности где-то в тысячу во-семьсот долларов. Можно ли было этого избежать? Можно - купив велосипед.

Причины всех этих ужасов предельно прос-ты. Раз у тебя нет своего дома, то кредит или не да-дут, или дадут на самых невыгодных условиях, и платить будешь много. И если ты не имеешь доста-точно денег, кредитную карточку тебе тоже не да-дут. Естественно, что любые удары судьбы обхо-дятся нам несравненно дороже, чем нормальному среднебогатому человеку. Дело в том, что эти си-туации сразу же приобретают пожарный характер, когда думать некогда, а нужно прыгать. И само-собой, что в панике и суете решения оказываются не самыми лучшими.

Иллинойс
1998 г.

Васенька
Романтическая новелла

Модель: "Кадиллак Симаррон"
Год выпуска: 1984
Километраж: неизвестен,
уходит во мглу веков

До ноября прошлого, девяносто седьмого, года наш автопарк состоял из ветерана-"Форда", который в далекие времена пере-тащил нас через всю Америку из Южной Калифор-нии, и "Кадиллака" по кличке Васенька.

Васеньку я воскресил из небытия подобно тому, как Иисус воскресил Лазаря. И было это так.

В один прекрасный день я мирно трудился на подрезке кустов (традиционное занятие для всех, у кого нет разрешения на

работу) и уборке всякой прочей зеленой нечисти у знакомых амери-канцев-фермеров. Зачем-то зашел в ангар (гаражом это сооружение не назовешь, амбаром тоже). В уг-лу темнело что-то, напоминающее автомобиль. Точнее сразу определить было трудно, поскольку оно было все загажено птичками до потери физи-ческого облика. Походил, походил я кругами, и стало меня любопытство одолевать. Заглянул внутрь - кресла есть и даже кожаные. Открыл ка-пот, мотор на месте. Подошел к хозяйке:

- Дженни, - говорю, - что это у вас за машина в углу ангара отдыхает? -

- Да это старшая дочка когда-то на ней ездила. -

- А что там сломано? -

- Я не знаю, нужно спросить мужа. -

Спросила, оказывается все в порядке.

- А за сколько, - говорю, - вы ее можете уступить? А то наш "Форд" уже еле ездит. -

- Да ни за сколько. Джерри зарядит аккумулятор, накачает шины и бери ее, жалкенький ты мой. -

Пригнали, отмыли, приласкали. С тех пор она и ездит. Есть, конечно у Васеньки некоторые недостатки. Во-первых машина настолько ржавая, что если захлопываешь дверь, то вся нижняя часть трясется, как лист жести, поскольку держаться ей не на чем. Во-вторых, слышно этот агрегат пример-но за километр. В-третьих, в соответствии со своим почтенным возрастом Васенька никуда не торопит-ся и разгон у него, как у тяжелого самолета на взле-те - требуется примерно полтора километра, чтобы достигнуть скорости 50 миль в час. В четвертых, заводить машину умею один я - очень уж сложная это процедура, напоминающая сакральные ритуалы таинственных и забытых цивилизацией племен. Но есть и одно большое достоинство. Данный аппарат позволяет перемещаться в пространстве без приме-нения мускульной силы (почти что).

Да, вот так, просто и скромно, вошел Васенька в нашу жизнь.

Вначале, когда я только извлек его из амбарного небытия и, отмыв, вернул к активной жизни, Ва-сенька капризничал, и это естественно. Всякий бу-дет капризничать - отдыхал себе тихо-мирно, и, на тебе, опять ездить! На кой бы хрен ему это нужно? Иногда он просто не заводился. То есть, поворачи-ваешь ключ, и ничего не происходит. Мой механик Билл определил, что чего-то там с проводами. Он же дал рецепт. В аварийной ситуации я извлекал огромную (величиной с кавказский кинжал) от-вертку и вонзал ее в Васенькины нутра. И машина заводилась. Правда, один раз таким образом я чуть было не задавил сам себя. Как-то

поставил я маши-ну во дворе напротив сарая (мы его иногда гордо именуем гаражом, потому что зимой туда можно загнать полмашины, чтобы ее снегом не завалило) и выключил мотор, но при этом забыл поставить ручку передачи в парковочное положение. Через какое-то время, выхожу, поворачиваю ключ – ти-шина. Снисходительно улыбаясь, открываю капот и, склонившись над мотором, хорошо натрениро-ванным движением соединяю отверткой то, что там нужно соединить. Васенька с ревом заводится и резво прыгает вперед. Ну да, естественно, что ес-ли машина стоит на скорости, она и должна ехать вперед. Спас меня сарай. Васенька получил вмяти-ну, а я чудом избежал возможности попасть в кни-гу рекордов Гиннеса, как задавленный собственной машиной.

(Маленький нюанс: машины с автомати-ческой коробкой передач сконструированы так, чтобы их нельзя было завести, если ручка не стоит в парковочном положении. Это называется "защита от дурака". Наверное, все-таки, не совсем надеж-ная.)

Эта вмятина была первым Васенькиным увечьем. Потом к ним добавились многие другие. Как-то раз моя супруга работала у Женьки. Женька - это Дженни, та самая фермерша-миллионерша, благодаря которой Васенька появился у нас. Дело было зимой и Васенька каким-то образом оказался в сугробе. Решительных женщин это не смутило. Женька села на капот, чтобы добавить веса перед-ней части машины (солидная, нужно сказать, при-бавка), а моя любимая, воткнув заднюю передачу, от всей души нажала на газ. Васенька взревел и вместе с сидящей сверху Женькой пулей выскочил из сугроба. Как-то получилось, что на его пути ока-зался неуместный, глупый и совершенно никому не нужный столбик. Так Васенька лишился левого бо-кового зеркала. Ну а потом, естественно, правого.

Очень оригинально открывается у Васеньки капот. Вы видели, как стреляют из больших ору-дий? Вспомните кадры хроники времен Великой Отечественной войны. Наводчик остервенело дер-гает за шнур и пушка с грохотом стреляет. Вот так же открывается капот у Васеньки. Я уже рассказы-вал, как заводил машину отверткой. Через какое-то время и эта мера себя исчерпала. Однажды дивным вечером (снег с дождем и нулевая температура) Васенька просто отказался реагировать на все эти ухищрения. Так же равнодушно отнесся он к лас-ковым уговорам и отборному русскому мату. Оста-вил я его на парковке супермаркета, кое-как доб-рался до Билла и поведал ему эту грустную исто-рию. Билл тут же помчался на место происшествия. Он провозился с машиной два часа - под ледяным дождем. Он не взял с меня ни копейки! Правда спустя год тот же

Билл продал мне совершенно жуткий рыдван за 600 долларов. О, таинственная американская душа! Но не менее таинственна и душа славянская. Кто бы мне объяснил, зачем я взял это чудище, на котором моя жена чуть не взор-валась, когда у него потек бензобак, и которое че-рез пол-года развалилось?

Ну, так вот, в процессе приведения Васень-ки в чувство трос, который открывает капот, по какому-то глупому стечению обстоятельств оказался на аккумуляторе, перемкнув клеммы. Естественно, вспышка, дым и другие пиротех-нические эффекты. Но умельца Билла такими пустяками не смутишь. Оставшуюся часть тросика он вытащил наружу через решетку радиатора и сообщил, что на время сойдет и так, а потом сделаем. Вот я и открываю капот, потянув снаружи за тро-сик. А что? Мне так больше нравится. Очень удоб-но открывать капот. А если меня спрашивают, что это за загадочный провод торчит из машины, я объ-ясняю, что она заминирована и что когда супоста-ты обложат меня со всех сторон и надежды на спа-сение не останется, я дерну за эту проволоку и взорву себя вместе с вражьей стаей.

Может возникнуть вопрос: а, почему, собс-твенно, - Васенька? Да не знаю я: Васенька, и все тут. Так уж мы ее назвали. Был у нас Банан, была Редиска, а теперь Васенька.

Привлекает в Васеньке многое. Во-первых, голубая кровь. Все знают, что "Кадиллак" машина миллионеров. Поэтому даже ржавый "Кадиллак" - это не какой-нибудь вам, прости Господи, "Форд". Во-вторых, он имеет ряд неповторимых особеннос-тей. Например, мотор не перегревается, но охлаж-дающая жидкость почему-то вытекает. То есть, вы-ключил мотор, а через минуту из-под машины вы-текает зеленый ручей. Конечно, у людей неподготовленных это вызывает некоторые опасения и вопросы. Приходится объяснять, что в те далекие годы, когда Васеньку сделали, это был высший шик. Так сказать, машина для влюбленных. Что нужно влюбленным для счастья? Журчанье ручей-ка и пенье птиц. Ну, птиц с собой возить несколько неудобно, а вот журчанье, пожалуйста, так сказать, предусмотрено конструкцией. А вместе с ним еще и бульканье, и шипение. Прямо-таки передвижной Бахчисарайский фонтан!

Но главное Васенькино достоинство такое же, как у старого мерина - что бы ни случилось, он тянет - уныло, медленно, но упорно и безотказно.

Так что дай Бог ему здоровья и счастливой старости!

Иллинойс
Октябрь 1998 г.

Такие дела

Так получилось, что большую часть своей жизни я прошел без особых физических повреждений. Все проносило - и в армии, и на стройке, и в алкашной жизни. То хотели заре-зать, да потом как-то расхотели и не зарезали, то что-то тяжелое с подъемного крана обрывалось, но не на меня, а рядом, то поскользнулся на стене де-вятого этажа, но не до конца. Благодатная Америка и здесь восстановила справедливость...

Прошлый год вообще начался как-то не очень удачно. Один служитель Божий не заплатил мне за большую работу. Я перевел книгу, а ему стало грустно расставаться с тремя тысячами дол-ларов. И смиренный пастырь тихо смылся на Ук-раину, забыв о мелких и суетных мирских расчетах (не заплатил и когда через несколько месяцев вер-нулся. А зачем платить, если письменного контрак-та у нас нет, а, значит, в суд на него я подать не смогу?).

Потом вместо ожидаемого в январе разре-шения на работу мы получили из Департамента иммиграции скромное уведомление, что нужно ждать еще восемь месяцев. При отсутствии денег и работы мы со Светой сидели дома и играли в дура-ка, глядя через окно на заснеженные поля. Дела приняли такой оборот, что я вполне созрел для гра-бежей на большой дороге, но не на что было ку-пить пистолет. Вместо большой дороги я пошел ра-ботать в русскую строительную компанию (только не спрашивайте меня, как устраивается на работу человек, у которого нет разрешения на работу). Компания русская, но девяносто процентов рабо-тающих - украинцы с Западной Украины, баптисты и пятидесятники.

Шестнадцатого марта девяносто восьмого года началось очень даже славно: пятница, впереди выходные, солнечный день. Только сильный ветер с утра. Мы работали на трехэтажной гостинице. Как всегда в Америке, леса закрыты тарпами. Тарп - это очень плотная непроницаемая синяя пленка, которой укутываются леса. Ветер все сильнее и сильнее. Часов в десять я поднялся на третий ярус к Зенеку Мальскому, и мы мельком поговорили, что, мол, леса ходят ходуном и если так пойдет дальше, они могут и завалиться. Вообще, конечно, леса полагается крепить к стене дома. Так полага-ется. Но ведь кампания-то русская. То есть, кре-пить полагается, но компания русская, а поэтому можно и не крепить.

К обеду ветер уже был такой, что бригадир дал команду снимать тарп. Дурацкая затея. Из-за нее-то весь сыр-бор дальше и разгорелся. Как толь-ко открепили одну сторону, весь тарп стал огром-ным парусом, в который задувал ветер, пытаясь оторвать

леса от стены.

Как-то так получилось, что остальная бри-гада тихо рассеялась по закоулкам, а наверху, под крышей, оказались только мы с Зенеком. То ли са-мые старые, а поэтому дисциплинированные, то ли самые дурные…. Наверху было как в кадрах старо-го кино: знаете, когда буря хлещет и капитан на фоне парусов, весь волнами избрызганный, штур-вал мужественно держит.

Только я открепил тарп с торца, как прямо из-под руки вылетел брус, которым леса крепятся к крыше. Если бы я на него опирался (а за пару се-кунд до этого я на него и опирался,) то улетел бы вместе с дрыном вниз, на асфальт и трансформа-торную будку, и волноваться было бы уже совер-шенно не о чем. На этом этапе стало понятно, что ничего плодотворного наверху уже не сделать - хорошо, если самим удастся унести ноги. Я стал отползать на четырех конечностях по лесам до бли-жайшей лесенки. Отползать, потому что нормально перемещаться было невозможно - все ходило ходу-ном.

Успеваю опуститься вниз только по плечи. Смотрю через плечо назад и вижу, как леса отходят от стены. Так это, изгибаясь и довольно плавно. И тут же все рухнуло. Страшно ли было лететь? Да нет, в общем-то. Я почему-то был убежден, что не только не убьюсь, но и не побьюсь сильно. Почему так? Наверное, из другой, глубинной и засевшей на уровне копчика, убежденности: ведь вселенная - это я, а значит ничего со мной случиться не может в принципе, так сказать, по дефиниции.

Момент приземления не очень запомнился. Как выяснилось потом, сзади в меня врезалась дос-ка. Одна из тех, по которым на лесах ходят. Толстенная такая.

К разговору о везении (или невезении - с какой стороны посмотреть). Долбануло меня этой доской с правой стороны по лопатке и ребрам. Если бы с левой или по позвоночнику, то все дальнейшие заботы достались бы моей вдове. Ну, по-моему, еще чем-то зацепило и пальцы левой руки. Хотя рентгеном их не просвечивали, но мне кажется, что несколько фаланг я сломал. Чтобы сразу закончить с историческим полетом - Зенек тоже принял в нем активное участие, но зацепился поясом за какую-то штуку, торчавшую из стены. Так и болтался, как игрушечный медвежонок. Правда, ничего не сломал.

В горячке вскакиваю на ноги и чувствую, что дышать у меня не получается. Кажется, будто душит пояс с навешанными на нем инструментами. Кое-как расстегиваю и отбрасываю в сторону. Под-бежал один малый и повел меня в раздевалку. Вы-яснилось, что я не могу нормально говорить, как, впрочем, и дышать. Тембр

голоса очень напомина-ет утят из диснеевских мультиков. Кое-как ложусь на живот на пол; нет, лежать не могу. С помощью сердобольного коллеги сажусь, сидеть тоже не мо-гу. Встаю, пробую походить - и не ходится, и не дышится.

На этом этапе до бугра доходит, что, может быть, со мной действительно что-то не так.

-Давай, - говорит, - я тебя домой отвезу. –

В машине умудряюсь найти удачное положение, боль отпустила, дышать стало легче. На радостях закрыл глаза и вроде задремал. На другой день бугор в бригаде сообщил: "Да москаль придуряется. Всю дорогу в машине проспал".

Света убирала у Дженни (Женьки) (см. опус "Васенька"), и дома никого не было. Доплелся до кресла, сел. Чувствую, дела невеселые. Кое-как, хватаясь за окружающие предметы, встаю. Похо-дил. Да, нужно сдаваться.... Довлачился до телефо-на, позвонил Женьке, попросил жену приехать.

Приехала вся бригада: Женька, Света и Яшка. По словам супруги, у меня был очень своеобразный цвет лица - серо-зеленый. Женька сразу поинтересовалась, почему соратники привез-ли меня домой, а не в больницу. Вот уж эти амери-канцы! Ну как ей объяснить, что раз у человека нет разрешения на работу, значит его, человека, нету в природе вообще, и падать он в принципе ниоткуда не может!

В приемной Женька со Светой занялись моим оформлением. Меня же сажают на диковин-ную высокую лежанку, на которой я жду дальней-шего развития событий. Сажают, потому что ле-жать я не могу.

Мой первый помощник теперь Яшка. При-везли меня в полном трудовом обмундировании и все это облачение пришлось как-то сдирать. Шес-тилетний сын развязывает шнурки высоких, на рифленой толстой подошве, ботинок, стаскивает их с меня и очень серьезно выслушивает мои тихие повествования за жизнь и за здоровье.

Как только сделали рентген, все становится на свои места: перелом лопатки и четырех ребер, порваны мышцы правого плеча (им-то я и вот-кнулся в землю после увлекательного полета), про-бито сломанным ребром легкое - что сразу объяс-нило довольно своеобразный тембр моего голоса.

Тут уж за меня взялись всерьез. Я мигом оказался в реанимации, нашпигованный морфием, весь утыканный иголками, обмотанный трубками и облепленный датчиками. И все стало очень даже хорошо. О реанимации остались самые теплые вос-поминания. Во-первых, морфий привел меня в ти-хое расслабленное состояние, во-вторых, исчезла боль (если не

пытаться шевелиться). В-третьих, сестры там - высший класс. Стоит нажать кнопку, и тут же возникает сестра с морфием или кофе, или с, извиняюсь за выражение, уткой. Вокруг шипят и пощелкивают какие-то приборы, чего-то там все время автоматически надувается, опускается, из-меряется и записывается.

В таком благодушном состоянии проходит ночь, а потом и день. Я засыпаю и просыпаюсь, бо-ли особой нет (спасибо морфию), рядом сидит моя красавица с огромными испуганными глазами, а значит все в порядке, жена меня любит и все хоро-шо. Куда-то ушли все заботы. Впервые за два года не нужно думать, на что мы будем жить дальше и как выжить. Господи, как хорошо!

Когда выяснилось, что легкое не сложилось и помирать я вроде не собираюсь, меня перевели в обычную палату. И тут начался парад посетителей. Энергичная Женька известила об этом забавном происшествии всех наших общих знакомых. Перед мной мрачной чередой проходят знакомые аме-риканцы-рабочие и фермеры, бизнесмены и слу-жители культа, мужчины и женщины, дети и ста-рики. Полное ощущение, что я уже лежу в Колон-ном зале Дома Союзов и идет церемония проща-ния. Говорить совсем не хочется, хочется спать, а еще хочется послать их всех подальше.

На следующий день меня из больницы вы-кинули. Все очень просто - страховки-то у меня нет, а благотворительность - это дело такое.... Посадили на каталку, подвезли к машине и сер-дечно пожелали всего доброго и счастливого выздоровления. Спасибо, спасибо, большое вам спасибо, заботливые вы мои. Кое-как с помощью жены, шипя и стеная от боли, я вполз на сиденье и мы двинулись в путь. Скорбным был этот путь! Дороги Иллинойса вообще отличаются ухабами, а Рокфорд может на равных соперничать с Россией. На каждой ухабине я шипел, а Света чуть не пла-кала.

Дальше обычная повесть о том, как могучий организм берет свое. Через три дня я начал вста-вать (как встает, точнее, сползает с кровати чело-век с четырьмя переломанными ребрами, описать трудно, это больше из жизни насекомых и пресмы-кающихся). Через неделю сажусь за компьютер пе-реводить и кое-как печатаю одной рукой. Остаются только мелкие и скучные подробности. Больничный счет за два дня составил около восьми тысяч долларов, не считая услуг представителей самой гуманной профессии. Врачей, собственно го-воря, я особенно и не видел, но счета прислать они не забыли. Вместе с рентгеном это составило еще пару тысяч. Поскольку медицинской страховки у меня, естественно, нет, буду я этот счет платить всю свою жизнь.

А как же родная компания? Мне заплатили шестьсот долларов, а когда я чуть-чуть оклемался, предложили место завсклада и снабженца. С чем я себя сердечно поздравил.

Значит, если и пропадем, то не завтра....

Иллинойс
Сентябрь 1999 г.

Под сенью серпа, молота и лысого орла

Ну, про серп и молот нашему брату объяс-нять не нужно. Вспомните:

"Справа молот, слева серп
- это наш советский герб.
- Хочешь сей, а хочешь куй, все равно получишь...." - ну, и так далее.

А вот что это за лысый орел такой? Точнее, почему лысый?

И, опять-таки, загадки тут никакой нет. Орел, который пронзительно и грозно взирает на весь мир с американского герба, так и называется - 'bald eagle' . Буквально, "лысый орел". Может поэ-тому он такой сердитый. Все орлы, как орлы, а он плешивый.

Теперь представьте себе, какой коктейль создает сочетание серпа, молота и этого угрюмого пернатого.

Наши в Америке, вообще тема сложная. На-чиная с того, что не совсем понятно, кого же имен-но к ним относить. По каким, собственно, призна-кам их классифицировать - по языку, националь-ности, религиозной принадлежности, политичес-ким пристрастиям? Для меня лично наши - это все бывшие советские.

Москвичи и гости столицы! Вспомните фон-тан "Дружба народов" на ВДНХ - вечно счастли-вый коллектив. Это и есть наши.

Так вот, в Америке эта компания отплясыва-ет на фоне звездно-полосатого флага под мелодию Yankee Doodle Dandy.

Мелькают папахи и тюбетейки, пейсы из-под черной шляпы, расшитые рубашки-косоворот-ки, атласные шаровары с мотней до земли, полоса-тые халаты и черкески с газырями; сапоги с загну-тыми носами и, почему-то, вдруг, расшитые бисе-ром унты и шаманский посох....

Это мы - прибывшие сюда, в землю обето-ванную, в волшебную страну, где молочные реки и кисельные берега. Задолбанные коммуналками и родной властью во всех ее вариациях и проявлени-ях, напуганные падающими самолетами, взрывами и автоматной пальбой в городах, закаленные мно-

гочасовым ожиданием на вокзалах и в аэропортах.

Мы взрастали и наливались соками в нескончаемых очередях. Вскормленные колбасой за два двадцать, вспоенные бормотухой, обнажая в улыбке плохо сделанные протезы, мы всем телом выражаем готовность влиться в новую жизнь. Здесь, в светлом мире изобилия, не нужно насту-пать друг другу на ноги и не нужно бить соперника по рукам, отвоевывая место на площадке трамвая.

Здесь мы все ездим на красивых автомоби-лях, живем в роскошных домах и честно платим налоги. Засыпая можем искренне сказать себе: «Я сегодня ничего не украл. В натуре, блин, ничего....» -

Тогда откуда угрюмые, настороженные взгляды? Откуда стремление отвернуться, услышав родную речь? Будто мы постоянно ожидаем друг от друга оплеухи или визгливого мата.

Ветераны этого счастливого путешествия уже получили паспорт с орлом (естественно, речь идет об орле лысом , а не двуглавом). Теперь в разговоре они между делом бросают: "Сейчас наш президент этому Ираку задаст". Ну да, ваш президент. Ясно дело, задаст. Только вот американцы из вас, граждане и гражданочки, хреновенькие какие-то удались. Английский язык через пень колоду, улыбка кривая, без стандартного американского сияния. Их улыбка с детства вырабатывается, а у вас она всё на оскал сползает.

Как ни тужьтесь, а фонтан "Дружба наро-дов" все равно с нами - будь-то в Калифорнии или Нью-Йорке, в Оклахоме или на Аляске. Пригрел убогих щедрый лысый орел под своими широкими крылами, но и серп, и молот все равно с нами - за пазухой. Ныне и присно, и вовеки веков.

Самое странное, что я понимаю участников этой танцевальной группы (еще бы нет, вон он, я, видите? Да нет, не лысый... Вон там за струями - вприсядку пошел, ладонями по голенищам себя бьет, а теперь в грудь - это я).

В американском мире, где реакции предска-зуемы и запрограммированы, наши со своими страстями просто неуместны. Они остались челове-ками - плохими или хорошими, уж какие есть. По-этому чувства и настроения отражаются на лице и в поведении. Если ты незнакомец, на всякий слу-чай посмотрят предостерегающе: "Не замай, бо вдарю". Если приняли за своего, оттают.

Вот, вчера, например, переводил я в боль-нице визгливый конфликт между семьей одного деда и администрацией. Началось с агрессии, за-кончилось совершенно неожиданно - во всяком случае для американцев. Дочка деда растроганно обняла врача-

уролога и прослезилась. Для меня эта трансформация эмоций понятна и пояснений не требует - милые дерутся, только тешатся.... С точки зрения американцев такое поведение свидетель-ствует о недоразвитости или, скажем помягче, инфантильности странных русских. Потому что никак не вписывается в стандарт. Ну, не заложен в их компьютер такой вариант, как рыдание на плече врача!

Вернемся, однако, к фонтану. Танцоры нашего коллектива явно рвутся в стороны. Но здесь американская действительность наносит им совсем уж несправедливые и жестокие удары.

Предлагаю маленький тест. Вот три фами-лии: Хаим Рабинович, Богдан Пацюк и Мухамет-кул Уянамжинов. К каким национальностям при-надлежат их носители?

Для вас загадки нет - ну, разве что насчет Мухаметкула. Да и то про себя вы его уже опреде-лили одним словечком, которое в русском языке обозначает представителей всех восточных народов.

А для простодушных американцев они – русские.

Вот так - обидно и по темечку! Тот же Хаим всю жизнь в России был евреем, что доставляло ему массу неудобств. Наконец, Америка – желан-ное освобождение от русского проклятья. А он для них русский. И все, и не пудрите мозги, и слышать ничего не желают.

Гарный парубок Богдан готов рыдать и клятвенно землю есть, что нет у него ничего обще-го с клятіми москалями. Не помогает. Ничего пони-мать не хотят. Русский, и точка. Во, дела.

Исключение делается только для прибалтов, которых мы как-то слишком уж энергично затащи-ли в свой танцевальный коллектив.

Кстати, я понимаю обиду участников этого действа. Гордиться нам особенно нечем. И шови-низмом, и антисемитизмом хвораем хронически и в тяжелой форме. И евреям есть, за что обижаться, и Богдану, и сыну степей, Мухаметкулу. Но очень уж неприлично поспешно стали они от нас открещи-ваться - как пассажиры переполненного вагона электрички в панике очищают место вокруг мирно спящего у окна обоссавшегося пьяного.

Хочется как-то утешить обиженных: "Чест-ное слово, американцы не виноваты. Неведомы им все эти тонкости. Да и вообще для них все это Рос-сия, а там холодно, там не было свободы и демок-ратии, а теперь свобода и демократия есть. Все".

Так что терпите. Все к фонтану и пляшем. Раз, два! По-о-шли: два притопа, три прихлопа - с гиканьем и свистом, с возгласами "Ой, вей", "Се-ким башка!", "Ё.... твою мать!" - ну и что там еще

полагается восклицать для выражения ликования.

Миннесота
Февраль 2001

Светлый путь

Широкий прямой фривей залит сильным матовым светом. Свет исходит от воз-вышающейся на горизонте гигантской статуи Свободы.

По автостраде со скрипом тащится телега. С равномерным стуком ударяется о трухлявую доску колесо. Телега завалена самыми разнообразными предметами. Из-под стопки дипломов и сертифика-тов выглядывает зеленая газонокосилка. На микро-волновую печь брошена белоснежная форменная рубашка секьюрити оффисера. С нарукавной на-шивки мрачно взирает на мир орлан. Из-под его когтей выбиваются молнии. Торчит ржавый бок ав-томобиля со спущенным колесом. Дальше виден багажник сверкающего никелем роскошного бело-го "Кадиллака", на котором фломастером крупны-ми буквами небрежно написано: "Спекся, голуб-чик". Между машинами фикус, монитор компьюте-ра, клетка с синим попугаем, какие-то ящики, ко-робки, вилки, детские игрушки, подушки. Торчат ножки стола.

Все свободное пространство завалено счета-ми - за электричество, за телефон, за отопление, за ренту дома. Счета от банков, счета за кредитки, счета от врачей... Натужно дыша и налегая на уп-ряжь, тащу телегу. Время от времени останавлива-юсь и копытом дрожащей передней ноги отбрасы-ваю со лба седую прядь. В зубах зажат окурок сигареты "Маверик".

Что-то необычное есть в этом шоссе. Окру-жающая местность совершенно плоская, но при этом дорога неизменно идет в гору. И еще одна странность. Телега все время подпрыгивает на уха-бах, со скрипом проваливаясь в выбоины, хотя до-рога с виду остается идеально гладкой.

Вдоль фривея сплошной стеной стоят рек-ламные плакаты. Поднимаю глаза и вижу изобра-жение роскошного ландо. За экипажем виднеются пальмы, виллы, чей-то ликующий белозубый ос-кал. Надпись: "Суперлотерея. Играй, чтобы выиг-рать. Следующим победителем будешь ТЫ".

С других щитов меня убеждают купить не-виданно эластичную упряжь, мазь для копыт и комбикорм "Благоухание весны".

Покачиваются в воздухе разноцветные ша-ры. Под ними рядами выстроены сверкающие на-рядные автомобили.

Назойливо лезут в глаза изображенные на щитах персонажи. Шакал с честным и мужествен-ным взглядом крепкими пальцами ухватил себя за рукав белоснежной рубашки. Надпись: "Мы берем-ся за дело, засучив рукава. Адвокатская контора Хогофоко".

Тащится телега, визжит расхлябанное коле-со, мерно постукивает о бетон привязанный сзади пылесос.

Опять поднимаю глаза, машинально читаю: "Рокфордская ассоциация врачей - забота от всего сердца". Под надписью два серьезных волка со стетоскопами и сострадательно улыбающаяся кобра в белой шапочке.

Ветерок доносит сладкий радиоголос:

- Господь ждет вас! Только у нас, только в объединенной евангельской церкви на Алпайн-авеню приобщитесь вы к истинной благодати. Спешите к Иисусу, жертвуйте на наше служение! -

Над фривеем, прямо в синем небе, огром-ный экран. Там разворачивается действо сериала "Пляжный патруль". Крупно - прелестная блондин-ка. Патологических размеров бюст. Блондинка вы-таскивает из пенистых волн обалделого кабана с выпученными глазами. Мускулистый загорелый ге-рой сигает из вертолета в моторную лодку, где на него немедленно набрасывается лютого вида козел.

Скрипит телега. Хвостом устало отгоняю от себя назойливо жужжащих телемаркетеров. Оста-навливаюсь, чтобы сплюнуть окурок.

На телевизионном экране коммершиел. Обольстительного вида корова по свойски улы-бается мне и протягивает яркую упаковку. Бодрый голос за кадром: "Слабительное "Парадиз" - твой выбор".

Устало думаю: - А может скинуть к едрене-фене "Кадиллак" с телеги? Один черт, не ездит. Всё легче будет. –

Из благоухающего дезодорантом и шам-пунем болота немигающим взглядом смотрит на меня Змей Горыныч. Три головы - простые, откры-тые лица. К лацкану строгого делового костюма приколота бирка со словами "Холком Стейт Банк". Горыныч приветливо ухмыляется и напоминающе помахивает зажатым в когтях контрактом о бан-ковском заеме на покупку автомобиля.

- Ага, он тебе сейчас скинет... да так, что и копыт не останется, - обреченно проносится в голове.

Скрипит телега. У заднего борта, пристро-ившись между видеомагнитофоном и тумбочкой самозабвенно играют Яшка с Алиской. Там душистое свежее сено и стрекочет сверчок.

Иллинойс
Февраль 2000 г.

Эпитафия победе

Поджав ноги, сидим рядышком на островке среди кромешной тьмы - я и Света. Мы до-бились того, за что боролись четыре года. При этом, правда, потеряли по дороге все, кроме друг друга. Нет ни энергии, ни сил, ни желания всматриваться в воющий стылым ветром мрак, стараясь разглядеть крохотный огонек, который должен мерцать где-то там, впереди.

Из ничего, с пустого места мы сделали себе Америку, получили статус законных жителей этой чужой страны. В сказках добрый герой прорыва-ется к счастливому будущему, пройдя заколдован-ный лес и населенные чудищами пещеры и многое другое.

Мы прорывались через тот самый лес, шли пещерами, отбивались от чудовищ. Барахтались, захлебывались, тонули, злились друг на друга и на весь мир. И, наконец, выжили. И, вот, сидим на кочке, оглядываемся несколько растерянно.

Да, умудрились выжить, ничего не получая, не имея никаких прав. Цена? Большая, может быть, даже, слишком большая, неподъемная цена.

Как тысячи и тысячи других, мы уехали из своей страны, чтобы, наконец, ощутить себя людь-ми. Но по непостижимой иронии именно здесь мне довелось испытать самые большие унижения.

Как чувствует себя человек, когда у него нет права на работу, как нет, впрочем, и каких бы то ни было других прав? Когда, строго говоря, в этой стране тебя нету вообще, как нет в материальной реальности фантомов, привидений и других при-шельцев иного мира.

Как чувствует себя человек, когда за работу стоимостью две тысячи долларов ему с неохотой, как бы делая одолжение, как подачку швыряют пятьсот? Действо сопровождается ленивой пропо-ведью, что и за это, мол, должен быть благодарен. Даже ответить нельзя так, как хочется и как нужно бы. Деваться-то некуда. Вернуться домой без чека нельзя, нужно платить за квартиру, иначе нас выш-вырнут на улицу.

Как чувствует человек, когда ему говорят: "Вы, пожалуйста, не рассказывайте нам о своих проблемах. У нас и своих достаточно"?

Как чувствует себя человек, когда пойти некуда? Американцы в принципе не в понимают такой ситуации, а наши, стоя в

сторонке, с инте-ресом наблюдают, что будет дальше.

А славный Новый год, когда праздничной ночью кончается топливо и дом начинает медленно остывать? И ты сидишь и думаешь, куда же можно в такое время увезти детей, чтобы они не замерзли до утра. И думаешь, где взять триста долларов, чтобы завтра заплатить за нефть. И месяц за месяцем ломаешь голову, чем платить ренту.

Эта изощренная пытка продолжалась не один год. Кого, собственно, интересует, есть у тебя деньги или нет, есть у тебя право на работу или нет? Принцип простой: "Плати". Бесплатные в Америке только улыбки, за все остальное оплата по полной программе, без дураков.

И, вот, пройдя это измывательство, вдруг видишь, что твоя профессия здесь просто не нужна. Когда мы приехали, этот новый мир был заполнен ярким светом. По мере того, как в своих мытарс-твах мы проходили один круг за другим, света становилось все меньше и меньше. Пока не остался крохотный тусклый огонек, который можно рас-смотреть, лишь напрягая зрение.

Сейчас по свой сути наше существование сравнимо с примитивной жизнью австралийских аборигенов. У них все силы уходили на поиски пропитания. Вехами нашего бытия стали чеки. Да, сейчас мы можем работать, но слишком большой накопился груз за тех годы, когда такого права не было. Получив чеки, мы используем эти деньги для затыкания многочисленных дыр. То есть, чеки по-лучаются, чтобы оплачивать счета.

В процессе марша к победе постепенно ис-сякала нервная энергия. Сейчас я только надеюсь, что у нас хватит сил, чтобы сохранить друг друга. Круг замкнулся. Уйдя от мрачной безысходности России, мы попали в тягостную беспросветность Америки.

И во мраке, как на стене дворца Валтасара могла бы появиться рука и начертать огненными буквами: "За что боролись, на то и напоролись". И послышится в темноте сдавленное хихиканье.

Тут бы уместно, с треском рванув на груди пропотевшую в заморских странствиях рубашку, с надрывом вскричать: "Прости меня, Родина!" Но куда, собственно, обращать этот вопль? Та реальность, к которой я мог бы воззвать, уже давно погрузилась в пучину, подобно торпедированному подводной лодкой пассажирскому лайнеру. Вместе с нескончаемыми беседами за кухонным столом, вместе с театрами, веселыми друзьями-собутыль-никами и поисками дефицитных книг. Впрочем, нет, -- так, да не совсем. Осталось чувство при-надлежности, когда

теленовости смотрят не только для того, чтобы узнать погоду на завтра. Осталось чувство, что там я дома, что мне не нужно спрашивать, можно ли пойти в лес или он чья-то собс-твенность. Не нужно, потому что он принадлежит мне по праву, данному от рождения.

Я рад, что в заброшенной деревушке в Тульской области есть избушка, которая наша, в которую всегда можно вернуться. Может быть, и вернусь. Может быть, кто знает?

Что же сейчас? А сейчас можно согревать друг друга своим теплом. Сейчас можно верить в вечные и банальные истины.

Во что еще я верю? Точнее будет сказать, в кого. Так вот, я верю в своего самого близкого друга, в жену, которая, закусив от жалости губу, как ребенка мыла меня под душем, стараясь не сделать больно, не коснуться переломанных ребер. (См. опус "Такие дела")

Я верю в Свету - свою сильную маленькую красавицу.

Иллинойс
Февраль 2000 г.

Паноптикум

Я обитаю в волшебном мире Америки. Счастливые, бодро улыбающиеся люди жаждут приобщить меня к непреходящей эйфории. Секрет их оптимизма прост - нужно только купить. Что именно? Да что угодно, "Спрайт", новые удобрения, кошачью еду, контрацептивы, машину... Им без разницы, что именно ты купишь, только раскошеливайся и перестань, в конце-концов, стесняться . Меня похлопывают по плечу:

- Ну, ну, не жмись же... Давай... Да, что ты, в натуре? Купи, и все будет замечательно. -

В красивых машинах летят по фривеям уверенные, не ведающие сомнений люди. Не одо-левают их мучительные раздумья и мир под луной предстает простым, четким и кристально ясным. Они с азартом толкутся в магазинах. Они улыбаются. Они активны и энергичны.

Нет, что-то, все-таки, здесь не так. Неуло-вимо присутствует ощущение некой фундамен-тальной неправильности. Присмотритесь поприс-тальнее, и увидите, что это царство самодвижу-щихся механизмов. Стандартные улыбки, стандартные слова. Стандартны развевающиеся на ма-шинах американские флаги. Вся жизнь из готовых кирпичиков. Стандартны мнения и реакции. В сущности, говорить о мнениях даже как-то нелов-ко. Мнение есть там, где присутствует

способность думать и обобщать. Здесь вместо беседы обмен информацией, что можно приравнять к общению с компьютером. Нажал на клавишу, получил ответ. Если запрос выходит за рамки запрограммирован-ного, компьютер пошлет вас подальше.

Где-то на периферии непреходящего лико-вания, на обочине разноцветной толчеи и мель-тешения присутствую я. Не могу отделаться от мысли, что во всем действе прослеживается изначальная бессмыслица и нелепость. А зачем, собственно говоря, происходит все это самозаб-венное коловращение?

В Америке (да и не только в Америке) сама постановка такого вопроса говорит окружающим, что перед ними идиот-хроник. И спорить с этим трудно.

Я делаю жалкие попытки включиться в общую игру. Но как-то не получается. В смысле, что в голове почему-то настойчиво жужжит:

- Господи! Да это же дурдом... Ну, что ты, в самом деле.... -

Я маскируюсь. Иногда удачно, иногда не очень. Лет пятнадцать-двадцать тому назад играть участника было легче. Сейчас постарел. Одышка мучает и полежать охота. Иногда, собравшись с си-лами и помахав руками, чтобы разогреться, делаю очередную вялую попытку.

- Да с вами я, как же иначе? Хотите, сделаю десять приседаний? А то, хотите, анекдот.... Что вы, братаны, да вот он, я, весь перед вами! Во - фас, профиль, улыбка - все, что полагается. Смотрите, даже галстук надел. -

Не верят, паразиты. Не могу больше вхо-дить в образ.

И жена объясняет мне, кто я такой, не ут-руждая себя дипломатией. Соглашаюсь, грустно кивая головой.

И так всю жизнь. Возможно ли, что все про-исходящее вокруг есть проявление массового су-масшествия? Голос внутри меня уверенно говорит: "Ясно дело - слону понятно". Но проще и безопас-нее признать, что сумасшедший я, а не они.

Казалось бы, ну и ладно, сумасшедший, так сумасшедший. Сиди себе в сторонке на завалинке. Смирно положил руки на коленки и притоптыва-ешь себе валенками, радостно улыбаясь пролета-ющим птичкам.

Нет. Не дают. Моя смирная, никому не мешающая поза раздражает. Мешает и бросает вызов. Всю жизнь в ней видят протест. И меня с завидным упорством приобщают к паноптикуму.

А поэтому я старательно и послушно симулирую телодвижения, которые должны со-общить собратьям по разуму, что мы вместе, что я пою в хоре.

Удачнее всего оказалась маска переводчика. От меня сразу

все отстали. Мимикрия получилась на удивление успешной. Так, смотрите – видите меня? А теперь отойдите назад, еще чуть-чуть... ну, видите? Кого, кого… – меня видите? Вот, о чем я и толкую, не видно на общем фоне - пятно какое-то серое расплывчатое, вроде как кочка на болоте. Только уши торчат, но это ничего, можно веточки в них воткнуть.

Вспомните первомайские демонстрации. Вокруг каждой колонны обязательно суетился че-ловек с красной повязкой на рукаве. На повязке золотыми буквами написано "Распорядитель". И все ясно. Понятно, почему он бегает и машет ру-ками, и никто не задает ему дурацких вопросов.

Такую же повязку одел и я. Только на ней было начертано "Переводчик". И много лет никому не приходило в голову, что я на завалинке, что я их перехитрил. Иначе бы затерзали, затоптали и заму-чили.

В России вообще народ откровенный. Уви-дев мою сидящую в сторонке фигуру, спрашивали прямо и просто:

- Ну, ты чего, ваще? Дурак, что ли? Может, дебил? А ну, давай, вставай! А ну, прыгай с нами! -

В Америке никто не смотрит и никто ничего не говорит. Здесь и так все ясно, потому что все за-несено в программу.

Нажимаешь клавишу. На дисплее возникает надпись:

- Род занятий? -

Отвечаешь: - Дистрибьютор подгузников. -

Вопрос: - Годовой доход? -

Отвечаешь: - Сто тысяч в год. -

Надпись на дисплее: - Маладэц, дарагой! -

В моем случае все несколько иначе.

- Род занятий? -

Подумав, несколько нерешительно впеча-тываю: "Секьюрити оффисер", - а про себя думаю: - А хрен его знает, какой у меня здесь род занятий. -

О доходе меня даже не спрашивают. Ответ высвечивается сразу и большими буквами:

- Мудак. -

Коротко и исчерпывающе ясно очерчено мое место под солнцем. Ну, вот, определились.

Иллинойс
Март 2000 г.

Мы возвращаемся с Дивана

Итак, мы возвращаемся с Дивана. Нет-нет, не пугайтесь -

Диван Авеню, это русский рай-он Чикаго. Ну, русский, несколько неточно сказано, поскольку там есть и бульвар Голды Мей-ер, и поздравление с праздником Ханукка, и объяв-ления об уроках еврейского языка. Но на весь Ил-линойс это единственное место, где вывески на русском языке и есть русские магазины. И даже настоящий букинистический, где можно по уши за-рыться в книги и забыть обо всем, пока вас не выгонят.

Погода мерзопакостная - снег с дождем. Из-под колес соседних машин в наш только что куп-ленный зеленый "Форд-Эскорт" летят потоки гря-зи. Ничего этого я не замечаю. Я слушаю музыку. Звучит классика: "Моя Марусенька", "Купите бублички", "Чубчик кучерявый". Кассету я только что купил на Диване. Называется "Кумиры прош-лых лет". Именно это мне нужно, чтобы забыть обо всех мелких и крупных неприятностях и ощутить на короткое время то чистое и бездумное счастье, от которого с лица не сходит глупая детская улыб-ка. Мы едем по хайвею номер 72 из Чикаго в Рок-форд, но из Америки двухтысячного года я вернул-ся в Краснодар начала шестидесятых.

В те времена на средних волнах в любое время суток можно было поймать подпольных ра-диолюбителей. Они называли свои станции самы-ми неожиданными именами: "Зеленый голубь", "Привет", "Черное море" и тому подобное. Мили-ция вела постоянную войну с любителями, заби-вавшими частоты, которые использовала "Скорая помощь" и та же милиция. Но это было неистре-бимое племя. Они вещали до конца шестидесятых.

Так вот, именно на любительских станциях можно было услышать все эти шедевры. Чего там только не было! "Я явился к вам во фраке, элеган-тный, как рояль" и "По камушкам, по кирпичикам"; "Пиковая дама" и "Мотоцикл цикал-цикал, и ста-рушки больше нет"; "В Кейптаунском порту с про-боиной в борту "Жанетта" поправляла такелаж", - да все разве перечислишь. От одного только переч-ня охватывает ностальгия.

Интересно, как бы я относился к этой музы-ке, будь мы в России? Или как бы я воспринимал кондовые советские песни шестидесятых и семиде-сятых годов? В то время, во всяком случае, ника-кого умиления и восторга они у меня не вызывали. Не знаю, как в России, а здесь я слушаю те же пес-ни с упоением.

Три с половиной года тому назад мы отправились в далекий путь. Из Южной Кали-форнии нужно было попасть в Иллинойс, то есть, пересечь почти всю Америку по диагонали на ма-шине весьма сомнительной надежности. Так вот, в пустыне Мохаве и на воняющих навозом просторах Техаса нас сопровождали "Королева красоты", "Черный кот" и "Оранжевое море". Особенно

взбадривала эта музыка после дорожных неприят-ностей.

Начало пути сразу окрасилось в зловещие тона неминуемой катастрофы. Уже на выезде из Сан-Бернардино, через пятнадцать минут после на-чала пробега, у нас лопнула шина, которую я за два дня до этого по дешевке купил в мастерской у от-зывчивых и улыбчивых мексиканцев. Пришлось вытаскивать все барахло из забитого до отказа ба-гажника, чтобы достать запаску. Потом, как я и ожидал, на жаре стал греться мотор. Места шли са-мые что ни на есть развеселые: вначале безжизнен-ные раскаленные горы, потом пустыня - как раз для нашего хворого "Форда-Темпо". Каждый раз, когда на очередном подъеме загоралась лампочка пере-грева двигателя, я сворачивал на обочину, откры-вал капот и ждал ровно полчаса, пока в радиаторе не переставало булькать и шипеть. Потом доливал туда воды и мы тащились дальше.

Пустыню Мохаве я пересекал с минимально допустимой на фривее скоростью - сорок пять в миль в час. Мне было все равно. В тупой и безна-дежной решимости я намеревался ехать вперед, пока машина не разва-лится. Возвращаться все равно некуда. Общая си-туация указывала на то, что где-то в этих гнусных песках "Форд" накроет-ся, и нам придется ставить вигвам прямо среди саксаулов (или как там эта ко-лючая мерзость на-зывается) и питаться пойманными гремучими зме-ями, закусывая их ящерицами. Никаких запасных вариантов не было. Никто и ни-где нас не ждал. Поэтому я мечтал хотя бы дотащиться до следую-щего штата, чтобы получить моральное удовлетво-рение от до конца исполненного долга.

И вот граница Калифорнии с Аризоной. Трудно представить себе место более гнусное. Се-ро-черные голые безжизненные скалы, а между ни-ми течет мутная коричневая речка. В этой речке да-же топиться не хочется – по причине ее беспре-дельной убогости.

Дело шло к вечеру. Дорога постепенно под-нималась все выше и выше. Спала изнуряющая жа-ра, которая преследовала нас полгода в Калифор-нии. Стало даже прохладно. И я почувствовал, что машина начинает оживать. Стемнело. "Фордик" бодро катил по шоссе. Впервые появилась робкая надежда, что, может быть, наш пробег и не завер-шится на обочине дороги.

Заваленные всякой всячиной, смирно си-дели сзади Яшка с Алиской. В машине тихо зву-чали песни 60-х. И мне вдруг стало уютно. Забы-лось, что я грязный, как собака после возни с ма-шиной на жаре и целого дня пути через пустыню. Я мог бы ехать всю ночь, слушая про неугасимый свет московских окон и королеву красоты, которая теперь уже давно, наверное, стала достопочтенной бабушкой.

Иллинойс.
Февраль 2000 г.

Картинки

Из интернетовской переписки с друзьями

Привет, Жека!

Возвращаясь к теме счастливого бытия под американским ласковым солнышком.

Печальная особенность заключается в том, что на-шу ситуацию не понимают ни американцы, ни на-ши. Американцы просто не представляют себе, что это такое - приехать в Америку с одним чемоданом и без денег, и, не имея никаких прав, с нуля рас-крутить огромный маховик того механизма, кото-рый представляет собой жизнь в другой стране. Ну, а в России в принципе не могут этого знать.

Вспоминаю Гарика Брокопа, который нес-колько лет тому назад уехал в Германию. Так вот, приехав на побывку в Заокский, он рассказывал, что получает четыре тысячи марок в месяц, но де-нег у него никогда нет. Я сочувственно кивал голо-вой, да, мол, такие дела. А про себя весьма усом-нился: "Врет, сучий хвост. Не иначе, боится, что я у него чего-то просить буду".

Теперь я знаю, что все заработанные деньги уходят в банк, врачам, за жилье и т.д., оставляя те-бе мелочь на бензин и продукты. В прошлом году Олег планировал к нам заехать и просил встретить его в аэропорту в Чикаго. У меня просто язык не повернулся сказать свежему в Америке человеку, что не могу я из бюджета вырвать 20 долларов на бензин, поскольку в то время мы в очередной раз висели на ниточке.

15 июня 1999

Привет, Жека!

Продолжая твою тему о "правильности". Американцы вообще очень интересная циви-лизация. Как последовательные прагматики они освободили себя от всего лишнего, ну, например, от культурного наследия человечества. И, естест-венно, чем выше уровень невежественности, тем больше самоуверенности. Потрясает совершенно железобетонная уверенность американцев, что все идет как нужно, все в порядке, именно так и следу-ет жить.

Во-вторых, они отказались от радости кра-сивой одежды. Вначале мы просто шалели от вида баб в супермаркетах.

Впечатление такое, что она провела ночь на грязном диване, потом встала, вы-тащила из мусорного бака первую нестиранную майку, которая попалась на глаза, и подалась в су-пермаркет (не умываясь). Нашим бомжам такие на-ряды и не снились. Например, перед тобой в очере-ди стоит дама, у которой лямки бюстгальтера вы-зывающе торчат во все стороны из-под замызганного нечто. На ногах совершенно невыразимого цвета расползающиеся тапочки.

Третье - свобода выражения чувств. Запрос-то можно увидеть двух жирных (не толстых, но жирных) молодых (не обязательно в смысле воз-раста) супругов, которые постоянно лобзаются, почесывают и поглаживают друг друга, взглядом как бы приглашая окружающих присоединиться к их счастью.

Особенно интересно наблюдать панический страх американцев перед всем естественным и при-родным. Со мной работает один британец, Тони. Только не дай и не приведи назвать его англичани-ном - он из Уэльса и англичан ненавидит. Так вот, едем мы как-то всей бригадой на задание - я, Тони и наш босс, Майк. Майку около тридцати, он руко-водит сейлз-департментом. Высокий, сильный и, естественно, до невозможности самоуверенный. Мы с Тони разговорились о детстве, с изумлением обнаруживая невероятное сходство в своих воспо-минаниях. Выясняется, что в начале славных шес-тидесятых в Уэльсе и на Кубани были удивительно схожи как пацаны, так образ жизни. Мы упиваемся воспоминаниями. Почему-то Тони упоминает козье молоко. До этого Майк особенного интереса к нашему разговору не проявлял. А тут его будто шилом в задницу кольнули.

- Ты что, хочешь сказать, что пил козье молоко? -

Тут я его добил, упомянув парное молоко из-под коровы. Ты бы посмотрел, что с бедным малым творилось? Он плевался, кривился и безумно хохо-тал при мысли о том, что эти дикие люди могут пить такую гадость, не прошедшую анализы и без ярлыка с данными о точном количестве калорий....

Кстати, факт, что жизнь бедного человека в Аме-рике требует куда больше денег, чем жизнь обеспе-ченного человека - мое главное открытие здесь. Этот замкнутый круг прорвать очень трудно. Пред-положим у тебя возникли какие-то особые об-стоятельства, и нужны деньги. Нормальный чело-век идет в банк и берет займ - у него есть недви-жимость, ему всегда дадут. Бедный человек вы-кручивается, как может и обычно находит куда бо-лее дорогой выход из положения. У нормально обеспеченного все покрыто страховками, поэтому, что бы ни случилось - не беда, страховка покроет все. Бедный человек не

может позволить себе такие страховки и, случись что, сразу же влипает по са-мые уши (как это уже неоднократно происходило с нами). Но при этом тебя поднимают до определен-ного стандарта, как во времена Малюты Скуратова поднимали на дыбе. Без страховки ездить нельзя, это обойдется тебе куда дороже, чем расходы на страховку. Хочешь-не хочешь, но, шипя от злости, оформляй минимальную страховку на машину. Но это еще не все. Предположим ты взял деньги на ма-шину в банке. Тогда банк требует, чтобы была пол-ная страховка - а это раза в четыре дороже, чем ми-нимальная. Тебе просто не дают опуститься до та-кого уровня, который ты можешь себе позволить.

Вспомни золотые времена. Предположим, ты за-рабатываешь 150 рублей в месяц. Получил зар-плату, отдал долги - и оставшиеся деньги ТВОИ. Здесь же ты раздаешь ВСЕ.

Моя жена упорно борется с Голливудом. В ви-деопрокате она с настойчивостью маньяка ищет комедии. Я неоднократно объяснял супруге, что американские комедии - это бред даже на общем, невероятном по своему убогому идиотизму, фоне. Тем не менее раз за разом Светка хватает какую-то хреновень, поясняя, что ей хочется просто рассла-биться. В результате после десяти минут просмотра даже ее нервы не выдерживают. Используя достой-ные сожаления и не подобающие работнице банка выражения, Светка вытаскивает кассету, швыряет ее на пол и вырубает телевизор. Но от своей цели при этом не отступается и через какое-то время все повторяется вновь.

Привет, Жека!

Моя жизнь протекает в трех ипостасях. Ипостась первая - жизнь забитого и запуганного нищего рус-ского в Америке. (Картина - небритый седой ин-дивидуум, сжимая голову руками, сидит на крыль-це и думает, как же выкрутиться в этом месяце. Лицо серое, взгляд... Господи, да вообще нет ни-какого взгляда - какой может быть взгляд из глубо-кой жопы?).

Ипостась вторая - уверенный в себе секьюрити офисер в белоснежной рубашке с многочисленны-ми нашлепками и блямбами. На поясе среди раций, фонариков и всяких других интересных фиговин блистают наручники. Взгляд орлиный, поступь твердая, зарплата хреновая.

Ипостась третья - масляно улыбающийся тор-говец недвижимостью. Взор сияет, из всех кар-манов торчат визитные карточки, цветные брошю-ры, листовки с его собственным ликом и т.д. Де-вушкам шлет воздушные поцелуи, мужчинам твер-до и энергично жмет руку. Обещает купить и про-дать все что угодно, где угодно и за наилучшую цену. Каждый потенциальный клиент - его друг до гроба.

Трансцендентальным образом все эти три лич-ности обитают в едином теле, в одно и то же время и как-то уживаются друг с другом.

Юра

июль 1999

Привет, Жека!

Твоя дачная фотография должна украшать все-мирные выставки фотоумельцев. Однако - если мне не изменяет зрение, ты сидишь там в шортах. Опомнись, безумец! Ты что творишь! На даче по-лагается сидеть в семейных трусах. Ну и, конечно же, по рассеянности ты забыл о головном уборе. Есть два традиционных

варианта:

Носовой платок, завязанный по углам, или треуголка из газеты

Я готов простить даже то, что ты, кажется, выбрит, хотя это и осквернение дачного кодекса. Но есть более серьезные прегрешения, о которых я просто не в силах молчать. Я знаю, что ты человек малопьющий, и все же... Ну, подумай сам - кто пьет на даче пиво? Пиво присутствовать может, но лишь как компонент, дополняющий композицию. А в центре ее должна находиться бутыль с само-гоном (желательно, бурячным или картофельным). Еще лучше денатурат, знаешь, с такой чудесной наклейкой - приветливо улыбающийся череп с костями. Хотя, где сейчас такую прелесть доста-нешь! Рядом (но обязательно в кадре) должна сто-ять тяпка или лопата, ну, грабли, наконец.

Теперь вернемся к столу - как-то он серенько выглядит, будто еда для тебя что-то второстепен-ное и неинтересное. Ну да, конечно, огурчики, но все же...

Учись у американцев. В искусстве жрать они достигли небывалых высот. Эта тема занимает процентов пятьдесят всех их разговоров (в ос-тальные пятьдесят укладываются работа, дома, машины, дети, местные новости, мировые события, раздумья о судьбах Родины и т.д.).

Вначале возникает ощущение, что ты не в самой богатой стране мира, а где-то в забытом Богом чу-вашском селе. Кажется, будто все они только что вернулись из каких-то жутких мест, где этих горе-мык морили голодом года полтора, а все их пита-ние составляли сушеные кузнечики.

Какой страстью пронизаны эти разговоры! Женя! Ты бы на них посмотрел в это время! С сияющими глазами и перебивая друг друга собе-седники рассказывают о прелестях, допустим, баранины, приготовленной на ребрышках. При этом щеки подрагивают, а ножками они нетер-пеливо сучат под столом - очень уж хочется прыгнуть в машины, рвануть прямо сейчас в ресторан и нажраться этих самых ребрышек до дизентерии, потери пульса и коматозного состояния.

Где, ну где наши партийные наставники и пре-подаватели истории КПСС!? Я бы сейчас в ноги им кинулся и заголосил: "Родные, а ведь все вы пра-вильно говорили!"

Ошибочка у них была только одна - это бытие не маленькой кучки пузатых империалистов в ци-линдрах, а большей части огромного народа. Зна-ешь, если будущее человечества в американской модели цивилизации, то, может быть, лучше вер-нуться к идеям чучхе и журналу "Корея сегодня"? Честное слово, там есть хоть какое-то духовное измерение.

В славянофилы что ли податься?

Кстати, описывая прелести российского расслаб-ленного бытия, ты упускаешь из виду один нюанс. Ведь твоя ситуация очень и очень нетипичная и связана с уникальностью твоей профессии. Думаю, ты понимаешь, что тебе удалось осуществить веко-вую мечту россиянина - полгода ты трудишься в Канаде (при этом не утомляя себя налогами), а полгода, не горячась, дорабатываешь дома. Нет-нет, не подумай плохого, это совершенно белая зависть. У меня даже и в мыслях нет взорвать к едрене-фене самолет, совершающий рейс по мар-шруту Москва-Монреаль, вместе с тобой и ос-тальными пассажирами, чтобы ты больше не рабо-тал в Канаде. Наоборот, мою душу согревает осознание того, что вот человек, которому это уда-лось.

Пока

Юра

август 1999 г.

Привет, Жека!

Кстати, твое последнее послание, где ты описываешь закупку спрея от тараканов, натал-кивает на очень интересное сопоставление.

Это очень важный нюанс. В России тебя вос-принимают по одёжке. Если ты одет, скажем так, непритязательно, все труженики сервиса (и массы других предприятий, учреждений и организаций) воспринимают тебя как вошь, которая заползла не туда, куда нужно. А вот если ты неожиданно де-монстрируешь кредитоспособность, они неохотно соглашаются признать тебя за человека. Здесь же изначально, независимо от смокинга или драных тренировочных штанов я человек, и не дай и не приведи кому-то хотя бы взглядом намекнуть, что я не туда попал. Исключение составляют Департа-мент иммиграции и Российское посольство в Ва-шингтоне. Иногда мне кажется, что сотрудники Департамента посещали одну партшколу с сот-рудниками посольства.

Когда ты собираешься опять в Америку? На-деюсь, что хоть на этот-то раз ты сделаешь привал в наших краях? Только не говори, что ты уже зака-зал билет и т.д. и т.п. Помысли сам - за последние три с половиной года ты был в Канаде шесть раз. По-моему, просто грешно не изменить маршрут.

Как твои дела? Надеюсь, что ты примерный дед.

Мы вчера ездили купаться на Миссисипи. Чуть было не налетел на крупные неприятности. Там не-далеко от берега целые поля водяных лилий. Ну и, естественно, моя русская натура просто потре-бовала сорвать несколько штук.

А как же иначе? Если оно растет, значит нужно его сорвать!

Подгребая к берегу со своим букетом, я увидел сердобольного мужичка, который заботливо по-яснил, что за каждую из этих лилий полагается ка-кой-то офигенный штраф, чуть ли не 10 000 долла-ров, поскольку они занесены во все книги, какие только есть - от красной до белой. Пришлось пустить букет стоимостью 50 000 долларов вниз по те-чению. Так и плывет он к Мексиканскому заливу.

Юра

Август 1999 г.

Привет, Жека!

К твоему вопросу, какого хрена, собственно го-воря, я забыл в Америке....

Естественно, Гранд-каньон, Миссисипи и Ниагарский водопад никак не были решающими факторами. Наверное, хотелось найти место, где не будет некоторых российских пенок, вроде общественного туалета на серпуховском рынке или раз-ного рода уверенных в себе хозяев жизни с рожами вурдалаков. И чтобы не гадать, в какую сторону повернет теперь тропа истории непостижимой страны родной. И чтобы никакое канцелярское рыло не могло безнаказанно издеваться надо мной на том простом основании, что обойти его вместе с его столом невозможно, а взятки давать я так и не научился.

Идеальный вариант - жить здесь в спокойной и тихой обстановке, наслаждаясь американским комфортом и сервисом, но в то же время иметь возможность пару раз в год ездить в Россию.

Я не предполагал, что пробиться в Америке настолько трудно. Изначально мои планы от-личались лучезарной детской простотой. Приехали, нашел адвоката, заплатил, адвокат все сделал. Че-рез полгода получите грин-карту и радуйтесь жиз-ни. Хрена лысого! Даже с учетом абсолютно неве-роятного везения (а появление на горизонте кон-торы с огромной книгой на перевод иначе как про-явлением действия потусторонних сил не назовешь) я бьюсь над грин-картой уже три года, а она как в свое время коммунизм в Советском Союзе - все где-то на горизонте.

Во-вторых, мне не приходило в голову, что ком-мунисты могут быть абсолютно правы в своих опи-саниях Америки и американской жизни. К какому-то возрасту я пришел к выводу, что все, что исхо-дит от официальной власти в СССР есть вранье. Оказывается, нет, далеко не все.

Да, американцы - абсолютно бездушная нация, меркантильная до полного маразма. (Одному из на-ших знакомых

его брат продал за пятьсот долларов задрипанный пикапчик, у которого оказалась почти не работающая коробка передач.

Представь себе, что ты продал Олегу телевизор, да еще и такой, который то показывает, то не пока-зывает).

При этом они абсолютно не представляют себе, насколько подобные отношения дики с точки зре-ния всего остального человечества.

Мне не приходило в голову, что американцы уже достигли того идеала, к которому так стре-мились Ленин, Сталин и Лаврентий Палыч – мо-гучими трудами создали нацию с начисто промы-тыми мозгами.

Подобные открытия привели к тому, что оказал-ся я в Америке, как Робинзон Крузо на своем ос-трове. Круга общения просто нет. Есть парочка ин-тересных ребят (естественно, наших), но они дале-ковато - в Чикаго и Мичигане.

Третье препятствие - финансы. Чтобы выжить в Америке, нужно или изначально иметь много де-нег, или с самого начала, не забивая себе голову высокими помыслами, хватать все возможные ра-боты, самую большую лопату и копать, копать и копать... Как только остановился, чтобы помыс-лить, а чего же тебе хочется делать, тут тебе и хана.

Дальше возникает вопрос: "Означает ли это, что великая американская экспедиция завершилась провалом?" Ни в коем случае. Это означает, что нужно ползти по канализационной трубе дальше к светлому будущему - ведь развернуться и поползти обратно все равно нельзя. А если бы, даже, это бы-ло и возможно, то в России еще мрачней, чем здесь.

Пока

Юра

Привет, Маша!

Вот тут ты и уловила суть всех религиозных кон-тор. Хорошие они такие, добрые... благостные очень. Только деньги платить не хотят. Это, я сказал бы, есть общая доминанта, которая объе-диняет их всех - от огнепоклонников и ламаистов до харизматов. На своем славном четырнадцати-летнем пути сотрудничества со смиренными тру-женниками на ниве христианской веры я это выяс-нил наверняка. Основной принцип - ухватить на грош пятаков, ну, например, чтобы книгу на 400 страниц им перевели и отредактировали за 1000 долларов.

Вчера мы весь день протолкались в одном задум-чивом заведении под названием Департамент им-миграции.

Да, теперь я могу гордо говорить, что федераль-ное правительство официально признало меня хо-рошим человеком:

ведь слону понятно, что плохо-му человеку грин-карту не дадут! Конечно, Депар-тамент иммиграции показал товар лицом. На что уж мы взрастали в очередях, но такой очереди!!! Представь себе, что она начинается на улице.

Легкий морозец с ветром. Стоим. Прикидываю скорость движения, думаю: "Ну, ладно, полчасика, от силы час, ничего страшного".

Запускают внутрь. И тут моим глазам откры-вается ОЧЕРЕДЬ, свернутая в двадцать колец, как питон. Исчезает она в этой хреновине, где тебя проверяют на металл. Время от времени мимо прогоняют группы тех, кому назначено на со-беседование (в общей очереди они не стоят).

Слышны команды с какими-то эсэсовскими ин-тонациями:

-Stand by the wall! Move on! – («Стать у стенки! Продвигайтесь вперед!»)

Поневоле в голову закрадывается мыс-лишка: "А может быть там, за этой дверью, просто стенка?! И ставят к ней всех этих бедолаг - вот, мол, вам, ребята, и грин-карта"!

Давлю в себе такие гаденькие опасения.

Кое-как доползаем до этого входа. Поднимаемся вверх по эскалатору. Здравствуй, жопа, Новый год! Еще одна очередь - может быть не такая устраша-ющая, как предыдущая, но движется медленнее.

Дети начинают сдавать, не привыкли они к та-ким делам. (Естественно, что сидеть негде, есть нельзя, как, впрочем, и курить). Всему прекрас-ному приходит конец - следующая очередь хотя бы позволяет вальяжно развалившись сидеть в креслах и смотреть на светящееся табло, поджидая, пока подойдет твой номер.

В общем все эти радости заняли у нас семь с по-ловиной часов.

Да здравствует демократия! Да здравствует сво-бода! Мало того, даже мои опасения насчет рас-стрела оказались необоснованными.

В общем, отмучились. Так что теперь Майк пусть носа не задирает. Я тоже теперь резидент, и не какой-нибудь, а официально признанный ре-зидент в гнезде мирового империализма.

Юра

Ноябрь 1999

Привет, Маша!

Ну не пойму я, бабоньки, вашего брата, и все тут! Казалось бы, что может быть приятней, чем обладать всеми

полагающимися по штату изгибами и аксессуарами. Так нет, вместо того, чтобы радо-вать мужиков своими формами, вы стремитесь по-терять всяческий физический облик, очевидно, что-бы мы больше размышляли о предметах духовных и устремлялись бы, так сказать, ввысь - к горнему.

До осени прошлого года моя жена была как же-на. Потом вдруг ей показалось, что ее слишком много. И моя супруга резко перешла на слим-фэст. Она героически ничего не ела, только пила эту гадость.

Первые пару недель я относился к этому как бы с добродушным стариковским юмором. Мол де, дело молодое, пусть побалуется. Потом с тревогой стал замечать, что жена начинает утрачивать всякие материальные очертания. Никакие мольбы, вопли и стенания не помогали.

Язык не поворачивается сказать, на сколько раз-меров она похудела. Естественно, что, обретя об-лик французской кинозвезды, любимая стала тут же стрелять глазом во все стороны, как Мари Жють из "Необыкновенного концерта".

Само собой, что в Рокфорде поднялась паника. Забыв про главное достижение американской ци-вилизации – закон о sexual harassment, - слабонерв-ные водители сигналили ей и жалобно что-то кри-чали из машин. Я их понимаю - аборигены вообще не избалованы в отношении женщин. Не могу сказ-ать, как их жены с точки зрения постирать или, скажем, борща мужу сварить, но с позиции эсте-тической их бабы - самое жуткое зрелище после Хиросимы.

Чтобы не быть угрозой безопасности движению, пришлось моей голубке хоть чуть-чуть набрать вес. (Естественно, что я горячо приветствовал эту тен-денцию). Так что подумайте, родные, стоит ли... Ведь рядом живет любимый человек, нужно ли так его травмировать?

Маша, из своей британской дали, с туманных берегов Альбиона, ты спрашиваешь, что же это, в сущности, такое - грин-карта и как люди проры-ваются в Америку.

Грин-карта - это синее море и белый пароход, это молочные реки и кисельные берега, это сияющая вершина и апофеоз, это экстаз и атас.

Естественно, что грин-карта вообще-то не зе-леная, а белая. Она подтверждает право человека на постоянное проживание в США (бессрочное). Грин-карта дает нам все права американских граж-дан кроме права выборов. Иными словами, теперь мы белые люди.

Само собой, что с бурным развитием демократии в России

утвердиться в США становится все труд-нее и труднее. Политическое убежище стало во-обще нереальным - разве что ты явишься в иммиг-рационный суд с кинжалом в спине, а к нему будет привешена карточка с многочисленными угрозами в твой адрес (угрозы, естественно, должны носить политический или религиозный характер). Раньше лазейка была оставлена для баптистов и пятиде-сятников, поскольку они имели статус гонимой (в России) церкви. Но сейчас и эту лафу, кажется, прикрывают, то есть, до конгресса вдруг дошло, что их давно уже никто и ниоткуда не гонит.

Кто-то прорывается через замужество (в Рок-форде я знаю три таких семьи), кто-то через рабо-чую визу (так называемая Н-виза), но там есть свои тонкости и это очень долго и без гарантии. Я знаю одну семью, которая на днях уехала назад в Россию после шести лет в Америке. У мужика была Н-виза, но просто не хватило времени - пока крутилась бю-рократическая машина, виза истекла.

Я пролез в этот рай земной через одну очень ред-кую визу - тоже не мед и тоже есть свои капканы, но это вариант - при условии, что:

а) у тебя есть профессия, которая подпадает под статус такой визы;

б) есть соответствующего профиля организация, которой в данный момент до зарезу нужен специалист именно такой квалификации;

в) есть добрый дядя, который готов сделать все бумаги.

Вот, вкратце, основные пути, по которым наши прорываются в Штаты.

Многие вообще не забивают себе голову - просто покупают визу (в прошлом году купить турвизу в США стоило 5 000 долларов) и оседают здесь не-легалами. В таком случае круг работ ограничен смутными русскими строительными кампаниями, польскими конторами, которые подвизаются в сфе-ре, скажем так, метлы и тряпки, а также уходом за богатыми старушками. Властям, в общем-то до лампочки, я пока еще не слышал ни об одном слу-чае, чтобы нелегала депортировали. Платят налоги, где-то работают....

Так что стал я своего рода "экспэртом" в том, как перелезть через забор в США, но при этом не зас-трять наверху и не свалиться назад, разодрав шта-ны.

Юра

Иллинойс
Ноябрь 1999

ДОБРАЯ МИННЕСОТА

Добрая Миннесота

В Миннеаполисе вечер и идет тихий теплый дождь. Заканчивается июль. Спала жара и знаешь, что лето пошло на убыль. Блестит мокрый черный асфальт на парковке. Чуть покачиваются под дождем ветки деревьев. Деревья эти мне знакомы с детства, хотя спроси, какой они породы, и не скажу - может ясень, может бук, а может и что другое.

В Миннесоту мы переселились прошлым летом. Фермерский дом на нашем хуторе в Илли-нойсе пришел в полный упадок и еще одной зимы просто не выдержал бы. Крыша текла как решето, хозяину все по фигу. Собственно, с ним и связать-ся-то было почти невозможно - все его где-то черти носили.

Опять настает время принимать решение. Очевидно, что пребывание среди кукурузных по-лей себя исчерпало, Иллинойс нам ничего нового предложить не может и пора двигаться дальше. В апреле мы съездили в Миннесоту навестить знако-мых. Решение принимаем в тот же вечер – переез-жаем в Миннесоту. В конце мая отправляемся в путь.

Опять пакуем барахло, опять сжигаем во дворе мусор - Господи, сколько же всякой всячины набралось за три с половиной года! Огромный кос-тер пылает во дворе целый день.

Нужно еще разобраться с нашим недви-жимым автопарком. Предатель белый "Кадиллак" остается за сараем на память нашему лендлорду, Марку. Вместе с ключами я оставил Марку записку, сообщив, что он может делать с этой маши-ной все, что хочет. На запчасти за тысчонку вполне можно продать. А нам все равно за нее платить еще года два. Васенька уже давно упокоился на джанк-ярде (по-нашему, на автомобильном кладбище). Еще одну машину, которую забыли у нас во дворе приятели из Мичигана, мы ликвидируем по-бан-дитски. Несколько раз я безуспешно просил знако-мых прислать нам документы на эту машину или забрать ее. Сдать ее на джанк-ярд без документов невозможно. Значит тряхнем стариной и будем действовать по-российски.

В четыре часа утра, крадучись, выходим из дома. Света садится за руль обездвиженного мичи-ганского "Понтиака", я сзади упираюсь в бампер нашим "Фордом" и толкаю упокойничка вперед. Выруливаем на дорогу. Вчера я подзарядил "Пон-тиаку" аккумулятор, поэтому на нем хоть фары горят, иначе пришлось бы толкать в темноте. Проехав таким макаром километра два,

даю Свете сигнал. Она с усилием поворачивает руль и автомобиль-зомби сворачивает на дальнюю грунто-вую дорогу. Толкаю его еще метров пятьсот. Все, хватит. Ключи оставляем в замке зажигания. Света прыгает в "Форд" и, опасливо озираясь по сторо-нам, мы растворяемся во мгле.

Я уже знаю, как все будет дальше. Дня два "Понтиак" простоит там, куда мы его затолкали. Потом приедет полиция и вызовет трак, который заберет убогенького на джанк-ярд. Собственно, в Америке брошенные машины - постоянный элемент пейзажа.

Все утро грузимся, пока не забиваем две наши машины до отказа. Запираю дверь, опускаю ключ в адресованный Марку конверт и бросаю его в почтовый ящик. Выезжаю из аллеи на дорогу. Прощай, наш хутор! Это был добрый дом.

И мы направились на север, через Висконсин в Миннесоту - "штат 10 000 озер".

Миннесота понравилась сразу. Здесь уютно и здесь простор. За год мы обжились, а месяц тому назад сделали еще один шаг вперед в своей амери-канской жизни - купили дом. По выходным отправ-ляемся на природу. Вот и завтра, в воскресенье, мы едем на случайно открытое нами раньше озеро.

В Миннесоте их действительно тысячи. Са-мых разных, от одного из Великих, огромного, как море Верхнего, до трогательных, затянутых ряской прудиков, где на острых корягах сидят зеленые лягушки.

Для начала пересекаем с юга на север двух-миллионный мегаполис, образованный двумя го-родами - Миннеаполисом и Сент-Полом. В Амери-ке их называют Twin-Cities - "Города-близнецы", и это вполне официальное название. Через город протекает Миссисипи, здесь не очень еще широкая, ну, скажем, как Ока.

Масса зелени, дружелюбный, красивый во все времена года город, только движение на доро-гах сумасшедшее.

Постепенно суматоха затихает, шестиполо-сый, оглушающий ревом фривей сужается до скромных приличных размеров. Все меньше и меньше машин. Твин-Ситиз позади.

Мы направляемся на север - туда, где начинаются сплошные леса, которые уходят в Канаду. Через час доберемся до большого озера Миллак, где нужно свернуть на неприметную трассу. На ней нахожу нужную грунтовую дорогу, ведущую к нашему озеру. Километра два узкая дорога вьется лесом между большими зелеными прудами. Из-за кустов нас недоуменно рассмат-ривает олень. Потом, вдруг испугавшись, бросается в чащу. Ухабистая дорога упирается в заросшую травой пустую стоянку для машин.

Вытаскиваем из багажника сумки и тропкой спускаемся к озеру. Берега заросли лесом, который отражается в чис-той воде удивительного голубого цвета. Оно так и называется, "Блу-Лейк" - "Голубое озеро".

Солнечный летний день и тишина. В воде плавают лилии. В прошлый раз мы с азартом соби-рали по берегу чернику. Просто везенье, что на озере нет удобного для спуска моторных лодок места, иначе здесь не было бы так тихо и безлюд-но.

Все прошлое лето мы безуспешно пытались найти свое озеро - именно такое волшебное голу-бое озеро. Теперь мечтаем в будущем купить по-близости домик, чтобы можно было ездить сюда по выходным. Ну, помечтать мы вообще любители.

Миннесота - добрый штат. Не потому, что здесь живут иначе, чем, скажем, в соседней Север-ной Дакоте. Жизнь в Штатах везде примерно оди-наковая: жесткий, выматывающий нескончаемый марафонский забег.

В Миннесоте эта гонка приглушается ощу-щением зелени и простора. Даже Миннеаполис или Сент-Пол никак не назовешь каменными джунг-лями. Да, в "даунтауне" Миннеаполиса высятся не-боскребы. Там спешат пешеходы, там негде парко-ваться и очень запутанная система одностороннего движения на улицах. Иногда я подолгу кружу по центральным улицам, пытаясь найти выезд на фри-вей, чтобы поскорее вырваться отсюда. В центре Сент-Пола возвышается Капитолий штата, а неда-леко от него - огромный собор Святого Павла.

Но буквально в десяти минутах езды от даунтауна по улице шустро пробегают белки, по газонам разгуливают стаи диких гусей, из окна дома виден сидящий под кустом заяц, а зимним вечером по заснеженным парковкам деловых офисов бродят олени.

При всей своей похожести на Россию кли-мат Миннесоты довольно буйный. В сезон смер-чей-торнадо налетают жестокие бури. Тогда по нижней части телеэкрана непрерывно бежит строка грозового или торнадового предупреждения, где перечисляются города, находящиеся в опасной зо-не. На следующий день в программе новостей со-общают, где именно торнадо прошел и чем это за-кончилось. В школах учат, как себя вести при уг-розе торнадо.

В конце июня мне пришлось применить эти рекомендации на практике и отправить детей в подвал. В середине дня стало быстро темнеть. Пря-мо на глазах сгущалась мгла классического для торнадо зловещего зеленовато-черного оттенка. Такой темноты в дневное время я не видел никог-да. Но обошлось лишь страшной грозой, градом и побитыми молнией деревьями.

Торнадо ударил чуть дальше, в Висконсине, где он снес с лица зем-ли птицеферму со всеми ее обитателями. Впрочем, торнадо - элемент климата большей части Амери-ки.

Естественно, что бытие определяет созна-ние. О чем тут спорить? Если ты сидишь без копей-ки в драных штанах, то даже самые красивые места на свете не доставят радости. У нас переездом в Миннесоту закончился целый этап жизни в Аме-рике. Закончилась стадия выживания и мы, нако-нец-то, начали просто жить - спустя пять лет после отъезда из России.

Буквально через две недели после переезда пришли по почте наши грин-карты. Мы их ждали еще в Иллинойсе, а прибыли они прямо-таки сим-волично - сразу после переезда, как бы поставив точку и подтверждая, что старое прошло и начина-ется новое.

Держу в руках маленькую белую карточку, рассматриваю фотографию на ней. Трудно пове-рить, что ради этого пластикового квадратика люди уезжают из своей страны, фиктивно женятся, раз-водятся, пускаются во все тяжкие. Вроде нужно буйно радоваться, а радости нет, как-то, даже, пус-то на душе. Так бывает после очень трудных экза-менов, когда все позади, и нужно веселиться, но наступает реакция на перенапряжение и усталость.

Что и говорить, тяжелехонько достался нам этот документик, ох, тяжелехонько. Но все это уже история.

Кроме близких нам природы и климата, Миннесота еще и один из самых быстро развиваю-щихся штатов в Америке. Работы много и платят хорошо.

Здесь многотысячное русскоговорящее на-селение и есть интересные люди. Теперь можно позволить себе даже такую роскошь, как вечерние посиделки с друзьями на кухне до часу ночи.

Ведь это и правда роскошь - не думать, пой-мут тебя или не поймут, и не придется ли полчаса объяснять, что ты, в сущности, хотел сказать (это не обязательно относится к языковой проблеме). И не нужно улыбаться, говорить по-английски, отбы-вать время на нудных "parties", терпеливо дожида-ясь момента, когда вполне уместно сердечно по-благодарить хозяев за потрясающий вечер и, чер-тыхаясь о бессмысленно угробленном времени, с облегчением смыться.

Можно без конца сравнивать нас с ними и критиковать американцев. А зачем? Мне кажется, что таким образом мы как бы ищем опору под но-гами. Вроде как нужно определиться, понять, какие они и какие в сравнении с ними мы, объяснить что-то самому себе, и тогда все встанет на свои места.

Да, разные мы, и все тут. И сравнивать бес-полезно. Чем

больше сравниваешь, тем больше за-путываешься. Потому что, несмотря на все разли-чия, люди-то, в сущности, везде одинаковые. Ум-ные и глупые, добрые и недобрые, веселые и угрю-мые. И родители так же любят своих детей. А дети точно так же с визгом носятся, играя, по двору. В их толпе самозабвенно бегает мой Яшка. Точно так же, как в свое время мы, он со своими американс-кими друзьями гоняет на велосипеде, ловит лягу-шек и лазит по деревьям.

В русской речи наших детей уже легко уга-дываются конструкции английского языка. Амери-канская школа и американские сверстники - их естественное и нормальное окружение. Мы же об-щаемся с американцами только по работе. Не по-тому, что не любим их или испытываем какие-то затруднения. Просто у них одна культура, у нас другая, и нам уютнее жить в своем мирке.

Не география определяет жизнь - такая вот великая истина (аж самому смешно, до того ба-нально). Если ты нашел свой круг - людей, с ко-торыми интересно и хочется общаться, - то, наверное, жить хорошо и в Саудовской Аравии. Без это-го круга и дома будешь чужой.

В апреле впервые за пять лет я съездил в Россию.

Целая неделя в родном Краснодаре! Только я уже не искал среди прохожих знакомых и не ждал случайных встреч со старыми друзьями. Город тот же самый: вот наш старый дом на улице Пушкина, а в центре фонтана в детском скверике так же возвышается каменный слоник с сидящим на нем индусским мальчиком. Но все это воспри-нимается отстраненно, потому что больше я к этой жизни не приобщен. Кроме воспоминаний ничего не объединяет меня со старым кинотеатром "Ку-бань" и с сотни раз исхоженной вдоль и поперек улицей Красной.

Тогда, может быть, не так уж важно, где именно жить? Что здесь, что там мы стремимся приблизить свою жизнь к нарисованному нашим воображением идеалу. Для меня лично такой идеал - это дом, дарованный Мастеру в конце его пути.

И в Миннесоте такой дом очень уместен. Он там, на севере, в лесах, в стороне от бетонных авто-страд - из неотесанного камня, с мостиком через ручей. Свет горящей свечи в окне и тихая музыка. И плющ по стене, и озеро, в которое осенью будут тихо падать красные, коричневые и желтые листья. А зимой в тишине звездной ночи скрипит под но-гами снег. Можно набросить куртку, сбегать по морозу в сарай за дровами, растопить камин и си-деть, глядя в огонь.

Там мы будем встречаться с друзьями и го-ворить о том, что интересно и что хочется понять.

Я верю, что этот дом здесь. Я иду все той же извилистой дорогой из разноцветного кирпича, ко-торая много лет вела меня по России. Вот уже шес-той год шагаю я по ней здесь, в Америке. Дорога эта то поднималась до горных перевалов, где захва-тывает дыхание от ледяного ветра, то вилась душ-ными и опасными болотами, куда очень запросто соскользнуть. И исчезнуть в мгновенье ока в чер-ном омуте - только пузыри болотного газа забуль-кают на поверхности.

Сейчас идти веселее - лесами, между чу-десных озер. В доброй Миннесоте дорога должна привести к моему дому, пристанищу, от которого уже никуда не нужно будет торопиться.

Миннесота
Июль 2001

Беженцы

Чтобы не запутаться в определениях, скажем сразу, что настоящими нашими беженцами американская администрация не занимается. Не интересны они ей, да и в принципе американ-цам непонятно, как могут бежать русские из осво-бодившихся от советского гнета республик быв-шего Союза.

Речь у нас пойдет о беженцах религиозных. Чудны дела Твои, Господи - по американским зако-нам проживающие на территории бывшего Советс-кого Союза баптисты и пятидесятники до сих пор имеют статус гонимой церкви. Рухнула берлинская стена, а за ней и Советский Союз. Почил в бозе Со-вет по делам религии. По хлябям и весям России бродят толпы пилигримов - проповедников и мис-сионеров всех мыслимых и немыслимых течений и направлений протестантизма. Но Конгресс об этом не знает. С точки зрения американского законода-тельства лютые комиссары в кожаных куртках до сих пор арестовывают и швыряют в тюрьмы несчастных протестантов за их религиозные убеж-дения. Комиссары размахивают наганами, дико вращают глазами и пинают воющих гонимых кова-ными сапогами в нежные зады.

Таких беженцев Америка любит трога-тельной любовью. Каждой приехавшей семьей занимается социальный работник. Все прибывшие страстотерпцы проходят тщательное медицинское обследование. Каждая семья получает бесплатную медицинскую страховку, фудстампы, наличные деньги и так далее. Взрослые бесплатно учатся, их детей определяют бесплатно в детский садик (для непосвященных - и то, и другое в Америке стоит очень дорого). Естественно, что беженцам помога-ют найти работу,

предоставляют переводчика - проще говоря, вокруг них водят вдохновенный хоровод.

Эту праздничную суету изгнанники вос-принимают, как само собой разумеющееся. А как же иначе? Должна же Америка создать им прилич-ную жизнь?

Мне беженцы нравятся. Нравится их прос-тота, незамутненный взор и твердая убежденность в своей исключительности и правоте. Женщины в косыночках и белых носочках. Разговаривая улы-баются кротко и пристойно. При малейшем поводе - да, впрочем, и без всякого повода - начинают про-поведовать, стремясь обратить нечестивца в истин-ную веру. Отделаться от них, оставаясь в рамках приличий, очень трудно. Бессмысленны робкие по-пытки объяснить, что я неплохо знаю протестант-ское богословие, знаком с их вероучением и что, вообще, у меня есть свои собственные убеждения. Все это для них пустой звук. Раз не баптист (или пятидесятник - в зависимости от того, с кем конк-ретно имеешь дело) - значит о Христе никогда не слышал, пребываешь в бездне невежества, и нужно срочно тебя из этой бездны извлечь.

Изъясняются на диком жаргоне. Вполне можно услышать такое:

-Ну что Техсас? Мексиканы, да ковбойцы. Не-е, мне больше нравится Уошингтон, у меня сво-як там, город еще такой есть на берегу Пасифика, забыл название. -

Вообще, провести с ними несколько часов - испытание достаточно тяжелое, поскольку бежен-цы ничего не читают, потрясают дремучестью, и говорить с ними, кроме, как о делах духовных, не о чем. Любые отвлеченные темы воспринимаются, как стартовый сигнал к агрессивной проповеди.

Устремленные всей душою к небесам, они, тем не менее, проявляют живой интерес к воз-можности еще что-нибудь урвать от Америки бес-платно. На вэлфэре сидеть скучно, поэтому в своем большинстве изгнанники подрабатывают за налич-ные. Но, чтобы не расстраивать заботливого соци-ального работника, ей об этом не говорят и доходы не декларируют. Перед отъездом в Америку бежен-цы, естественно, продали дома, машины и другие мелочи суетной мирской жизни, и деньги привезли с собой. Социальному работнику они об этом, опять-таки, не сообщают. Во-первых, зачем отвле-кать занятого человека, а, во-вторых, что значит все это - тленное и преходящее - в свете грядущей для избранных вечности?

Прошлой осенью я переводил для главы такой семьи. Для простоты назовем его Сергеем. Семье предстояло вселиться в программную квар-тиру. Что это такое? Представьте себе, что вы

арен-дуете жилье за 1000 долларов в месяц. Из них 900 долларов платит дядюшка Сэм, а вы платите 100 (из денег, которые, опять-таки, дает дядюшка Сэм). Это и есть программная квартира.

Глядя на нас светло и печально, Сергей до-тошно выспрашивал сотрудницу отдела социаль-ных служб, как еще можно уменьшить его долю в квартплате. В полном умилении сотрудница судо-рожно бросалась пересчитывать в очередной раз коэффициенты, чтобы выжать для бедной семьи лишние пятнадцать долларов. Может быть, как раз этих пятнадцати долларов и не хватит, чтобы купить меньшенькой ботинки к школе!

Через пару дней мы со Светой решили ус-троить небольшой праздник и заскочили в русский магазин, чтобы побаловать себя разносолами. Рус-ские магазины - дело достаточно дорогое и способ-ны пробить ощутимую дыру в бюджете, если загля-дывать в них слишком часто. Стоя с женой в оче-реди, слышу впереди кроткий приятный голос. От-куда же он мне так знаком?

Прохожу вперед. Ба! Да это же наш мученик веры - Сергей. Перед ним гора пакетов. В послед-ний упаковываются только что взятые сосиски. Эх, жалко, сотрудницы социального отдела нет! Пора-довалась бы, ободрилась, узнав, что, оказывается, не все так плохо. А то ее аж слеза прошибала от рассказов о лютых лишениях на чужбине.

Спустя пару месяцев я переводил для мо-лодой женщины, проходившей сложное медицин-ское обследование. Как-то она звонит и просит свя-заться с клиникой, чтобы перенести последний наз-наченный тест на более раннее время.

- А что, Наташа, у вас что-то случилось? - спрашиваю.

- Да, нет, просто мы хотим на пару недель съездить в Аризону к знакомым американцам. И нужно выехать пораньше. -

Пораньше, так пораньше. Звоню в клинику, договариваюсь на семь утра. Это значит, что вста-вать мне в полшестого, но раз нужно, значит нужно.

На улице еще темно, когда мы с Наташей выходим из клиники. Она растеряно озирается:

- Куда же муж подевался? Он должен был ждать у входа, потому что домой мы заезжать не будем. -

Из темноты ко входу мягко подкатывает но-вый, сверкающий лаком микроавтобус. Постойте, постойте, да ведь водитель-то мне знаком! Это же мой друг, Сергей! Ну, действительно, почему бы людям не съездить из заснеженной Миннесоты в теплую Аризону (около двух тысяч километров в одну сторону)? Устали, небось, и намерзлись здесь.

Это у нас не было отпусков пять лет, как не было, впрочем,

ни пособий, ни медицинской стра-ховки. Но ведь нас дома никто не гнал и не пресле-довал, так что все логично.

Беженцы - люди серьезные и к шуточкам не расположены. Да и, действительно, что же стран-ного, если прожившая в Америке меньше года семья, не проработав официально ни одного дня, покупает дом? При этом выкладывают, ну, скажем, сорок тысяч долларов наличными в качестве перво-го взноса (в Миннесоте именно в такую сумму выльется взнос в размере двадцати процентов от стоимости средней величины дома).

Как уже говорилось, сами беженцы абсо-лютно ничего ненормального в такой ситуации не видят. Боюсь оскорбить этих столь легко ранимых и далеких от низменных предметов избранников Божиих, но, все же, позволю себе задать несколько вопросов:

- А вам не кажется, что это не очень-то чест-но - получать от Америки пособия, фудстампы и прочие блага, и при этом работать за наличные, нигде не декларируя доход? И как этот обман со-образуется с вашими сладкими речениями? А почему церковное руководство в истинно христи-анском духе не поставит американский Конгресс в известность о том, что в своей стране уже много лет вас никто не преследует? -

Но мне ли задавать такие вопросы? К свету истины не приобщен, был разведен и, вообще, че-ловек курящий.

Миннесота
Март 2002 г.

На север

Шесть часов утра, темно и морозец. Не торопясь выкуриваю первую утреннюю сигарету, ожидая, пока отогреется ло-бовое стекло машины. Ну, вроде что-то уже через морозные разводы видно. Будем трогаться, дорога сегодня у нас с Фафиком дальняя. Фафик - это мой зеленый "Форд", а зову я его так из-за номерного знака, который начинается буквами FUF.

Через четыре светофора проталкиваюсь к фривею 35E. На петле разгоняю машину, чтобы спокойно влиться в поток. Поочередно смотрю то влево через плечо, то в зеркало заднего вида. Так, вроде как раз для меня местечко. Бочком, бочком, есть, вписался. Теперь нужно через три полосы протиснуться на крайнюю левую, чтобы больше уже не дергаться. Утренняя суматоха в полном разгаре, но особых пробок нет, хотя с ветерком тоже не полетишь. Центр Сент-Пола позади. Мель-ком посматриваю на висящие над автострадой зе-леные щиты со

светящимися названиями улиц и фривеев, и указывающими во все стороны стрел-ками. На фривее веселье вовсю: толпа машин, кто-то пытается обогнать всех и вся, кто-то отчаянно старается перестроиться в нужную ему полосу. Как всегда и везде, лютую и общую неприязнь вызыва-ют "отличники", которые показывают всем пример и едут, четко соблюдая ограничение скорости (или медленнее) - это самый опасный и гнусный тип во-дителя, потому что из-за таких гадов всем осталь-ным приходится перестраиваться и делать массу лишних и рискованных движений. Как раз такой мерзавец едет передо мной со скоростью 45 миль при ограничении 55. Перестроиться мне не дает плотный поток машин справа. И вот, ведь, демо-кратия, ети ё мать! Даже застрелить этого мудака нельзя. Наконец-то улучил момент, нырнул вправо в промежуток между траком и джипом.

Осталась позади кольцевая автострада и те-перь я удаляюсь от всей этой суеты. Можно набрать нормальную скорость. Прижимаю педаль газа, посматриваю на спидометр: 70... 75... 80 миль в час. Тридцать пятый фривей хорош тем, что огра-ничение скорости здесь 70 миль, а по неписаным американским правилам разрешается превышение скорости до десяти миль. Поэтому, пока я держу 80, ни один коп ко мне не прицепится. Попутных машин немного, зато навстречу движется нескон-чаемая, плотная, светящаяся огнями гусеница - народ катит в Twin-Cities, чтобы начать трудовой день. На поворотах фривея их фары бьют мне по глазам, а на такой скорости лучше не слетать с дороги. Напряженно всматриваюсь в разметку, особенно на многочисленных поворотах.

Встречных машин все меньше и меньше, теперь это уже не гусеница, а густо разбросанные светлячки - как в Иллинойсе летом на полях.

Можно расслабиться. Откидываюсь на спинку сиденья и убираю правую руку с руля. Слушаю музыку. Сейчас это Бичевская, а вообще кассет я взял много, чтобы хватило на всю дорогу. Докурив очередную сигарету, протягиваю руку вправо и наощупь ухватываю кружку с кофе. Мне уютно в мирке моей машины. На свободном си-денье разложены сигареты, кассеты, сотовый теле-фон, зажигалка. Там же моя походная кожаная сумка с картами и всякой всячиной. На лобовом стекле на присосках прикреплена дощечка с блокнотом для записей и ручкой. Иногда задание на срочный перевод я получаю прямо в машине, и нужно быс-тро записать адрес и остальную информацию. Но чаще я использую эту дощечку, чтобы прикреплять к ней компьютерную распечатку с маршрутом. Хо-тя сегодня маршрут у меня крайне простой – пол-ный вперед до Дулуса, а там тридцать пятый фри-

вей заканчивается и я поеду вдоль озера по шесть-десят первому хайвею. Всего около трехста миль в одну сторону.

Справа все светлее и светлее. Скоро и фары можно выключать. На западе сумерки, а на вос-токе подсвеченные розовым облака и бледно-го-лубое холодное небо. По обеим сторонам шоссе бе-резовые рощи. Сверкает инеем высокая трава лу-гов. Мостик через речушку. Боковым зрением ви-жу поваленное дерево в мелкой воде.

Читаю названия озер и речек на дорожных знаках. Ну, прямо тебе Фенимор Купер: озеро Ло-синый Рог, речка Бобровая. Самый класс, конечно, ручей Порезанного Лица! Вода в озерах парит на морозце.

Рощи постепенно переходят в сплошные ле-са. Вот местечко для наших трех медведей - какие-то обломанные стволы торчат на лесных прогали-нах.

Как это всегда бывает в поездках, вначале думаю о повседневных будничных делах, потом дорога захватывает и я погружаюсь в то совершен-но особое состояние, которое возникает только во время дальнего пути. Легко придерживаю руль, слушаю музыку и рассеянно плыву "по волне моей памяти". Вольно и без моего участия сменяют друг друга мысли и картинки. Я просто присутствую при этом процессе. Там и беловолосый утренний сонный Яшка и, смотри, что это там, впереди – яст-реб, что ли, кружит? И лес какой мрачный по сторонам. В западной Польше, помню, был такой же сумрачный, прямо-таки, разбойничий предрассвет-ный лес - в районе Жепина. Потом память переска-кивает на шустрых польских мальчиков на границе с Белоруссией, которые за сто дойчмарок протал-кивали машины без очереди в Тересполе. Молодые ребятки и матерились непрерывно по-польски, а очередь там была гигантская, километра три. Те-респоль это с польской стороны, а с белорусской он уже Брест. А когда в Краснодар ездили, помнишь? вечером мы разожгли костерок в рощице чуть в стороне от шоссе, чтобы с дороги было не видно. И мы с детьми сидели вокруг костерка, пока Света чего-то там варила. Брат потом сказал, что мы сумасшедшие, если так отчаянно останавлива-емся на ночлег. На обратном пути мы поняли, как сейчас ночуют путешественники в России, - сделав привал в районе Воронежа, недалеко от ГАИ. Даль-нобойщики поставили свои здоровенные фуры со всех сторон, образовав своеобразную площадку и оставив только один проход. В этот проход заезжа-ли легковые и располагались на ночлег, а потом, когда стемнело, весь стан закрыли еще одним гру-зовиком.

Теперь передо мной почему-то проплывает Норвегия. Мы с

Сашкой меняем лампочку подфар-ника на стоянке для отдыха. Деревянные лавки, столики. Добротный деревянный туалет и в нем несколько видов жидкого мыла, чуть ли не шам-пуни всякие. А вокруг никого, только лесистые горы. Хочется сидеть на этой теплой лавке и смотреть по сторонам, ощущая беззаботную освобожденность путешественника в чужой стране. Никаких обязательств ни перед кем. Где ночевать будем? До вечера еще путь долгий, а там.... да приткнемся где-нибудь, подремлем в машинах. (Приткнулись глубокой ночью на стоянке клад-бища, у ограды, но выяснилось это поутру).

На другой день, переправившись у Хортена через фьорд на замызганном паромчике, через час въезжаем в Швецию. Без затей. Просто были при-дорожные столбики красно-белого цвета, а теперь они сине-желтые. И мы машем друг другу из своих машин. Есть! Две страны позади, две впереди, да еще Россия. А в Стокгольме ждем, пока придет время грузиться на паром, чтобы переправиться в Финляндию. Вот он, паром, рядом, - огромный, бе-лый, с синей эмблемой на скошенной трубе. Сидим на причале, болтаем ногами, жуем купленную еще в Англии копченую колбасу и смотрим через бухту на королевский замок, что ли, - одним словом, над средневековыми башнями здоровенный флаг с тре-мя коронами. По бухте плывут смешные старинно-го вида белые пароходики и предвечернее солныш-ко припекает.

Пока я мыслями пересекаю океаны и конти-ненты, вольно прыгаю через десятилетия, в реаль-ном измерении зеленый "форд" несет меня на се-вер.

Еще час и мы в Дулусе. С вершины холма открывается огромное озеро Верхнее и порт с океанскими кораблями - это крайняя точка, до ко-торой доходят суда из Атлантического океана. В детстве я очень любил путешествовать по карте мира, вычерчивая маршруты невероятных и захватывающих путешествий. Но на такой маршрут для корабля моей мальчишеской фан-тазии вряд ли хватило бы - из Атлантики в залив Св. Лаврентия, потом по реке Св. Лаврентия, через озеро Онтарио, озеро Эри, и озеро Гурон. Потом через озеро Верхнее из конца в конец, в самый дальний его юго-западный угол.

Не люблю ездить через Дулус; город по нашим масштабам небольшой, а фривеи, как в Калифорнии - эстакады над землей с многочис-ленными крутыми поворотами и разводками. В советском кино именно так любили показывать Запад - поток машин и мрачные, подпираемые бетонными столбами тоннели, из которых авто-мобильное стадо взлетает на очередную

эстакаду. Ищу знак 61 хайвея. По сути дела, все просто, не съехать бы только сдуру в сторону.

Все, фривей заканчивается. Медленно, оста-навливаясь на светофорах, качу по узким красивым улочкам со старинными особняками. Дулус позади, можно опять разгоняться. Узнаю место на берегу озера, куда мы добирались в своих странствиях прошлым летом. Вот здесь мы спускались к озеру. Искушающая своей невероятной прозрачностью вода. Я еще полез купаться, но она просто ледяная, даже в разгар лета, и я пробкой выскочил на берег. Дальше на севере я еще не бывал.

Все гуще и гуще леса, все меньше и меньше городков. У придорожного ресторана трехметровая фигура рекламного охотника или следопыта, или первопроходца - как хотите, так и называйте. Уг-рюмый, похожий на Емельяна Пугачева мужик с черной бородой, в меховой шапке, а в руках огромная пищаль.

Никогда еще не видел таких мощных бере-зовых лесов. Деревья вроде побольше, чем привыч-ные нам, и кора чуть потемнее, не такая белая. Но все равно, если убрать знаки, не поймешь, в Мин-несоте ты или из Москвы в Тулу едешь. Надо же, за такую экскурсию мне еще и деньги платят!

Дело в том, что я еду переводить в окруж-ной суд самого северного округа Миннесоты. Не-кий русский орел был заловлен за рулем в пьяном виде (ну, там, еще пустяки кое-какие - в машине наркотики почему-то оказались и незарегистриро-ванный карабин) и сегодня суд будет с ним раз-бираться.

Злодеяния наших в Америке вообще не от-личаются разнообразием. Конечно, все мы знаем, что русская мафия в Америке - ой-ёй-ёй и ва-аще жуть. И наркотики подводными лодками возят, и, конкрэтно, пол-Америки уже скупили. На практике леденящие душу преступления - это чаще всего вождение в пьяном виде, драка в пьяном виде, сопротивление аресту (естественно, в пьяном ви-де). В общем-то, почти все. Никак наши не могут смириться с тем, что в Америке живут по амери-канским правилам. Они поступают по велению широкой славянской души с прискорбными ре-зультатами. Вспоминается один юноша, который застал свою пассию в гостиничном номере с дру-гим. Юноша наш, а соперник - американец. Как вы думаете, что сделал наш? Правильно! вы угадали - прямым в челюсть отправил оппонента через весь номер, так что тот открыл спиной дверь в ванную комнату и упокоился на унитазе.

Это естественная реакция нормального двадцатилетнего русского парня. Вы думаете, что, отклеившись от унитаза, соперник бросился защи-щать свое поруганное достоинство. Ну уж нет. Он умный, он играл по правилам американским – смирно

просидел на толчке, пока наш не удалился, а потом позвонил в полицию. Не знаю, чем дело за-кончилось, поскольку я переводил только поли-цейское дознание в тюрьме, но парня нашего мне было искренне жаль.

Кроме того, наших подводит незнание воз-можностей современной технологии. Как-то раз меня отправили переводить ночью в полицейский участок маленького городка Роузмаунт. Сорокалет-няя дама, зовут Люда. До этого уже неоднократно попадалась за вождение в нетрезвом виде, за что и была лишена прав. Поймана в очередной раз – пья-ная, за рулем и без прав. Высокая нескладная тетка, явно алкоголичка. По словам сержанта, у нее шес-теро детей, причем очень хорошие дети. Интерес-но, как такие попадают в Америку?

Моему появлению Люда обрадовалась. По-лучив возможности донести миру свои раздумья, она первым делом накатывает бочку на сержанта, заявив, что во время задержания он полез к ней в трусы.

К таким заявлениям в Америке относятся очень (очень-очень!) серьезно, поэтому сержант тут же говорит, что не имеет права продолжать допрос, пока не приедет дознаватель из окружного управления. Дознавателя ждем часа полтора и все это время Люда клянчит у меня сигареты и плакси-во жалуется на горькую судьбину и козни полиции. Немножко избаловала, Людочка, тебя Америка. Окажись ты среди таких же бичевок на Курском вокзале, никто бы с тобой возиться не стал.

Приезжает лейтенант полиции, высокий элегантный сорокалетний мужик в штатском. Вдумчиво и участливо расспрашивает узницу. Оживившись, та поет соловьем, расписывая грубость полицейских и разнузданное поведение сержанта - сексуального маньяка. Лейтенант серь-езно слушает. Вся беседа пишется на магнитофон.

- Может быть, мы вас отправим в ближай-шую больницу, чтобы вас осмотрели? Может у вас на теле остались какие-то следы, синяки или цара-пины? - предлагает лейтенант.

Люда просит дать ей возможность поду-мать.

Беседа проходит в комнате без дверей. Лю-да сидит на стуле, зажав между колен скованные наручниками руки. Не удивляйтесь, наручники это обычная практика в Америке. Если вас арестовали, значит закуют в кандалы - чтобы дурных мыслей не возникало.

Стоим с лейтенантом в дальнем конце ко-ридора. Я курю, он пьет кофе, говорим о том, о сем. Из соседней комнаты выглядывает поли-цейский и молча энергично машет лейтенанту ру-кой. Иду вслед за ним. На экране монитора ком-ната, где

сидит Люда. Впрочем, сейчас она стоит. Задрав майку и опустив вниз спортивные штаны, наша пленница скребет себя по низу живота ног-тями.

Молодец! Чего там мелочиться! Уж если ос-мотр, так должны быть и следы. Вот она и создает царапины.

Эх, Люда, Люда! Тебе бы вверх посмотреть, горлица ты моя, сизоносая! А там камера подвеше-на под потолком. И не ведаешь ты, и не знаешь, что изверги внимательно и сострадательно смотрят, как ты творишь лжедоказательства!

Вот так люди организуют для себя крупные неприятности.

Впрочем, отвлекся я немножко. А речь шла о том, что еду я переводить в городок под названи-ем Гранд-Марей. Мне бы два-три таких задания в месяц и можно остальное время лежать на печке и на балалайке тренькать. Дело в том, что время в пу-ти оплачивается так же, как и время перевода. А в счете, который я выставлю переводческому агент-ству, будет указано, что время езды в одну сторону составляло шесть часов. Да шесть часов обратно, и того двенадцать. Фактически, конечно, поменьше, но я исхожу из времени, что дал мне компьютер, а компьютеру виднее и не нужно с ним спорить. На интернете есть сайты, на которых можно получить маршрут для любой поездки. Даешь им координа-ты места, откуда ты выезжаешь и адрес, куда тебе нужно добраться. И все, он тебе рисует весь марш-рут. Я активно пользуюсь ими, потому, что носит меня и по Twin Cities, и по всему штату, и где угод-но.

Одним словом, кроме двух часов перевода мне будет оплачено и двенадцать часов в пути. За что я и люблю дальние поездки.

Вот и Гранд-Марей. Нахожу здание суда. Смотрю на часы - около одиннадцати, а переводить мне в час. До канадской границы 41 миля, я только что видел знак. Значит, туда и обратно часа пол-тора, ну, пусть, два. Поехали, вперед Фафик, мой зеленый друг! Вперед, к Канаде!

Зачем, мне, собственно, к Канаде? Затем, что интересно. Просто хочется посмотреть, где же заканчиваются Соединенные Штаты на севере.

Покрытые лесом скалы и синий морской простор Верхнего. Проскакиваю два тоннеля, по-том прорубленный в скале проход. Вверх, вниз. Впереди открывается бухточка с торчащей из воды скалой.

Великолепный осенний день. Яркие краски. По черному граниту скалы стекают ручейки. Краем глаза вижу водопадик. По бетону мотает желтые и красные листья. Все больше хвойных деревьев - то ли пихты, то ли елки. У дороги два светло-корич-

невых оленя. Завидев мою машину, подхватывают-ся и бегут по обочине. Это ладно, оленями нас не удивишь, лишь бы лось не выскочил на дорогу. Впервые в Америке видел знак: "Осторожно, лоси". Конечно, это не фривей, но, все же, скорость у ме-ня под шестьдесят миль или, по-нашему, сто кило-метров в час. Если встретимся с лосем, впечатле-ния будут незабываемые, хватит для обоих.

Что-то мне все это напоминает. Ну да, да, не зря ведь вспоминал сегодня Норвегию. Такое же сочетание: скалы, великолепный северный лес, мо-ре, вьющаяся дорога, тоннели, бухточки и скалы из моря торчат. А до Дулуса была Финляндия - лес и озера.

Навстречу проскакивают огромные лесово-зы с бревнами. Редкие попутные машины не торо-пятся, и приходится тащиться за ними, потому что обгонять на этой извилистой дороге, в общем-то, не самая лучшая затея. Внимательно всматриваюсь в знаки. Не проскочить бы в Канаду ненароком. Грин-карты у меня с собой нет, так что обратно в Америку не пустят. Вот было бы смеху!

На следующей неделе нужно поехать сюда с детьми. У них в школе в понедельник почему-то уроков не будет, а Света пусть возьмет выходной. Такой красоты в Америке я еще не видел. Но это дело вкуса. Хоть я и южанин, но, наверное, русские по самой своей природе народ северный, поэтому яркая красота тихоокеанского побережья Калифор-нии или экзотические, гротескные в своей гранди-озности пейзажи Нью-Мексико - все это впечатля-ет, но, как бы сказать, не захватывает, что ли.... точнее, захватывает, но не до копчика. А сейчас мне хочется остановить машину и прочувствован-но сказать в пространство что-нибудь задушевное.

Совершенно ясно осознаю, что именно вот здесь я хочу жить, в этих лесах у озера Верхнего. Не просто на время поселиться, а обитать здесь до конца жизни - среди лесов, у ручья, недалеко от вот этой бухты.

Конечно, между мечтой и исполнением пролегает некоторая дистанция или, точнее, без-донная пропасть реальности, но, во всяком случае, я знаю, где именно осяду, если удастся вырваться из капкана цивилизации. Чтобы жить, нужно зара-батывать, а заработок дает нам мегаполис. Вот и пляшем кадриль в дружной кампании с двумя миллионами таких же, как мы.

Все, однако, бывает. В нашей жизни много уже чудес было, почему бы не случиться еще одно-му? Так я и помру неисправимым оптимистом.

Вижу знак: "До канадской границы 0.5 мили". Снижаю

скорость. Возникает крохотный го-родок, где кроме привычных звезд и полос амери-канских флагов вижу кленовый лист канадского.

Впереди, поперек шоссе невзрачное корич-невое строение с надписью на стене: "US Customs And Immigration Service" - "Таможенная и иммиг-рационная служба США". А дальше такая же доро-га, такой же лес, только здесь Соединенные Штаты Америки, а там Канада. С американской стороны в Канаду можно проезжать, не притормаживая. А вот с канадской стороны шоссе перегораживают пропускники.

У самого здания поворачиваю на попереч-ную дорожку и разворачиваюсь на юг. Ну, вот, сбылась еще одна мечта идиота - отныне я с пол-ным основанием могу утверждать, что проехал Соединенные Штаты от мексиканской до канад-ской границы.

Спасибо тебе, мой пока еще неведомый пья-ный друг, за то, что именно здесь тебя поймали! Теперь поехали отрабатывать свой хлеб.

Миннесота
Октябрь 2001 г.

Американские узилища

Профессия переводчика для меня как вол-шебная палочка, позволяющая удовлет-ворять собственное любопытство и бывать в местах, куда простого смертного не пускают. На прошлой неделе отработал с делегацией юристов из Молдавии (нет-нет, это я оговорился – из Молдовы) - адвокатов, прокуроров и следователей полиции. За три недели переводил: в четырех тюрьмах и следс-твенных изоляторах; во всех видах судов, включая Федеральный суд США; в криминалистических лабораториях, полицейских участках, морге при лаборатории судмедэксперти-зы, в ФБР, ну и так далее.

В последний день работы, когда мы собесе-довали с группой до отвращения прилизанных частных адвокатов, неожиданно появился бывший вице-президент США, Уолтер Мандейл. Что он де-лал в Миннеаполисе, почему оказался в этом офисе и чем его привлекли молдавские юристы, не знаю, но минут десять седовласый джентльмен вещал за свободу и демократию. Причем сел на дальнем краю стола, слышно его было плохо и переводить, естественно, тоже. Мерзкое ощущение - то слышу его, то куда-то проваливается (голос, естественно, а не вице-президент).

У меня большое преимущество перед сво-ими коллегами - я перевожу в американских судах несколько лет, поэтому знаю эту

систему, которая совсем не похожа на нашу. Знакомство же с наши-ми процедурами и терминологией позволяет с большой долей уверенности продираться сквозь дебри сложного юридического жаргона. У моей на-парницы такого опыта нет и она обижается, когда я растолковываю, что вердикт и приговор - это не си-нонимы, а advocate - не адвокат.

Я понимаю, что женщине трудно уловить разницу между курком и стволом или между ружьем и карабином. А безмятежная замена одних терминов другими во время перевода в лаборатории огнестрельного оружия приводит к легкому за-мешательству. Тогда на лицах молдаван отражает-ся тревожное недоумение, а я усилием воли подав-ляю желание вмешаться в перевод (дурацкая, кста-ти, привычка). Впрочем, поскольку мы давно рабо-таем вместе, напарница говорит, что по моему со-пению она безошибочно определяет, когда я недо-волен переводом. По большей части мы синхро-ним, сменяя друг друга каждые полчаса и коллега бдительно следит, чтобы я не тянулся к микрофону раньше времени.

В какие-то дни она занята другими делами и ее подменяет Саша (или, как его называют амери-канцы, Алекс). Улыбчивый молодой парень, пере-водит он шустро, но нет у Алекса ни знания юри-дических концепций и терминологии, ни стрем-ления переводить правильным литературным рус-ским языком. Впрочем, читатель уже понял, что я седовласым патриархом возвышаюсь над своими коллегами, а они (коллеги) испуганно-почтитель-ными взорами время от времени робко испрашива-ют разрешения прильнуть к источнику мудрости и знаний.

Одну из первых встреч провели агенты в штатском из отдела по борьбе с наркотиками. На вид типичные студенты - Крег и Джина. Крег вы-сокий и спортивный, Джина в очках и вообще на-поминает умного кролика. Рассказывали, как наб-людают за уличными торговцами наркотиками, как под видом покупателей вступают в контакт, как ра-ботают с агентурой и многое другое. В южной час-ти Миннеаполиса есть район, где наркоманы и проститутки торчат на каждом углу. Там и трудят-ся Крег и Джина. Они напарники, которых так лю-бят показывать в американских фильмах о поли-цейских. В момент кульминации они там обычно в позе рабочего и колхозницы, только вместо серпа и молота в руках по пистолету.

В ФБР с нами беседуют специальный агент Фред Дукакис и специальный агент Ван Минь. И тот, и другой соответствуют своим фамилиям: Ду-какис мрачноватый, синевато-выбритый и черно-глазый. Ван Минь вежливо улыбается. Тоже чер-ноглазый, но маленький и тщедушный. Сопровож-дая беседу слайдами,

агенты рассказывают, как их артель отлавливает паразитов и гадов всех мастей и видов.

Пока переводит напарница, с интересом рас-сматриваю комнату, где мы находимся; не каждый день удается побывать в ФБР, серьезная, все-таки, контора - это вам не райотдел милиции!

На противоположной от меня стене висит большой плакат. Фотография улыбающегося Эрика Хансена и сбоку текст. Основной текст слишком мелкий, и я его не могу разобрать, но подзаголовки видно четко:

"Эрик Хансен

Дезертир

Шпион

Предатель"

(Один из руководящих сотрудников ФБР Эрик Хансен шпионил на Россию много лет и был раскрыт несколько месяцев тому назад).

Займись в свое время такой же пропагандой в КГБ, пришлось бы ребятам вывешивать по сте-нам списки бежавших на Запад и шпионивших на американцев в Союзе изменников - для дополнительного текста места не хватило бы.

В центральной криминалистической лабо-ратории Миннеаполиса кроме всяких мудреных лабораторий находится морг.

Тема моргов в принципе не очень жизнеут-верждающая, но, все равно, любопытно сравнить этот мрачноватый уголок с нашим - в институте Склифосовского в Москве.

Американский, естественно, напичкан тех-никой и все приличненько, и упокойнички в весе-леньких мешках....

В морге Склифа я побывал в середине 70-х. В Алжире разбилась группа наших специалистов министерства, где я работал референтом Управле-ния внешних сношений. Ночью мы встречали в Шереметьево родственников, ну и гробы тоже. С гробами прилетели из Алжира огромные венки из живых цветов (в январе). Пока возились с погруз-кой, венки исчезли, хотя грузчики вроде бы кру-тились у нас на глазах.

Так вот, часа в три ночи с этим грузом при-катили мы в морг Склифа. Славное местечко. Сюда свозят жертв всех дорожных происшествий, а так-же зарезанных, удавленных и просто неопознан-ных.

Самое сильное впечатление оставил сторож. Молодой парень, облачен в длинный байковый больничный халат. Лицо неживого, совершенно белого цвета (именно меловое, а не бледное). В руках игрушечное детское двухствольное ружье. Мы возились, распихивая нарядные, оснащенные по бокам ручками алжирские

гробы, которым даль-ше предстояло отправиться по разным городам Союза. Сторож показал, куда разгружаться и от-правился вглубь подопечной территории. Щелкая ружьем, он медленно бродил коридорами, где по обеим сторонам темные боксы без дверей и в сла-бом свете коридорных лампочек видны окровав-ленные головы, голые тела с бирками на ноге.... Ве-селое место и веселый парень!

Ну, ладно, хватит мрачных тем.

Вообще-то я хотел рассказать об американ-ских тюрьмах. Больше всего соответствует нашему традиционному представлению исправительное за-ведение строгого режима в Стиллуотере. Шутки в сторону - мощная четырехметровая стена из крас-ного кирпича, придирчивая проверка документов, проверка на металлодетекторе, шаг вправо, шаг влево - хана джигиту!

В центре главного блока пункт управления, откуда двое надзирателей могут автоматически открыть и закрыть любую дверь. Естественно, все просматривается и можно осмотреть внутренность любого помещения.

Кафельные полы, коридоры разгорожены выкрашенными в голубой цвет мощными решет-ками. В конференц-зале нас приветствует уорден, начальник тюрьмы - в темном костюме, подтяну-тый, лет сорока пяти, с седоватыми аккуратными усиками. Рассказывает об истории своего учреж-дения и о контингенте.

Здесь содержатся в основном рецидивисты с большими сроками. Что значит с большими? От пяти до пожизненного. Проштрафившиеся и при-говоренные федеральным судом сидят рядышком, в тюрьме особого режима в Парк-Оук (туда нас не пустили).

Маленький нюанс. Если человека пригово-рил к пожизненному заключению суд штата, приговор звучит так: "от тридцати лет до пожиз-ненного". Каждые двенадцать лет дело пересмат-ривается и есть шанс выйти на свободу. С другими сроками система простая - если нет штрафных оч-ков, выпускают через две трети определенного приговором срока.

Если же приговор вынесен федеральным су-дом, то никаких реверансов и никаких "если". Де-сять лет значит десять лет, а пожизненно значит, пока ногами вперед не вынесут - и пересмотру эту дела не подлежат.

По словам уордена, многие заключенные были связаны с организованными бандами и сохра-няют традиции этих банд в тюрьме.

Действует продуманная система кнута и пряника. Можно

работать, а можно и не работать. Но если отказался, получи штрафные очки. Это оз-начает, что, во-первых, ты будешь сидеть от звонка до звонка, а, во-вторых, двадцать три часа в сутки придется отдыхать в одиночной камере.

Проходим в один из жилых блоков. Блок на-поминает....., не знаю, что он напоминает, тюрьму он напоминает, вот что. Высота помещения около десяти метров. С левой стороны в три этажа оди-ночные камеры (во всей тюрьме содержатся только в одиночках). Вдоль второго и третьего этажей идут довольно узкие дорожки с перилами. С пра-вой стороны по центру застекленная будка, из которой два надзирателя следят за своими шалу-нами-подопечными. По стене телефоны в ряд. Во-зятся несколько уборщиков. Кто-то сидит на высо-ком стуле, читает книгу.

Открывают одну из камер. В двери неболь-шое зарешеченное окошко. Размер камеры при-мерно два на два с половиной метра. Слева топчан с поролоновым матрасом (нарами уже не назовешь, а до кровати не дотягивает). Над топчаном фото-графии бородатого обитателя камеры, по виду ла-тиноамериканца. Все чистенько, простыни, подуш-ка. Справа что-то вроде тумбочки. На ней телеви-зор и полка. На полке книги и знакомые пузырьки с аспирином. Ближе к двери металлическая раковина с кранами горячей и холодной воды, и металличес-кий же унитаз.

Ну, камеры мы уже видели в следственном изоляторе и женской тюрьме, разницы нет. Ваня Прокопчук, прокурор из Бельц, спрашивает, что нужно, чтобы заключенный мог воспользоваться телефоном. Его явно не понимают и отвечают, что телефоном можно пользоваться с восьми утра до десяти вечера. Нас сопровождает замначальника тюрьмы по режиму, улыбчивый, полноватый, в больших очках. Добродушно отвечает на вопрос об осведомителях - да, конечно, стукачи есть. Можно не волноваться, все, как у людей. Кто-то спрашива-ет об увиденном в камере телевизоре. Это Надя спрашивает, роскошная блондинка, адвокат, тоже из Бельц. Спрашивает, во всех ли камерах телеви-зор и сколько времени можно его смотреть.

- Телевизор есть практически в каждой камере. Заключенный покупает его на свои деньги и смотреть можно сколько угодно. -

За пользование телевизионным кабелем взимают плату. Для этого все, что есть в тюремном ларьке, облагается двадцатипятипроцентным налогом.

- Какие сигареты продаются в тюремном ларьке? - любопытствует молодой майор полиции Саша.

- Согласно законам штата Миннесота, ку-рение в общественных зданиях запрещено, а испра-вительное учреждение - общественное здание. -

Не хило! Ко всем радостям тюрьмы еще и пытка запретом на курение. Следующий вопрос про свидания.

- Пожалуйста, но не больше двух часов в день - через стекло по телефону. -

- А как с длительными свиданиями, если заключенный женат? -

- Длительных свиданий нет. –

- Нет вообще? -

- Нет вообще. -

Идем дальше. Тюремная часовня, медблок с роскошным оборудованием, прачечная. Мы уже знаем, что личное белье заключенные сдают в стирку каждый день, верхнюю одежду раз в три дня, а постельное белье - раз в неделю.

В библиотеке худощавый парень в джинсах и с интеллигентной бородкой рассказывает о тю-ремной газете, которая здесь же выпускается. Уни-форму заключенные не носят и налысо их не стри-гут, и никак я не могу понять, зэк это или не зэк. Не выдержав спрашиваю:

- Are you an inmate? («Вы заключенный?») -

Оказалось, заключенный.

Чистенький кафетерий, чистенькая кухня. На полу штабелем коробки с апельсинами. Это мы уже видели. Кормят, по нашим понятиям, как на убой. Поэтому и узники все такие накачанные. Наркотиков нет, выпивки нет, баб нет, курить не дают - жри да мышцу качай.

Через зеленый двор проходим в промзону. Здесь делают офисную мебель. На входе надзира-тели и традиционный металлодетектор. Каждого пятого зека надзиратели обыскивают при входе и выходе. Проходим мимо нескольких групп заклю-ченных. Ловлю обращенные на женщин жадные откровенные взгляды. Это, конечно, не удивитель-но, просто для Америки такие взгляды непривыч-ны.

Неожиданно ощущаю опасность - впервые за шесть лет в Америке. Ощущение это прекрасно знакомо всем в России. Идешь темной улицей, а навстречу кампания подвыпивших приблатненных ребят. В благопристойной Америке это быстро за-бывается. А сейчас мои инстинкты сигналят вовсю. Не потому, конечно, что есть какая-то реальная опасность, нет. Просто от зэков исходит угроза. От их быстрых взглядов, движений, от манеры дер-жаться... Все узнаваемо.

Опять выходим во двор. Зеленая травка, ог-ромная спортплощадка. Пока переводит Алекс, размышляю о загадке другой тюрьмы. Позавчера мы были в женском исправительном учреждении в Шакопи. Срока - от года до пожизненного. Заведе-

ние более веселенькое, без могучих решеток. Мо-лодые ядреные надзирательницы в красивой, ладно пригнанной форме, цветочки, пальмы в центре за-ла... Ни забора, ни проволоки. Заключенные само-стоятельно ходят от жилого блока в центральный и рабочий. Вся эта идиллия размещается среди жи-лых кварталов. Одна из городских улиц проходит вдоль центрального блока.

Ну да, все просматривается камерами.... по-нятно, что заключенные передвигаются только в определенное время.... Это понятно. А вот почему они, все-таки, не бегут? Тюремного одеяния нет, ходят в обычной одежде. Пусть телефоны прослушиваются, но договориться-то все равно можно? Машине достаточно даже не остановиться, а прос-то притормозить на секунду на улице. Квартала че-рез три-четыре пересаживайся в другую машину и... ищи ветра в поле! Поймают, конечно, это ясно. В Америке все компьютеризировано и долго не побегаешь - вычислят. Но ведь бегут из тюрьмы не только, чтобы убежать; бегут, чтобы ощутить сво-боду - на два, на три дня, на неделю.

Вопрос о побегах задают, но ответ стран-ный. Им, мол, в основном, бежать некуда.

В Стиллуотере у заключенных таких вариантов нет. Одиночные камеры, решетки, выш-ки с вооруженной охраной, мощная кирпичная сте-на. А за стеной невероятной красоты яблони в майском цветении и живописнейший городок Стиллуотер. Здесь толкутся туристы, много кафе-шек и антикварных магазинов. Мы часто при-езжаем сюда с детьми, чтобы погулять по набереж-ной реки Сент-Крои, отделяющей Миннесоту от Висконсина.

Миннесота
Май 2002

О нелегалах

В этом вопросе, как, впрочем, и во многих других, ясности нет никакой. Одни считают, что нелегала сразу же хватают и высылают из Америки, другие думают, что, в общем-то, нет ничего страшного, если на какое-то время человек оказался без законного статуса на территории США, и что это дело поправимое. Ни те, ни другие не правы.

Нелегала никто не преследует, никто за ним не гоняется. Попадется, вышлют, а, в общем-то, го-сударство энергию на него не тратит. Но этот чело-век не имеет никаких прав и хилые перспективы на выход из своей незавидной ситуации. Это американский вариант советского бича, который ночует по

теплоцентралям.

Нелегал может отбыть из Америки только в одну сторону. Обратно его не пустят. Нелегала не возьмет на работу ни одна американская компания. Ему никто не продаст дом, потому что в числе до-кументов необходимо представить доказательство своего статуса постоянного жителя Америки - грин-карту.

Работу нелегал найдет, но самого низшего класса в самых непритязательных русских или, скажем, польских компаниях. Официально взять его на работу никто не рискнет. При оформлении нужно давать свой номер карточки социального страхования и показывать грин-карту. Ни один американский работодатель не будет закрывать глаза на отсутствие таких документов. Если выяс-нится, что у кого-то работают нелегалы, государс-тво даст владельцу бизнеса по темечку от души - шкуру снимет и по миру пустит.

Платят нелегалу меньше всех, потому что жаловаться все равно некому. Женщины устра-иваются убирать частные дома или ухаживать за стариками. Мужчинам остается стройка и та же уборка. По-моему, даже вступление в брак с аме-риканским гражданином проблему не снимает; во всяком случае, без хорошего адвоката лучше и не пытаться.

Иными словами, это существо абсолютно ничем и никем не защищаемое. Нелегалом я, к счастью, не был, но пребывал в очень похожем положении, пока не получил разрешения на работу. Прямо скажу, ощущение омерзительное. Случись что, и идти некуда.

Как наши оказываются нелегалами? Бывает, по замыслу, а чаще по недомыслию. Человек знает, что у него есть определенный срок, на который вы-дана виза, ну и плюс два возможных продления (если ему известно об этом). Если он решил остать-ся, то срок, в который нужно уложиться, определен сразу. Кажется, будто времени много. Потом, когда соискатель спохватывается и начинает судорожно метаться, оказывается, что поздно, и поезд ушел.

Степень легкомыслия потрясает. Я знал в Чикаго одну молодую пару. Обоим чуть за двад-цать, поженились в Америке. У него грин-карта, у нее турвиза. Жили влюбленные беззаботно и счаст-ливо, и, вдруг, когда виза у нее почти истекла, им сказали, что, оказывается, нужно делать что-то еще и что для американского правительства факта счастливой любви недостаточно, чтобы признать молодую супругу законной жительницей данной страны.

Спрашиваю девицу, что она думает делать по поводу своего статуса. Небесное создание взи-рает на меня пустыми глазами

изумительной кра-соты и, мило улыбаясь, лепечет нечто невразуми-тельное.

Но мне-то ее статус до фонаря! Ведь не мне же потом всю жизнь без нормальной работы и без выезда сидеть, а ей!

Молодые чуть-чуть для порядка потрепыха-лись - так, для проформы. Впрочем, можно было и не трепыхаться, потому что ее виза уже закан-чивалась.

Ни о чем не тревожась и успокоившись, юная дама плавно влилась в ряды нелегалов. Воз-можно, что последствия такого пустякового об-стоятельства супруги осознают, когда жена решит устраиваться на работу. Или полетят они отдох-нуть на недельку, скажем, в Мексику, а, по возвра-щении очень удивятся, когда жену обратно в Аме-рику не впустят. Точнее, впустят, но уже в сопро-вождении иммиграционной полиции. Ее отправят в уютный лагерь, так сказать, отстойник Департа-мента иммиграции, где отловленных нелегалов со-держат перед отправкой на далекую родину.

Я не высмеиваю эту пару, я удивляюсь. Лю-ди приехали в чужую страну, как в Рязанскую об-ласть. Им даже не приходит в голову, что здесь другие законы и нужно многое сделать, чтобы в эти законы вписаться. Ну, я понимаю, что нашу бе-залаберность пробить тяжело. Но какие-то ведь за-чатки разума у них есть! Впрочем, глупость - дело неизлечимое. Но, наверное, я и правда утратил снисходительность к национальным особенностям русского характера.

Естественно, что пробивание статуса требу-ет большой энергии, времени, денег и, прежде все-го, понимания, что выбора, в сущности, нет и вто-рой путь - тупиковый.

Вот несколько иной пример. Нормальный и вроде бы не такой глупый, как молодые влюблен-ные мужик делал H-визу (рабочую визу). С этой визой я сам не сталкивался, но знаю, что labor certification может занимать годы и иногда срок временного разрешения истекает раньше, чем уда-ется завершить эту процедуру.

Так вот, прошло несколько лет и сроки у этого индивидуума уже поджимали, когда он вдруг спохватился и осознал, что времени явно не хвата-ет.

Кто-то сказал ему про ту визу, по которой пробил себе путь в Америку я. Его друг (и мой начальник в то время) буквально требовал, чтобы я не только растолковал мужику, что и как нужно делать, но и прямо-таки взял его судьбу в свои руки и дотащил до светлого будущего. Тщетны были все мои ста-рания объяснить, что моя виза имеет очень специ-фические требования и не де-лается за один месяц, что она требует определен-ных документов,

что это тоже процесс – достаточ-но длительный, что я, в конце-концов, не адвокат. Моему начальнику казалось, будто есть волшебная палочка-выручалочка, и мне нужно только взять этого несчастного под свою опеку, чтобы все как-то быстренько устроилось. Сам индивидуум по-звонил мне пару раз и без особого интереса поинтересовался, что и как нужно делать для этой визы. Чувствовалось, что он уже сдался и ни к каким схваткам - ни на ковре, ни под ковром - не пригоден. Его друг, напротив, звонил и звонил, требуя оказать человеку помощь. Да как же можно помочь тому, кто сам уже потух и отказался от борьбы? И думать нужно было раньше, а не с че-моданом в руке.

Раньше существовал порядок, по которому через пять лет своего подпольного существования нелегал мог купить индульгенцию. Он осторожно приподнимал крышку канализационного люка и вылезал на белый свет. Отряхнув пыль с пузыря-щихся на коленях штанов, нелегал с достоинством представлялся дядюшке Сэму:

- Здравствуйте, вот и я! -

Дядюшка Сэм с отеческой строгостью смотрел на новоявленного из-под кустистых бровей и назидающе говорил:

- Ну, что же ты, братец! Нехорошо, право слово, нехорошо! -

Нелегал краснел, платил штраф по тысяче долларов за каждый год своего партизанского су-ществования, а взамен дядя Сэм давал ему грин-карту, принимая блудного в лоно приличных лю-дей. Сейчас эту лафу прикрыли, и нелегал обречен существовать в своей теплоцентрали до конца дней без права выхода на солнечный свет.

Миннесота
Август 2001

11 сентября

О том, что случилось в этом день, уже ска-зано и написано столько, что мои личные впечатления ничего не добавят. Это письмо передал моему другу электронной почтой его жи-вущий в Нью-Йорке знакомый, я же добавил толь-ко перевод английских фраз:

"Во-первых, общий принцип верен: в тех фирмах, которые находились на верхних этажах WTC погибли практически все сотрудники, кото-рые добросовестно пришли на работу пораньше, а те, кто опоздал - уцелели, поскольку наверх уже никого не пускали.

Во-вторых, ко мне это не имело отношения: я никогда не работал в WTC (хотя неоднократно там бывал), моя фирма не имела площади в WTC, моё здание никак не пострадало. Так что, даже если я и есть твой былинный русский разгильдяй, упорно приходящий в свою контору на улице Стены с похмелья, то к истории это отношения не имеет. Моя контора (если ты помнишь) находится на расстоянии примерно 1,5 км от WTC. В тот день я ехал по своему обычному графику, по ко-торому и прибыл на конечную станцию South Ferry где-то в 9:05. Ещё в поезде я заметил некоторое оживление: прошла по вагонам женщина-по-лицейский с дубинкой, а на конечной станции объявили: "Due to police activity trains will not stop on Cortland Street until further notice" ["По при-чинам, связанным с работой полиции, остановки на станции Кортленд-Стрит не будет до последу-ющего уведомления". Ю.С.] (Cortland Street - это станция, находящаяся непосредственно под WTC). Это в Нью-Йорке довольно обычно. Несколько не-обычно было то, что когда я поднимался, какая-то женщина бежала вниз, крича: "Get into the train, quickly, and let's get out of here".

["Быстро в поезд и убираемся отсюда!" Ю.С.] Но в Нью-Йорке и такие крики не редкость, так что я вышел на улицу. На улице было оживлённее, чем обычно, по толпе прокатился вздох "Another one", ["Еще один". Ю.С.] я поднял голову и увидел над крышами ближайших небоскрёбов дым – небоскрё-бы закрывали поле зрения, но было очевидно, что он идёт от WTC. Но и в этом я пока не усмотрел ничего такого, из-за чего стоило бы терять время: пожар и пожар, потушат - так что я вошёл в вес-тибюль своего здания. Там стояла толпа – оказа-лось, что всем дали приказ спуститься вниз на слу-чай дальнейших атак, и там-то я и услышал, что это - не простой пожар, а террористы захватили два самолёта и врезались в обе башни WTC. Даже тог-да я не понял, что произошло - ну, думал я, какие самолёты могли захватить террористы? Какие-нибудь одномоторные частные? Конечно, можно наделать вреда и с ними. То, что это - огромные авиалайнеры с десятками тонн горючего и сот-нями пассажиров на борту просто не могло прийти мне в голову. Поскольку было ясно, что эвакуация продлится какое-то время, а указаний никаких не давали, я решил пройтись по Бэттери Парку, чтобы посмотреть на горящие здания без закрывающих вид небоскрёбов.

WTC состоит из двух башен: одна немного северо-западнее другой (Северная и Южная, на Южной находилась смотровая площадка и нечто типа туристического лобби внизу, Северная была занята исключительно офисами). Первый самолёт врезался в Северную башню в 8:38, второй - в Юж-ную, в 9:05, как раз,

когда я выходил из метро. Первый удар пришёлся по 80-90-ым этажам, вто-рой - по 70-80-ым.

Когда я увидел башни напрямую, в Север-ной разгорался пожар, пламя начало охватывать почти всю ширину башни, а по высоте распрост-ранялось на 2-3 этажа. Поперёк Южной башни виднелся косой шрам, пересекавший всю ширину башни. Тогда я ещё не понимал, что это - дыра, проделанная крыльями самолёта. Самолёт "прот-кнул" башню фюзеляжем и крыльями и взорвался на вылете с другой стороны. Как у децентриро-ванной пули, входное отверстие было узкое - по размеру "снаряда". Тогда я не знал, что с другой стороны в здании зияет огромная дыра, по высоте - этажей 12, а по ширине почти во всё здание.

Этого я не видел, а про "шрам" подумал, что, видимо, самолёт, ударившись, лишь "оцара-пал" здание. Открытого пламени в Южной башне видно не было, но с этажей, в которые ударил са-молёт, валил густой дым, поднимавшийся вверх и

охватывающий все верхние этажи. Дым также валил из нескольких "очагов", как выше, так и ниже попадания.

Было отличное солнечное утро, парк был заполнен ранними туристами и служилым людом, высыпавшим из ближайших контор. Делать было по-прежнему нечего, и я пошёл вдоль Гудзона в сторону WTC, глядя на пожар. Пожар выглядел серьёзным, и я с тоской подумал о тех, кто нахо-дится выше уровня огня: прорваться через этажи, охваченные пожаром представлялось невозмож-ным. Отсидеться наверху тоже представлялось проблематичным: день был безветренный, и густые клубы дыма поднимались прямо наверх. То, что башни могут упасть, ничего не предвещало: пожар и разрушения были далеко наверху, казалось, что зданиям в целом ничего не угрожает.

Так я дошёл до того японского ресторана, где мы с тобой сидели, а оттуда свернул направо: там прямо от WTC на юг идёт широкий проспект в 6 или 8 рядов. По этому проспекту я подошел до-вольно близко к Южной башне. Возле неё выстраивались машины пожарных и полиции, я увидел всю башню, у её подножия дымились об-ломки самолёта. От этажей, охваченных пожаром, отлетали какие-то блёстки, похожие на птиц: это, как я понял, отлетали стеклянные и металлические панели.

Пожарные и полиция явно ничего не ожида-ли: какие-то чины в касках, но в белых рубашках и галстуках, чего-то обсуждали, полиция в основном следила за тем, чтобы никто не попал под колёса подъезжающих пожарных машин. Стояло несколь-ко битых машин: наверное, столкнулись от неожи-данности, когда это произошло.

Я перешёл "проспект" и решил переулками вернуться к своей конторе, попив по дороге кофе. Когда я свернул в боковую улицу и прошёл метров 100, то услышал нарастающий грохот. В первую долю секунды он ещё не испугал: что-то упало, подумаешь, но грохот нарастал и нарастал. Он не был похож на грохот горного обвала, звук был ре-гулярный, скорее он был похож на звук падающих друг на друга костяшек домино, усиленный на соответствующее число децибел. И тут я (да и другие прохожие на улице) понял: это он, пиздец. Звук приближался быстро, бежать было бессмысленно, но я, как и все, почувствовал, что с открытого мес-та надо убраться. Я бросился в ближайшую нишу какого-то подъезда, прижался к стене, закрыл за-тылок руками. Тут волна докатилась до нашего уровня, краем глаза я увидел, как по "проспекту", с которого я свернул, пронеслась лавина обломков, часть из них "дифракцией" залетела в нашу улицу, потом раздалось что-то вроде громкого "У-ух", это нас накрыло облаком пыли, и наступила полная темнота. Пыль стала набиваться в глаза и лёгкие, люди вокруг закашляли. Стеклянная дверь подъ-езда была заперта, мы стали колотить в неё, за ней было видно какое-то движение, но никто не откры-вал. Какой-то здоровый мужик рядом со мной стал колотить ногами в стеклянную дверь, я стал ему помогать, после нескольких десятков ударов "неразбиваемое" стекло треснуло, ещё пара ударов, и образовалась дыра, в которую все и пролезли внутрь.

Внутри было нормально, только снаружи проникало всё больше и больше пыли. Но жить было можно, пыльно, но не так, как на улице, где можно было может даже и задохнуться. Но снаружи было темно. Я спустился в подвал, где был "качок" с умывальником. С некоторыми случилась истерика, их успокаивали: "Calm down, calm down, you are safe here" [«Успокойтесь, успокойтесь, вы здесь в безопасности». Ю.С.]. Это не было очевид-но. Кто-то сказал, что одна из башен полностью развалилась. Верилось в это с трудом, но прихо-дилось верить.

Я посидел минут 30-40 и решил выглянуть на улицу. Уже просветлело, всё было покрыто пылью и мелкими обломками. Неба из-за пыли видно не было. Замотав лицо полотенцем, прихваченным в "качке", я пошёл по улице помня, что вторая башня ещё стоит. И не зря: пройдя 50 метров, я услышал знакомый нарастающий звук. В этот раз я быстро кинулся в ближайший подъезд. Он был открыт, там стояло два вахтёра в рес-пираторах. Опять наступила тьма, но на этот раз уже было не так страшно. Дождавшись очередного "рассвета", я вышел, поняв, что, скорее всего, всё кончено. Так и было: всё было покрыто слоем пы-ли 30-40 см как снегом и мелкими обломками. Я вышел

на "проспект" и пошёл прочь. Сзади под-нимался столб пыли и дыма. Видно было плохо, но угадывалось, что за пылью и дымом ничего не сто-ит. Навстречу мне выезжали первые машины по-жарных и полиции, которые до этого стояли в отдалении в переулках. Из-под колёс вылетали валы белой пыли, было похоже, что машины идут по глубокому снегу.

"Go all the way down that way" [«Так и идите». Ю.С.], - крикнул мне полицейский, указав направление от башен. Это было лишнее - я и так шёл как можно быстрее подальше от этого места. О том, что стало с пожарными и полицейскими, собравшимися вокруг башен до их падения, лучше было не думать. Как я потом узнал, часть пожар-ных уже поднялась на башни, чтобы приступить к тушению.

(Как сообщили вечером, пропало без вести около 300 пожарных и около 70-80 полицейских.) Я шёл квартал за кварталом, вышел к парому. На километры всё было покрыто белой пылью. От удивлённой, но тем не менее праздной толпы, не осталось и следа: начали выходить из укрытий испуганные люди, которые, как и я, думали о том, как поскорее выбраться отсюда.

Метро остановили почти сразу после взры-вов. Часть людей пошла пешком в Бруклин по Бруклинскому мосту. К парому подогнали авто-бусы, которые начали вывозить гражданских лиц из даун-тауна. Я сел на автобус и доехал до 34-й улицы. По дороге к Пенсильванскому вокзалу, по-лицейский сказал мне, что железная дорога тоже не ходит. Я пошёл дальше, к мосту Квинсборо (58 улица). Вместе со мной в ту же сторону валила тол-па оставшегося без транспорта служилого люда. На мою рваную и пыльную рубашку, белые от пыли ботинки, оглядывались. "You are from downtown, right?" [«Вы, ведь, из даунтауна, да?» Ю.С.] - спросил кто-то. Я кивнул, разговаривать с незнакомыми людьми не хотелось. Ближе к мосту народ уже устал от ходьбы, и вопросов больше не задавали. Мост я перешёл около 2 часов, пошёл пешком по Квинсу. Народ потихоньку рассеивался. Увидев станцию метро, я спустился. Здесь метро уже ходило. Я доехал до узловой станции Jamaica, сел на первый поезд, идущий хотя и не в мой го-род, но в моем направлении. Домой добрался на перекладных часам к 5-ти вечера. "Рабочий день" закончился.

Вот и вся история. Извини за длину, хотелось пе-редать всё, как было."

****

Послесловием этой трагедии явился не-виданный всплеск ковбойского (в России его назвали бы квасным) патриотизма.

Почему-то вся кампания разворачивается под лозунгом God Bless America - "Боже, благослови Америку!"

Повсюду на машинах и даже на мотоциклах видишь американские флажки, иногда по два, иногда это и не флажки вовсе, а прямо-таки стяги. Заворожённость американцев видом собственного звездно-полосатого знамени вообще феномен необъяснимый.

Представьте себе, что у ворот дома вы, ни с того, ни с сего, вывесили национальный флаг Рос-сии. Реакция соседей будет очевидной и логичной: "Ну, вот, допился Федя, а ведь еще вчера вроде и не заметно было". -

Здесь же эти флаги разве что в задницу себе не втыкают. Но ничего похожего на то, что нача-лось после 11 сентября, я за все эти годы не видел. Это была полномасштабная истерика. По телеви-зору сообщали, что после 11 сентября мир стал другим, сравнивали этот террористический акт с нападением на Пирл-Харбор и, вообще, Америка явно восприняла свою трагедию, как конец света. Во многих городах были случаи избиения арабов и сикхов. Хотя сикхи не арабы, но, во-первых, они носят чалму, а, во-вторых, откуда американцам знать разницу? Даже пырнули ножом австралийца, попытавшегося защитить от нападавших своего друга, индуса.

В целом американцы вели себя, как избало-ванный богатыми родителями мальчишка, которо-го укусила пчела. Он падает наземь, орет и бьет ногами, и старается ударить кого-нибудь из окру-жающих. Потому что искренне не понимает, как это кто-то мог укусить ЕГО - пуп Земли и центр вселенной.

Я попробовал намекать американцам, что, конечно же, произошла огромная трагедия для Америки, но это, все же, не самое страшное событие в человеческой истории.

Ведь когда в феврале сорок пятого года американские бомбы смели с лица земли Дрезден со ста тысячами гражданских жителей (погибших больше, чем в Хиросиме), американцы не бились в истерике. И когда Советский Союз уже потерял миллионы погибшими, американцы сохраняли здоровый аппетит, хотя, конечно, и у них были трудности - например, ограничение на продажу бензина. Но подобные экскурсы в историю американцы воспринимают болезненно. Им кажется диким и нелепым само допущение, что какие-то события в мире - будь то в прошлом или нас-тоящем - могут сравниться с тем, что происходит в Америке. И я заткнулся.

Миннесота
Сентябрь 2001

В поте лица своего

Давным-давно, в незапамятные времена, я эмпирическим путем выяснил, что пере-водческая деятельность прекрасно сочетается с работой сторожа. Не могу объяснить, в чем тут дело и в чем кроется секрет, но занятия эти каким-то мистическим образом дополняют и обогащают друг друга.

Как только наша жизнь в Америке ус-тоялась, я тут же вернулся к проверенной формуле сторож + переводчик = хорошо. Правда недавно одна знакомая обозвала меня вахтером, на что я очень обиделся. Вахтер, это нечто сродни швей-цару или половому в трактире (наверное, единс-твенный вид человеческой деятельности, к кото-рому я не пригоден напрочь). А сторож – свобод-ный, вольный дух, который парит ночами над опустевшими офисами. Здесь меня гордо именуют секьюрити оффисером. Вместо кирзовых сапог и трехлинейной винтовки Мосина образца 1891/30 года американцы снабдили меня всякими блес-тящими висюльками и регалиями. При ходьбе вся эта упряжь мелодически позвякивает, как бы пре-дупреждая, что стража грядет.

Всю неделю я мотаюсь по Миннесоте. Мой зеленый "Форд" можно видеть на юге и на севере, в Рочестере и Дулусе, не говоря уже о Твин-Ситиз. Я перевожу в больницах для полубезумных старух и доедаемых раком стариков. Перевожу в судах для наших хулиганов и лихачей, искренне недоумева-ющих, почему их арестовали.

Перевожу в полицейских участках для до-машних боксеров, алкашей и алкашек. Часто это одни и те же родные, чуть опухшие лица. Они, ес-тественно, пьют, а их, естественно, с заунывным постоянством ловят. Скованными наручниками ру-ками, гордым поворотом головы, пронзительным взором из-под запухших век они напоминают пер-сонажей скульптурной группы "Непокоренные".

Перевожу для социальных работников, которые терпеливо и любовно пытаются разоб-раться, какие еще можно дать пособия нашим ре-лигиозным беженцам. Вот, вчера, например, я два часа провел в Центре социальных служб, где пере-водил для семьи баптистов. Несчастные приехали в Америку два месяца тому назад со своими шестью детьми. Получают бесплатную медицинскую страховку, фуд-стампы, определенную сумму на-личными, не имеют никакого дохода и через две недели собираются покупать дом за двести тысяч долларов (кредитной истории у них нет, а поэтому двадцать процентов стоимости дома

изгнанники готовы заплатить наличными). А пока социальные работники с моей помощью пытаются найти спо-соб, чтобы возместить бедным людям часть расхо-дов на эксплуатацию машины.

Но наступает пятница и темп моей жизни замедляется. Где-то около пяти часов вечера при-езжаю в компьютерный центр, который я буду бди-тельно охранять до пяти утра. Первый час прихо-дится терпеть, пока не разбредутся по домам сот-рудники. Большую часть этого времени я скрыва-юсь в недрах тех наглухо закрытых помещений, ку-да нет доступа никому кроме секьюрити. Там я вдумчиво разглядываю показания всяких прибо-ров, проверяю надежность замков и сигнальной системы. В процессе обхода заглядываю в боль-шую комнату, чтобы убедиться, что хранящиеся там огромные телевизоры и видеомагнитофоны не украдены. Был уже печальный прецедент. Именно такой казус случился здесь незадолго до моего при-хода на эту работу. Пока мой коллега зорко следил за главным входом, злодеи вытащили (точнее, вы-катили) огромный телевизор через склад.

Здесь кроется какая-то неподвластная моему разуму загадка или уловка. Все двери на сигнали-зации кроме одной, а именно, кроме двери склада. А через дверь склада любой желающий может про-никнуть внутрь офиса и умыкнуть столько ком-пьютерных цацек, сколько требует его низкая во-ровская душонка. После чего негодяй спокойно погрузит добычу в машину и уедет, не привлекая лишнего внимания.

Уже одно это обстоятельство превращает всю систему охраны в веселую шутку и придает особую пикантность моей работе.

К семи часам народ, в основном, исчезает. Собственно, из одной половины здания и исчезать-то особенно некому, потому как их уже почти всех разогнали. Компания обанкротилась, и месяца два продолжался исход. Сотрудники кропотливо паковали содержимое своих закут. В большие картон-ные коробки укладывались милые сердцу пустяч-ки: фотографии детей, родных и близких, а также собак и кошек; магнитофоны и кофеварки, разно-образные дипломы и вымпелы, статуэтки и бейс-больные кепки, лекарства и радиоприемники, детские игрушки и многое-многое другое. Чтобы легче было грузить коробки, бывшие сотрудники вытаскивали их тем же путем, которым ушел укра-денный телевизор - через склад.

Сейчас на этой половине осталось всего шесть человек. О присутствии четырех из них го-ворят только сохранившиеся на кабинках именные таблички. Двух других я иногда вижу, и мы с удо-вольствием рассказываем друг другу последние го-родские

новости и комментируем погодные усло-вия.

На другой половине здания жизнь кипит. Ну, не так, чтобы совсем уж кипит, но какое-то ше-веление есть. Здесь трудятся работники другой конторы. Обычно два-три человека дежурят всю ночь. Они - группа технической поддержки. Кого они поддерживают и в чем это выражается, я не знаю да, честно говоря, и не интересуюсь.

В семь часов наступает самый радостный этап моей трудовой смены. Я включаю сигнали-зацию и развешиваю на дверях грозные таблички, извещающие мир об этом событии. Выключаю везде свет, и огромное офисное пространство погружается в умиротворяющий полумрак.

Трое сотрудников группы технической поддержки мне не мешают. Они далеко, в другом конце здания, куда я забредаю не так часто. Каждый из них отрабатывает свой хлеб по-своему. Молодой Эрик просто спит, положив под голову принесенную с собой подушку. Бородатый Тодд азартно играет в видеоигры и поглощает пиццу, которую время от времени заказывает по телефону. Серьезный Дэн просто замирает, как ящерица на стене дома в жаркий летний день. Когда бы я не проходил через эту половину здания - будь то днем или ночью - я вижу неподвижный силуэт Дэ-на на фоне монитора компьютера.

Вот теперь только и начинается, по сути, моя главная работа. Я усаживаюсь в кресло, кладу ноги на стол и открываю книгу. Если мне надоеда-ет сидеть здесь, я перебираюсь и читаю, сидя в од-ном из кресел в холле. До разгрома ведущей компа-нии в холле стояли пальмы (впрочем, может быть, это были фикусы), а за столом напротив входа в рабочие часы сидела секретарша или, на русско-американском жаргоне, ресепшенистка. Первой исчезла секретарша-ресепшенистка, потом один фикус, а теперь и второй. Сейчас обстановка в хол-ле спартанская - два кресла, журнальный столик, на котором уже нет никаких журналов, и какое-то скрюченное убогое растение в горшке, которое по-ленились выбросить.

Время от времени выхожу покурить или от-правляюсь налить себе очередную чашку кофе.

Примерно раз в час со вздохом сожаления откладываю в сторону книгу и обращаюсь к "жур-налу секьюрити-оффисера". Вношу очередную за-пись, например: "20.05 - проведено патрулирование внутренних помещений. Температура в зале РВХ 65, в компьютерном зале 67" (градусы, естествен-но, по шкале Фаренгейта).

Иногда, чтобы внести струю разнообразия в свои труды, пишу: "Проведено патрулирование внешней территории, парковок

и заднего двора. Все входы в здание закрыты".

Примерно раз в неделю из моей родной секьюритской компании приезжает с инспекцией непосредственный начальник - длинный рыжий Эндрю. Мы выкуриваем по паре сигарет у входа. Эндрю рассказывает мне неправдоподобные истории о своей службе в американской армии. Не остаюсь в долгу и рассказываю ему еще более не-правдоподобные истории из опыта своей службы в Советской Армии. После этого, довольные друг другом, мы сердечно прощаемся.

В одиннадцать вечера меняется "группа тех-нической поддержки" . Влача за собой по-душку и одеяло, отбывает зевающий Эрик; вытирая губы и стряхивая крошки с бороды, убегает Тодд; очнувшись от транса, начинает шутить перед ухо-дом Дэн. Теперь трое других будут спать, смотреть видики или играть в видеоигры.

Придвигаю к креслу вращающийся стул, кл-аду на него ноги и, поерзав, чтобы поудобнее устроиться, погружаюсь в негу и я. Раз в час, как по будильнику, наполовину просыпаюсь, открываю один глаз и вношу очередную запись в журнал: "1.08 - проведено патрулирование внутренних помещений. Температура в зале РВХ...."

В четыре утра, чтобы стряхнуть сон, умы-ваюсь, после чего - опять-таки, в целях борьбы со сном - быстрым шагом обхожу полутемные поме-щения и даже действительно смотрю, какая же тем-пература в закрытых залах.

Примерно без пятнадцати пять на старом драндулете приезжает моя сменщица, Карен. Она рассказывает последние сплетни родной компании. Мы быстренько анализируем ситуацию и выясня-ем, что все наши начальники идиоты, и, если бы к штурвалу допустить нас, вот тогда дела пошли бы гладко, контора процветала, а сотрудники благо-денствовали. После этого с чувством до конца исполненного долга еду домой.

Я вернусь после обеда и опять буду тру-диться до утра. Потом, в воскресенье, вернусь в четыре и буду вкалывать до полуночи.

К сожалению, в воскресенье ночью меня сменяет не Карен, а молодой тщедушный китаец в толстых очках. Его зовут Джо и вообще-то он не китаец, а монг, но какой нормальный человек слы-шал о каких-то, не к ночи будь помянуты, монгах? Пусть уж он лучше будет китайцем, так понятнее, да и спокойнее как-то.

В разные дни недели он сменяет то меня, то Карен, и всегда аккуратно опаздывает, за что мы его весьма не любим. Однажды китаец Джо при-ехал без пятнадцати двенадцать. Я не поверил сво-им глазам. И правильно сделал - проходили мину-ты, но из

машины никто не появлялся. Я терзался догадками. Может быть, он такой принципиаль-ный, что специально сидит и ждет, пока наступит полночь, чтобы сменить меня секунда в секунду? В пять минут первого я не выдержал, вышел на пар-ковку и, пыша гневом, направился к машине Джо. И напрасны были все эмоции - мой сменщик мирно спал в машине, открыв рот и поблескивая толсты-ми стеклами очков!

Я знаю, что пытливый читатель жаждет узнать, сколько же мне платят за вдохновенный труд на ниве охраны. Так вот, пытливому читателю я скажу: "Фигушки! В Америке такой вопрос счи-тается неприличным и нескромным". Но, чтобы совсем уж его не огорчать, добавлю, что платят неплохо.

Миннесота
2001 г.

Сентиментальное путешествие

В час дня 11 января 2002 года чиновник пас-портного контроля чикагского аэропорта О'Хара проверил наши грин-карты, задал пару вопросов и, возвращая документы, сказал: 'Welcome back home!' ("С возвращением домой. Добро пожаловать!"). Странно, почему не в своей, а в чужой стране нас приветствуют, как родных?....

Началось путешествие 24 декабря, в день перед Рождеством по западному стилю (в России его почему-то называют католическим Рождест-вом). Еще летом созрело ощущение, что пора, пора навестить Россию всей семьей - впервые за шесть лет. Быстро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Выбрались только под Новый год.

Ну, вот и все - наш "Боинг" снижается на посадку в России. Полет получился забавным. За-бавным, потому что Америка все еще не отошла от шока 11 сентября. В Чикаго, когда пассажиры на-шего рейса выстроились в очередь на посадку в са-молет, выясняется, что не меньше половины из них (а может быть и больше) составляют террористы. Вокруг толкутся арабы, индусы и малоприятные личности неведомых, но внушающих серьезные опасения национальностей - смуглые, с бегающими черными глазками и затаенной угрозой во взоре. Вот, например, здоровенный детина, заросший лох-матой черной бородой. Замотан в диковинное пок-рывало, а на голове круглая шапочка. Еврей не ев-рей, араб не араб, террорист, одно слово – доста-

точно на морду посмотреть. В самолете они совсем распоясались. Подозрительные люди шляются по проходам и занимают стратегически важные пози-ции у туалетов. Справа от нас их змеиное гнездо - аж целых шесть арабов. Двое непременно стоят в проходе (очень подозрительно). Весь полет подоз-реваемые оживленно болтают с сидящими сооб-щниками и мешают проходящим.

В отношении сервиса я ожидал от швей-царской авиакомпании большего. В апреле я летал в Россию "Аэрофлотом". В свое время сервис на наших воздушных лайнерах заслуженно принес им прозвище "летающий ГУЛАГ". Но времена изме-нились. И сервис нормальный, и нету тесноты, и ноги можно свободно вытянуть. Даже стюардессы улыбаются.

В нашем же самолете, мягко говоря, тесно-вато. Вскоре после взлета сидящий на переднем ря-ду черный джентльмен вольготно откидывает на-зад спинку сиденья, чуть не придавив мою жену. Зачем же так жестоковыйно? Она и без этого запу-гана до невозможности международными терро-ристами. Мне тоже невесело. С собой я взял Паус-товского, но выяснилось, что "Мещерскую сторо-ну" я читал столько раз, что перечитывать просто не могу, не в силах. А впереди девять часов полета! Единственное занятие - смотреть на встроенный в спинку переднего сиденья дисплей компьютера, по которому можно следить, как проходит наш полет. На карте жирной красной полосой прочерчен уже пройденный, нет, пролетенный, нет, тоже что-то не то - одним словом, участок маршрута, который мы уже пролетели. Интересное это дело, рассматри-вать карту, но не девять же часов подряд! Перек-лючаю каналы. Какой-то совершенно идиотский фильм, дурацкие музыкальные программы, еще чего-то. Тоска. У Светы есть книга, которую она еще не читала. Но жене не до книги: во-первых, ее прижал спинкой кресла черный господин, во-вторых, жена боится террористов и опасливо сле-дит за их перемещениями. Ну, что ж, тоже занятие, в конце-концов.

В монотонном свисте уныло тянется время. Вот и Гренландия позади, и Исландия. Красная по-лоса подползает все ближе и ближе к Ирландии. В салоне только тусклое ночное освещение. Пытаюсь уснуть, но не получается. Сижу в полудреме, прик-рыв глаза и слушая ровный шелест турбин. На нес-колько минут проваливаюсь в сон, потом открываю глаза. На экране компьютера высота и скорость по-лета. Сейчас на немецком языке, а вот уже и на английском. Опять карта с красной полосой, кото-рая никак не дотянется до Ирландии.

Ночь прошла - очень быстро, по сокращен-ной программе,

потому что мы летим навстречу времени. Под нами Европа. Ярко светит солнце. Полоса маршрута ползет вроде даже быстрее через Францию, а теперь прямо через Париж. Говорю Свете: "Еще одна мечта сбылась - пролетаем, как фанера над Парижем".

В Цюрихе, как и в Чикаго внимание служ-бы безопасности было обращено на Алиску. Всякая ее попытка пройти через контроль пресекается ве-рещанием тревожного сигнала. Что немудрено, учитывая количество навешанных на ней скобяных изделий. Кольца, цепи, шипы, перстни, шурупы какие-то. Нет, шурупов, кажется, не было. Зато были замшевые сапоги на гигантской платформе, которые Алиску заставили снять и в Чикаго, и в Цюрихе. Подростковая мода явно не вписывается в суровые правила безопасности.

В цюрихском аэропорту я, наконец, наку-рился до одури. В самолете курить запрещено. А еще толкуют о правах человека! Представляете - девять часов без курева! Курильщики меня поймут.

Чтобы отметить свое пребывание в Швей-царии хоть чем-нибудь кроме сизых клубов дыма, беру чашку кофе. Кофе хорош и цена впечатляет добротной солидностью - два доллара пятьдесят центов.

До Москвы лететь спокойней - самолет швейцарский, но вместо террористов со всех сто-рон безошибочно русские носы картошкой и род-ная речь. Даже поддатые среди пассажиров есть.

Все - идем на посадку. Компьютер попе-ременно на немецком и английском языках вы-свечивает информацию о высоте и скорости, а также всякие-всякости: температуру за бортом, температуру в аэропорту прибытия, местное вре-мя.... Высота и скорость уменьшаются. Уже вы-ползли из-под крыльев и загнулись вниз уродливые закрылки, уже сдвоенно стукнули выпускаемые ко-леса шасси, а земли все не видно. Всматриваюсь в серую пелену за иллюминатором и думаю о том, как воспримут Россию наши дети. Мы их вывезли в Америку без малого шесть лет тому назад. У Алиски какие-то воспоминания сохранились, а у Яшки... не уверен. Я несколько раз расспрашивал сына о России, но трудно понять, что из его отве-тов основано на собственной памяти, а что на на-ших рассказах. Да, интересно....

Земля появилась в разрывах облаков вне-запно и близко. Вглядываясь в проплывающие под нами заснеженные лесочки Подмосковья, Яшка вдруг спрашивает: "Это что, фармы?" Заинтригованный, слежу за его взглядом и вижу внизу строящийся поселок из красных кирпичных домов.

- Нет сынок, это не фермы, это просто посе-лок. -

- А что такое поселок? -

Задумываюсь: - Ну, это маленький город. -

- Так это что, уже Москва? -

- Да что ты, сынок, Москва огромная. Нет, это рядом, но не Москва. -

Подрагивая крыльями, "Боинг" несется над полосой аэродрома Домодедово. В полном соот-ветствии со всеми мыслимыми и немыслимыми стереотипами справа за забором замелькали белые березки.

Выстроившись у выхода из самолета, улы-бающиеся швейцарские стюардессы желают нам всего доброго на трех языках.

По тесной, освещенной электрическим све-том "кишке" проходим от самолета в зал аэропорта, где нас встречают первые официальные предста-вители Родины - сумрачные пограничники в пят-нистых камуфляжных куртках. Наследники стар-шины Курацупы смотрят неодобрительно и вроде как, даже, обиженно.

Спрашиваю у таможенника, нужно ли дек-ларировать деньги, с которыми мы прилетели.

- Сколько вас? -

- Четверо -

- А денег? -

- Тысяча пятьсот долларов. -

- Такую сумму можно не декларировать. -

Естественно, что при получении багажа выясняется, что тележек нет. На наивный вопрос Светы, куда они подевались, таможенница отве-чает спокойно, но твердо: "Меньше чемоданов везти надо". - Добро пожаловать!

Это хорошо, это сразу помогает переклю-читься с западного настроя на российский. Здесь кроется некий любопытный феномен. Потолкав-шись в аэропорту каких-то полчаса, я вновь обрел русское восприятие действительности. Будто ни-куда и не улетал. Как само собой разумеющееся воспринимаю, что все вокруг говорят по-русски. Без эмоций смотрю на окутанные вонючими клу-бами синего дыма обшарпанные "Жигули". Курю и рассеяно смотрю через стекло на установленный перед аэропортом мемориальный Ту-114. Лет двад-цать тому назад я ожидал здесь, в Домодедово, ма-му. Стояла жара и я коротал время в тени под крыльями этого огромного ТУ, а вокруг все было забито стоящими, сидящими и спешащими людьми с сумками и чемоданами. Сейчас вместо людей все забито машинами.

Ничему не удивляясь, запихиваю наши мно-гочисленные чемоданы в высокий милицейский "уазик". Не надеясь на свою старенькую, уже в почтенном возрасте пригнанную из Англии семь лет тому назад "Вольво", Светин брат, Сашка, по-просил

поехать в аэропорт своего приятеля – ми-лицейского сержанта из Заокска. Сейчас, выехав из аэропорта, они оживленно обсуждают, где нужный нам поворот дороги - этот или следующий.

В сгущающейся темноте по разбитой дороге попадаем, наконец, на трассу Москва-Тула. Больше шестидесяти километров в час "уазик" не едет, что дает мне возможность спокойно разглядывать ког-да-то хорошо знакомую дорогу. Знакомы все наз-вания, пересечения дорог и даже посты ГАИ. Впро-чем, оказывается, они теперь не ГАИ, а что-то дру-гое. Хотя гаишники те же самые - ну, может одеты получше, чем в былые времена. Вместо дурацких неуклюжих валенок щеголеватые утепленные бо-тинки, а вместо полушубков куртки.

Вот поворот на Заокский. Еще полчаса и знакомый железнодорожный переезд, а за ним во-донапорная башня с нетленной надписью "Слава труду". Теперь можно сказать, что мы приехали.

Из-за разницы во времени просыпаюсь в четыре утра. Какое-то время лежу, вспоминая вче-рашний праздник. Все-таки хорошо, когда тебе ис-кренне рады!

Наконец вылезаю из-под толстого одеяла. В квартире холодно. Просто холодрыга, градусов пятнадцать, не больше.

Подзабыл я самые пикантные нюансы рос-сийской жизни. Вода течет тоненькой струйкой не-хорошего цвета и совсем уж похабного запаха.

В ванной все заставлено какими-то баками и ведрами. Пытаясь рассмотреть свой лик в тусклом освещении, неудачно поворачиваюсь и одно из ве-дер с грохотом летит на пол. Теперь прежде, чем взмахнуть бритвой, осторожно осматриваюсь и во-обще стараюсь не делать резких движений.

С кружкой кофе устраиваюсь читать на кухне. Лампочка тусклая и приходится напрягать зрение. Время от времени, чтобы дать глазам от-дохнуть, подхожу к окну. Там снежная мгла. Одна кружка кофе, вторая, третья. Посматриваю на часы. Шесть часов - темнота. Семь часов - темнота. Во-семь часов - темнота. Темнота снаружи, тусклый свет внутри. Когда-нибудь эта арктическая ночь кончится?

Наконец медленно рассветает. Наконец про-сыпаются как ни в чем ни бывало Света и дети. По-хоже, что разница во времени им никаких не-удобств не доставляет. Я же чувствую себя совер-шенно разбитым. По своему опыту знаю, что это похмелье без пьянки, наказание без преступления продлится несколько дней. Поэтому полет в Крас-нодар я запланировал не сразу, а через день, чтобы хоть чуть-чуть оклематься. Зато когда мы приле-тим в Америку, мне будет хорошо. Смену времени с востока на запад я

переношу безболезненно.

Выходим прогуляться. Люди не изменились - большинство встречных мужчин со следами при-вычного похмелья на лице, большинство женщин в меховых шубах и высоких боярских шапках. Об-шарпанные двухэтажные дома. Ленин у райиспол-кома. Напротив, прямо на площади громоздится гигантская гора снега, с ее вершины мальчишки бросают в монумент снежками, стараясь попасть Ильичу в нос.

Ощущение, будто в Заокском время оста-новилось. Зато у Яшки впечатлений хватает.

"Смотри, сколько собак!" - взволнованно кричит он.

"Не вздумай их трогать, укусят", - вопим мы хором в ответ. Привык сын к цивилизованным аме-риканским собакам. Ему и в голову не приходит, что нормальная русская дворняга в ответ на про-явление дружеских чувств может запросто тяпнуть за руку.

- Смотри, птицы вокруг прыгают! - это опять Яшка.

Как-то никогда не обращал внимания, что в Америке нет привычных нам воробьев. Вообще-то, они есть, но не в таких количествах.

На рынке Света с азартом погружается в любимое женское занятие - изучение и сравнение цен. Вывод парадоксальный: цены почти такие же, как в Америке. Еще вчера, когда мы ехали из аэро-порта, я проделал те же вычисления с ценами на бензин на придорожных заправках и получил тот же результат. Что-то здесь не вяжется. Как можно зарабатывать в месяц, ну, скажем, 3000 рублей (эк-вивалент 100 долларов), при этом ходить в шубе из натурального меха и покупать продукты по амери-канским ценам? Непосильна тайна эта для моего разума.

В целом атмосфера тягучей унылой без-надеги. В Заокском работы нет, поэтому работают кто где. А может и вообще не работают, кто их зна-ет? Самое дешевое, что есть в продаже - это водка. В изобилии и всех видов и сортов. Продавщицы в магазинах смотрят неприветливо. А чего им, собс-твенно, мне улыбаться? Я бы тоже стал хмурым и задумчивым, если бы знал, что заточен сюда на всю жизнь, что и завтра, и послезавтра, и через пять лет буду жить в железобетонной коробке с треснувшим потолком и мокрыми стенами с под-теками на обоях.

Дома, как беспризорные кошки - грязные и неухоженные. В темных подъездах застарелая вонь. Все завалено снегом. Холодно на улице, хо-лодно в квартирах. Завтра лечу на юг - греться.

Краснодар встречает невероятными суг-робами. В аэропорту таксисты заламывают совер-шенно несуразные цены. Не то, чтобы я не мог позволить себе заплатить эквивалент восьми дол-ларов,

но в апреле поездка стоила в четыре раза меньше. Вот же гадюки габонские! Чувство спра-ведливости бушует во мне, заглушая голос разума. Поэтому из принципа трясусь на маршрутном такси, хотя в результате потом тащусь со своими сумками чуть ли ни километр по талой воде и снежной каше. По пути с удивлением рассмат-риваю необычное для Краснодара зрелище - метровые сугробы вдоль дороги. На проезжей час-ти сплошное месиво

На этот раз останавливаюсь у брата. Маму мы перевезли к нему еще в апреле. Какое-то время ее квартиру брат сдавал неудачливому бизнесмену, но потом, в конце-концов, изгнал негоцианта за не-уплату.

Мама плоха. Встает редко и ненадолго. Когда ей получше, сижу у нее в комнате и мы раз-говариваем, вспоминаем одно и другое.

У брата мне не то, чтобы тесно, но... не знаю, как сказать. Не могу уберечь от вторжения свое приватное пространство. Я имею в виду то незанятое пространство вокруг себя, которое не-обходимо человеку, чтобы чувствовать себя комфортно.

Допустим, наливаю кружку кофе и устраи-ваюсь на полу - так удобнее смотреть телевизор. Меня тут же спросят:

- Юра, а почему на полу? Садись за стол. - Объясняю, что мне так удобнее. Кажется, все - исчерпан вопрос. Не тут-то было, начинается дискуссия. Понимаю, что это делается без задней мысли. Ну, действительно, почему я не одеваю та-почки? Почему не ем курицу на завтрак? Почему сижу на полу? Почему желаю ехать в центр, когда идет снег?

Наконец не выдерживаю, беру ключ от ма-миной квартиры, сую в сумку биографию "Битлз", в темном вонючем лифте спускаюсь с седьмого этажа и выхожу на волю. На улице снег, талая вода и предновогоднее настроение в воздухе. Не дождавшись маршрутки, ловлю частника. Он испепеляет меня взглядом василиска и запра-шивает дикую цену. Ладно, не пешком же мне идти? Похоже, что транспорт просто парализован вчерашним снегопадом.

В маминой квартире пусто и странно. В свое время мама обменяла наши две комнаты в комму-налке на улице Пушкина на отдельную двухком-натную квартиру. Я тогда служил в армии и воз-вращаться в Краснодар после службы не собирал-ся. Потом приезжал сюда в отпуск из Москвы, жил здесь какое-то время во время своих скитаний и метаний, но, все равно, домом эту квартиру никог-да не считал. И двор за окном всегда был для меня чужим и неприятным.

Сейчас вместо привычной за много лет об-становки жалко и

беспорядочно стоят кресло-диван, сервант, журнальный столик. Пыльный те-лефон на пыльном полу. Во второй комнате остались платяной шкаф и сиротливое, никому уже не нужное зеркало-трельяж. На стенах идиотские рек-ламные плакаты, которыми поднимал себе настроение негоциант-неудачник.

За окном опять пошел снег. Основательно обшарив пустую квартиру, нахожу железную крышку. Она будет мне пепельницей. Сворачи-ваюсь клубком на кресле-диване, не раскладывая его. Подушкой служит моя сумка, а сверху для уюта накрываюсь курткой. Читаю биографию "Битлз", курю, наслаждаюсь тишиной и, наконец, погружаюсь в желанное комфортное ощущение покоя. Время от времени поднимаюсь и смотрю в ок-но, где густыми хлопьями тихо падает снег.

Странно - сейчас, в сиротском и ободранном виде, квартира меня греет. Уходить не хочется. Хо-чется читать, вспоминать, думать, рассматривать дурацкие плакаты, радоваться тишине.

Пытаюсь разобраться в одном вопросе, ко-торый не дает мне покоя. В Америке все эти годы я считал, что там я просто обитаю, так сказать, физи-чески присутствую, а настоящее бытие мое здесь, в России. Теперь ловлю себя на том, что мыслями возвращаюсь к Америке: как там наш дом, не раз-рядится ли от морозов аккумулятор у ожидающей нас в Рокфорде машины, в порядке ли машина же-ны, оставленная в гараже? Прокручиваю в голове, все ли платежи я зарядил в компьютер перед отъ-ездом, как там моя клиентура, как будут дети наго-нять пропущенное за эти дни в школе. Просто вспоминаю Твин-Ситиз, Миннесоту, озера, перебе-гающих от дерева к дереву белок, важно разгуливающих по городским газонам диких гусей..... И вспоминаю не как чужое.... Так что же получается? Где же, все-таки, для меня "у нас", а где "у них"? Если, как я считал все эти годы, я просто русский, который живет в Америке, значит "у нас" - это в России. Но нет, не совсем, иначе с чего бы скучать по Америке? Ведь заранее знаю, что буквально че-рез две недели после возвращения в Америку нач-ну тосковать по России. Какое-то время размышляю об этой путанице, потом, вздохнув, утыкаюсь в книгу. Опять откладываю книгу, смотрю на пла-катную красавицу, насвистываю, о чем-то думаю и опять читаю, курю, слушаю тишину и поглядываю в окно.

После обеда с неохотой собираюсь и выхо-жу. Пора возвращаться. Нельзя, когда человеку хо-рошо слишком долго.

Не пойму, то ли в апреле я очень уж был ох-вачен эйфорией возвращения, то ли весной все лучше функционирует, но тогда передвигаться по городу и делать все дела было куда легче. Сейчас же спотыкаюсь на каждом шагу. Все время пута-юсь, где

нужно улыбаться, а где от меня ожидают хмурого взгляда и сурово выдвинутой вперед че-люсти. Как все это сложно!

Выбираясь с книжной ярмарки, легкомыс-ленно решаю, что трамваем будет удобнее всего. Трамваи идут переполненные. Топчусь у мокрого столба под табличкой с номерами маршрутов. Сум-ка с книгами оттягивает плечо, но ставить на зем-лю не хочется - очень уж там заплевано. Сверху срывается не дождь и не снег, а что-то мелкое и противное, покрывающее стекла очков гнусной, похожей на слизь пленкой.

С полчаса стою на остановке, наивно рас-считывая, что вот сейчас после этих, грязных и шумных, придет мой, праздничный трамвай - пустой, чистенький, гостеприимный и яркий. На-конец, осознав тщетность и неразумность своих ожиданий, решаю тряхнуть стариной. Быстро и умело втискиваюсь на площадку, одновременно нащупывая рукой металлический поручень над головой. Как говорится, не стареют душой ве-тераны. Раз обретенные, навыки проезда в общес-твенном транспорте сохраняются на всю жизнь.

В трамвае делаю любопытное наблюдение. В толпе стиснутых со всех сторон пассажиров на разные голоса заливаются звонки сотовых телефо-нов. Сами телефоны имеют вид шикарный - лучше тех, которыми мы пользуемся в Америке. Нужно спросить племянника, Саньку, сколько стоит такой телефон и сколько стоят звонки. Интересные, инте-ресные получаются пироги!

Никак не могу связать фрагменты в единую картину - битком-набитые, дребезжащие драные трамваи, модно одетые люди, мобильники…. Сквозь заляпанное трамвайное окно смотрю на остановку через дорогу. Мимо нее, не притор-маживая перед огромной лужей, проносятся "Жи-гули". Волна грязной талой воды накрывает стоящих. Люди деловито и без особых эмоций от-ряхиваются, будто так и нужно, будто "Жугули" эти есть проявление стихийной, не подвластной че-ловеку силы.

Оборзел я в Америке. Все мне не так. Трам-ваи не ходят - плохо; частники не останавливаются - плохо; медленно машины едут - плохо; быстро едут - тоже плохо. Выпадаю я из устройства этой жизни, не пойму его. Раньше понимал, а теперь нет. Точнее, так: раньше я со всем этим внутренне соглашался, а сейчас протестую (про себя, ес-тественно). Внутренне, не внутренне, но в чем-то я себя не так веду, и это неуловимое нечто вызывает моментальную настороженность у продавщиц и чиновников. В апреле я все больше выгуливался, задумчиво обозревая памятные места, может по-этому было все так расчудесно.

Возвращение из Краснодара в Заокский еще больше усугубило общее подавленное настроение. Началось с того, что

утром не пришло заказанное накануне по телефону такси. Хотя теоретически день уже не праздничный, а рабочий, транспорт так и не ходит - ни троллейбусы, ни маршрутки. Время около половины седьмого утра. Даже частников не видно на пустых темных улицах. Мы с братом уже всерьез вознамерились идти до аэропорта пешком - что-то около шести километров - когда появляется желающий заработать частник на драных "Жигу-лях". Наскоро распрощавшись с братом, ныряю в воняющую бензином машину, посматривая на часы. В аэропорту выясняется, что можно было не торопиться - не отправлены рейсы даже за вче-рашний день, за 1 января. В холодном аэровокзале безмятежно убивают время около ста пьяных му-жиков. Это очередная вахта нефтяников на пути в Нижневартовск. Буровиков задержка не беспокоит - деньги идут, а выпивать в Краснодарском аэро-порту им больше нравится, чем в Сибири. Далеко ходить не нужно, прямо перед зданием аэропорта ряды киосков со всеми видами и горячительного и прохладительного.

Кроме пьяненьких нефтяников по аэровок-залу мечутся обезумевшие артисты. Они летят на гастроли в Америку. Точнее, не летят, сидят со вче-рашнего дня, а сегодня у них уже отлет из Москвы в Америку, - во всяком случае, должен был быть. Вчера все рейсы зависли из-за снегопада. Ну, а се-годня не летают просто так, по инерции. Как-ни-как, Новый год был позавчера, какие тут еще полеты? Дежурный по аэровокзалу лениво и спокойно врет напирающим. Врет, потому что сказать нечего. Те, кому он врет, тоже прекрасно это понимают, но нужно же им совершать какие-то действия? Осо-бенно горячится полный мужчина в толстом вязаном белом свитере. Громким голосом требует начальника аэропорта. Среди ожидающих с неве-роятной быстротой распространяется весть, что начальник в Объединенных Эмиратах. Отдыхает. Мне, собственно, безразлично, просто стоять на-доело, а сидеть холодно, да и пластиковые стулья заняты отдыхающими пьяными нефтяниками. И вообще, все это чем-то неуловимо напоминает от-деление милиции.

Вскоре с удивлением обнаруживаю, что закрытый грязными фанерными щитами второй этаж представляет собой оазис тепла и цивили-зации. Я думал, что там идет ремонт, а оказывается это зона "улучшенного сервиса". Но чтобы попасть в этот оазис нужно заплатить двести рублей. Еще одна тайна. Во всем мире, если я приобретаю билет на самолет, то автоматически покупаю право на пользование сервисом всего аэропорта. Здесь же мне предоставляют возможность наслаждаться ожиданием, переминаясь с ноги на ногу на за-плеванном и нетопленом

первом этаже, а за право обогреться нужно заплатить отдельно. Впрочем, все это чисто теоретические рассуждения, потому что мест там нет. На втором этаже со вчерашнего дня сидят в унылом ожидании две прошедшие ре-гистрацию туристические группы, которые тоже должны были вчера улететь в Москву, а сегодня в Америку. Туристы пролетели еще круче, чем ар-тисты, поскольку теряют свои личные деньги, но чувства выражают менее решительно - во всяком случае они почти не принимают участия в бурных дискуссиях с дежурным по аэровокзалу.

Наконец, в два тридцать пополудни первым поднимается в серое небо самолет, в который за-пихнули пассажиров двух рейсов - и несчастных туристов и несчастных артистов (которым, по-моему, уже и в Москву-то лететь незачем). Через полчаса и мы выруливаем на взлетную полосу между рядами заваленных снегом самолетов, вокруг которых неспешно бродят черные фигуры с лопатами.

Во Внуково меня никто не встречает (ока-зывается, Света с Сашкой протоптались там пол-дня и за все это время никакой внятной инфор-мации о рейсах из Краснодара не было - даже когда самолеты уже вылетели. И они уехали буквально за сорок минут до моего прилета).

Битва со временем продолжается на Кур-ском вокзале. Два раза объявляют прибытие электрички на Тулу и два раза через несколько минут сообщают о задержке по техническим при-чинам. Странно - ведь она идет из депо на Калан-чевке, а оттуда до Курского пять минут. И вот, с опозданием на час электропоезд вползает под навес вокзала - белый от инея, как вмерзшее в лед брев-но. Я к этому времени тоже промерз до костей на двадцатиградусном морозе в своей кожаной кур-тке. Очевидно кто-то из пассажиров взывает к ма-шинисту во внутренней связи, потому что вскоре после отправления из динамика доносится несколь-ко сварливое: - Включено, включено отопление, скоро нагреются вагоны. - "Скоро" - понятие относительное. Минут через двадцать начинаю откровенно и неудержимо стучать зубами. Все, ре-бята, шутки в сторону! Что я вам, генерал Карбы-шев, что ли? Вытаскиваю из сумки еще один сви-тер и натягиваю поверх того, что уже на мне. Пас-сажиров для позднего времени довольно много. В передней части вагона кто-то начинает петь наро-чито дурным пьяным голосом:

- А я остаюся с тобою,
Родн-а-а-я навеки земля.
Не нужен мне берег турецки-и-й
И Африка мне не нужна-а-а. -

С вокалом у исполнителя не ладится, но этот пробел

восполняется душевностью испол-нения и настойчивостью. Путаясь, он забывает слова, потом вспоминает, возвращается назад, по-бедно допевает про берег турецкий и тут же, еще громче, заводит следующий шлягер - про ребят семидесятой широты. Электричка тем временем, громыхая, подходит к Подольску. Покачиваясь пьяненький мужик выходит в тамбур. Потом откатывает дверь и заглядывает в вагон.

Монгольское лицо - то ли киргиз, то ли калмык. Хмельной, доброжелательный взгляд. Широкая улыбка. На весь вагон провозглашает:

- Люди, будьте счастливы! С Новым годом вас! Люди, все будет хорошо! -

Гривна, Столбовая, Чехов - с каждой оста-новкой народу в вагоне все меньше и меньше. За окном мороз и темнота. Сумрачно и холодно в вагоне. На соседней скамейке, нахохлившись и втя-нув руки в рукава куртки, спит солдатик. Я знаю, что парнишка добирается до Орла - он спрашивал меня, можно ли туда доехать на электричках. Даль-ше группа приблатненных дебилов при тусклом освещении играет в карты. Ближе к выходу две пьяные тетки и орущий ребенок, на которого одна из них время от времени визгливо орет. Холодно. Снизу вроде что-то греет, но все равно холодно.

В первом часу ночи выхожу в Заокском. Мороз лютый, градусов тридцать с ветерком.

Уже дома, угревшись, шепчу Свете на ухо: - Знаешь, по-моему, у меня уже ностальгия по Америке.... -

Сильные морозы мешают показать детям Москву. Морозов зимой хватает и в Миннесоте. Но там твое личное участие в борьбе со стихией зак-лючается в том, чтобы добежать от двери до ма-шины или от машины до требуемого здания. Хо-дить, в общем-то, не нужно - ну, разве что появи-лось желание ощутить себя первопроходцем. Алис-ка совершенно искренне рассматривает десятими-нутную пешую прогулку по морозцу, как подвиг.

Расслабившись в Америке, Света и дети те-перь не приспособлены к безавтомобильному су-ществованию в условиях планеты Земля. Мы еще не успели дойти до Красной площади от метро "Площадь Революции", как из-под шарфов и ка-пюшонов послышались стенания. С помощью жутких угроз удается продержать любимых на Красной площади пять минут - как раз, чтобы сделать пару фотоснимков. Ныряем в метро, чтобы отогреться. Исполнившись решимости перебороть изнеженность семьи, вывожу свою бригаду из мет-ро перед самым Кремлем и покупаю билеты на по-сещение соборов. Быстрым шагом, почти

бегом, посещаем Кремль. Для утешения замерзших род-ных показываю им на коллектив из пяти синих ин-дивидуумов явно иностранного облика. Горемыки облачены в свитера и курточки - без головных уборов. Странная группа дробной рысью бежит по направлению к Успенскому собору.

Теперь душа моя спокойна и мы вновь ны-ряем в метро. Нам ехать до конечной станции, "Улица академика Янгеля", где оставлена Сашкина машина. У меня не хватило смелости везти детей из Заокска два с половиной часа в холодной электричке.

В пенистом море перманентного русского бардака метро остается единственным островком, где все работает.

Спускаясь на эскалаторе, с огромным удо-вольствием читаю расклеенную по стенам рекламу. Тексты пелевинские, прямо-таки из Generation "П".

Американскую рекламу воспринимаешь, как элемент пейзажа или с раздражением. Русская хва-тает за душу - то ли возвышенно-идиотским сти-лем, которым рекламируются презервативы, то ли вселенским размахом подачи марки сигарет. А мо-жет быть копирайтеры просто веселые ребята и это образцы их согревающего юмора. Во всяком слу-чае, настроение поднимают.

На Яшку метро производит самое сильное впечатление. Он в восторге млеет от эскалаторов, от грохота вылетающего из черного провала тон-неля поезда и незабвенного: "Осторожно, двери закрываются, следующая станция....". Я тоже млею - только от сладкой ностальгии по своему мос-ковскому прошлому. Если закрыть глаза, то не из-менилось ничего: тот же характерный гул мчаще-гося в тоннеле поезда, то же покачивание, те же запахи. Сейчас открою глаза, а напротив меня кто-то читает "Правду" или "Известия".

- Станция "Щербаковская". Осторожно, двери закрываются, следующая станция - "ВДНХ"! -

Что это я? Мы же на другой линии. Это бы полбеды, но ведь и станции такой давно уже нет.

Нет-нет, я просто замечтался, объявлялась станция "Ногатинская". Это совсем рядом с домом в начале Варшавского шоссе, где я жил с семьдесят девятого по восемьдесят третий. Правда, тогда эта ветка только строилась и до ближайшей станции метро нужно было добираться на троллейбусе. Больше десяти лет станции метро были миром, в котором я жил. Теперь стали воспоминанием.

Заканчивается наше сентиментальное путе-шествие. Честно говоря, хочется обратно, туда где светло и чисто. Опять

Домодедово, паспортный контроль, пограничники. Таможенник спрашивает про валюту.

- Да вот, сто пятьдесят долларов. -

- Почему так мало? -

- Потому что мы живем в США, а здесь гостили -

- А где ваша декларация? -

- Я спрашивал, мне сказали, что можно не заполнять -

- Кто вам сказал? -

- Таможенник здесь же, в аэропорту, когда мы прилетели. -

- Он, наверное вас не понял. Вы знаете, что я могу сейчас конфисковать ваши деньги? -

Началось. Подспудно чего-то такого я ожи-дал все эти три недели - что кто-то будет конфис-ковывать наши паспорта, грин-карты, авиабилеты, деньги. В принципе, если уж мужчине в мятом форменном пиджаке так приспичило что-то у нас отнять, пусть удовлетворится этими долларами. Где только я буду снимать наличные с кредитной карточки до Америки? Мало ли, на что могут по-надобиться деньги в пути.

Пожимаю плечами и выжидательно смотрю на мордастого мужика. Я забыл, что нужно гово-рить в подобных ситуациях.

- Ладно, тут у вас немного, поэтому на этот раз пропускаю, - расслабленно-величественно отпускает нас таможенник.

Проходим в самолет, где у границы другого мира нас встречают улыбчивые швейцарские стю-ардессы. "Боинг" выруливает на взлетную полосу. Доберемся до гостиницы в Цюрихе, час не буду из-под душа вылезать!

Миннесота
Январь 2002

Дулус

Правильно не люблю я все-таки Дулус. Кра-сивый город, порт и все такое, но не по ду-ше он мне, хоть удавите. И я ему тоже.

Поганость его заключается во фривеях. Они идут по тоннелям и эстакадам с многочисленными крутыми поворотами и ответвлениями. Стоит за-зеваться на секунду и окажешься неведомо где.

На прошлой неделе, вернувшись домой, на-хожу на автоответчике сообщение от Ларри, судеб-ного администратора. Просит перезвонить ему. Странно как-то это. Вроде все мы обговорили, суд присяжных над Игорем, где я буду переводить, состоится в середине августа. Пока злодей гуляет под надзором и воспитывает своих многочислен-ных детей. С чего бы, собственно,

Ларри мне зво-нить?

С такими раздумьями набираю номер его те-лефона. Маленький сюрприз. Оказывается наш об-щий друг уже успел залететь, нарушил условия надзора. Почему-то рассматривать этот вопрос бу-дут в Дулусе, хотя залетел он в округе Хеннепин, сиречь в Миннеаполисе. Ларри интересуется, смо-гу ли я послезавтра приехать его переводить. Ес-тественно, приеду, почему же к хорошему челове-ку не приехать? Особенно, если платят...

Выехал я, не выспавшись. Казалось бы, ну и что? А то, что организм мой имеет одну непра-вильность. Стоит не доспать хотя бы пятнадцать минут до своей нормы, и потом весь день не от--пускает страшная головная боль, которую не сни-мают никакие лекарства. Моя норма, шесть часов. А поспал я пять с половиной.

Поэтому день предстоит тяжкий. Хотя, если слушание в одиннадцать, я вполне могу отстре-ляться к двенадцати. Тогда вполне реально вер-нуться домой где-то в пол-третьего. Мне доста-точно будет поспать полчаса и все пройдет. Может быть, не все так ужасно.

В суде Дулуса я еще не бывал, поэтому, как всегда в таких случаях обратился к помощи интер-нета за мудрыми указаниями. Интернет, не заду-мываясь, выдал подробное описание, куда нужно выезжать, где сворачивать, сколько проехать по какой улице и что будет потом. Из всей шпаргалки я постарался запомнить только одно - "Съезд но-мер156 в сторону Сюпериор-стрит". Остальное все пустяки. Просто съезжать мне придется с эстакады и смотреть на шпаргалку будет некогда.

Особенно не гоню. Голова болит, да и вре-мени навалом. Выехал чуть ли не на час раньше, чем надо. Уж так я себе завел. Если еду в новое место, лучше приехать на час раньше, чем на пять минут позже.

В Дулусе начинается - вверх, вниз, один крутой поворот за другим. Где этот долбаный съезд? Так: 152, 153 (уходит в Висконсин), 154...

Мать твою за ногу! Красная вывеска - в связи с ремонтом съезд 156 закрыт. Ура!

Съезжаю на 155-м. Ни светофоров, ни стопов. Ни свернуть, ни остановиться. Пока успел сообразить, где я есть, уже залез на гору. Развора-чиваюсь, еду обратно.... Одним словом, через де-сять минут оказался я на берегу озера Верхнего - почему-то. Вот причал, к причалу пришвартован пароход-музей, огромный, с типичной для Великих озер архитектурой - надстройка на самом носу и вторая надстройка с трубой на корме. Это рудовоз. Корпус темно-красного цвета, надстройки белые.

Это все хорошо, но как же мне выбираться? Время уже без двадцати, а я влип плотно. Ага, вот будочка платной парковки. В будочке сидит мадам с аккуратно завитыми седыми кудряшками. Вот мой путеводитель! Останавливаюсь.

- Hi, how are you doing today? -

Мадам сообщает, что дела у нее идут просто чудесно и задает тот же вопрос мне. Заверяю, что у меня тоже все отлично. За исключеньем пустяка... Не знает ли она, как проехать к зданию суда?

Проще не бывает.... вон там стоп, за стопом светофор. Нужно от стопа ехать прямо, потом ми-новать светофор, проехать Сюпериор, но не пово-рачивать на ней, а повернуть на первой-стрит. И все, суд прямо на горе. Сердечно благодарю мадам и с воскресшей в сердце надеждой рулю в указан-ном направлении.... лишь для того, чтобы получить удар по заднице. Никакого там стопа нет. Мало того, дорога просто заканчивается и расходится в обе стороны. В какую же мне ехать? Естественно, выбираю не ту.

Одним словом, к помпезному зданию суда (у нас такой стиль называют сталинским барокко) подъезжаю без пяти одиннадцать и взмыленный. Я никогда не опаздываю. Такой у меня поганый ха-рактер и ничего с собой не могу сделать - так и му-чаюсь всю жизнь.

Допустим, договорился встретиться с при-ятелем на углу в двенадцать. Прихожу без десяти и торчу на этом углу, как идиот целую вечность. Приятель появляется с получасовым опозданием и никак не может уяснить, чем я недоволен. Когда же понимает, на лице его отражается тяжкая недо-уменная обида.

То же самое с деловыми встречами - я вечно жду. Доля моя, доля.

У суда парковка только у уличных счет-чиков, в которые нужно заряжать двадцатипяти-центовые монеты, "квотеры". А у меня, как на зло, нет ни одного. Кручу туда, кручу сюда, вижу пар-ковку, над которой висит надпись: "Парковка Ду-лус Ко. Стоянка строго по разрешению". Что это за Ко. такое? Скорее всего, "компания". Частные ком-пании часто вывешивают на своих парковках вся-кие леденящие кровь угрозы, чтобы посторонние не становились. Ничего страшного, да и времени у меня уже нет, чтобы еще что-то искать.

Хватаю сумку, бегу в здание суда. Там ник-то не может найти, куда мне нужно. Дело-то не их, и в компьютере моего гаврика нету. После долгих мытарств находят, где и кто им занимается. Пока то да се, время идет. И оказывается, зря вся эта су-ета и беготня была... произошла какая-то путаница и злодея

привезут из тюрьмы округа Хеннепин только около трех. Ничего себе! А сейчас пол-двенадцатого. Раздумывая, куда мне податься, не торопясь бреду к парковке. Издалека вижу грузо-вик-тягач с платформой. На такие затаскивают ма-шины-нарушители и увозят в далекие края. Инте-ресно, кого это они...

Неожиданно осеняет - это же они мою, МОЮ машину цепляют, чтобы уволочить! Ё-моё! На бегу кричу:

- Эй, эй! Это моя машина! -

Маленький недоброжелательный экзекутор в бейсбольной кепке. Остро смотрит из-под огром-ного козырька, потом молвит: - Сорок долларов штраф. -

- Ладно, сейчас чек выпишу, - отвечаю (а что бы вы ответили - машина-то уже застроплена, только лебедку включи?)

- Наличными. -

- Да, нет у меня наличных. Тут такое дело, гайз..., - рассказываю свою эпопею с закрытым съездом и своими блужданиями. Им, собственно, по фигу, но маленький снимает с пояса рацию и начинает в нее говорить. Второй объясняет: - Это стоянка администрации округа. Здесь строго с этим делом. -

Да уж, куда строже... постоял-то всего ми-нут сорок.

Наговорившись в свою черную коробку, ма-ленький нагибается и сбрасывает цепи с колес, ос-вобождая из плена моего "Фафика".

С облегчением прыгаю в машину. На пе-реднем стекле вижу "тикет" - копию квитанции на штраф. Вот так, еще и от полиции привет. Сурово тут у них.

Выезжаю со стоянки. Собственно, мне нуж-но убить целых три часа. Особой нужды ехать да-леко нет, но и оставаться в даунтауне Дулуса нет желания. Обидели они меня, обидели, волки.

Еду обратно, переживая чуть было не слу-чившуюся беду. Вот бы я попрыгал! Хрен его зна-ет, куда они уволакивают машины и как туда до-браться.

За Дулусом дорога резко идет в гору. А на горе место для отдыха, откуда открывается вели-чественный вид на озеро, окрестные леса и город. Взяв в Макдоналдсе сэндвич, устраиваюсь на этой стоянке. Можно расположиться за столиком, как вот эти азиаты, но мне жарко, лучше я в машине кондишн включу.

Закуриваю, раскрываю книжку. Все бы ни-чего, если бы только голова не болела! По сути де-ла, такой поворот событий мне только на руку - я сижу, а деньги идут. Все это время мне оплачива-ется по полной ставке. По скромным прикидкам у меня получается около десяти рабочих часов. А час судебного

перевода, ребята, оплачивается совсем неплохо, особенно, когда ты работаешь не от агентства, а от себя.

Читаю, курю, вслушиваюсь в головную боль, смотрю на озеро, где в дымке просматривается огромный корабль, неспешно ползущий к Дулусу.

Вспоминается, что Верхнее - второе по величине озеро в мире. Дела-а! И на первом по величине я бывал. Я имею в виду Каспий. Летом шестьдесят девятого года на каникулах после второго курса работал в геологоразведке в Дагестане. Партия стояла в горах в районе Дербента, но несколько дней мы работали рядом с морем. Кас-пийское море особенно меня не поразило. Низкий песчаный берег и накат с моря. Поэтому вода мут-ная. Несколько раз пробовал добраться до глубо-кого места, чтобы поплавать, но не хватало терпе-ния.

А вообще края замечательные. Идешь, на-вьюченный штоками от ручного бура и всякой дру-гой фигней. Жара, как в печке. На ногах кирзовые сапоги - от змей. Их там тьма-тьмущая. В высокой траве змей не видно и наступить, раз плюнуть.

На берегу моря однажды видел, как маль-чишки-даргинцы пытались выгнать на берег де-теныша тюленя. Их называют бельками. (Кстати, мало, кто знает, что на Каспии тюленей хватает. По-моему, даже есть остров Тюлений).

Мальчишки окружили белька полукругом со стороны моря и били по мелкой воде руками и палками, чтобы заставить его выползти на берег. Белек боялся мальчишек, мальчишки боялись его. Битва продолжалась долго. Наконец белек бросил-ся на одного из пацанов, тот отскочил в сторону. Тюленeнок, к моей радости, прорвался, молние-носно нырнул и ушел в море.

В озере Верхнем не поплаваешь. Вода ле-дяная. Прошлым летом соблазнился ее проз-рачностью и полез. Пробкой выскочил через ми-нуту.

В суд возвращаюсь около трех. Двое поли-цейских в штатском вводят в зал судебных засе-даний моего Игорька.

Однако! Такого я еще не видел - руки ско-ваны наручниками, ноги в кандалах, а между на-ручниками и кандалами цепь. Прямо Стеньку Рази-на ведут.

Вид цветущий: загорел, поправился. Узнает меня и вежливо говорит: "Здравствуйте". -

Подхожу к полицаю, спрашиваю разреше-ния поговорить с Игорем. Узнав, что я его перевод-чик, полицай разрешительно машет рукой. Подса-живаюсь к бедолаге.

- Игорь, ты прям как Ленин - все в кандалах да по тюрьмам. -

- Да, вот, ни за что повязали. -

Естественно, ни за что. Какой нормальный человек будет колотить себя в грудь и кричать:

- Правильно, верно вы меня, гада! -

Беру у него дело, просматриваю. Собс-твенно, просматривать особенно нечего. Русская классика - вождение в нетрезвом виде, пререкание с полицией. Задержан и арестован. А это наруше-ние условий надзора, потому что там черным по белому написано - закона не нарушать, алкоголь не употреблять.

Вообще мне его жалко. Нормальный парень. Бывший десантник и все такое.... Бывают такие ре-бята, которым просто не сидится на свободе. Вечно у них в заднице свербит - не одно, так другое. В августе, когда будет основное судилище, его, ско-рее всего, законопатят надолго; что ни говори, нар-котики замешаны и оружие.

Спрашиваю: - Как жена родила? -

- Нормально, девочку. -

- Поздравляю. -

Хотя, что уж тут поздравлять. Так хоть на свободе еще походил бы чуть-чуть....

Появляется адвокат, Стив. Длинный, боро-датый и довольно высокомерный. Без предисловий говорит, что обратно под надзор Игоря скорее все-го не выпустят. Единственной, что он попытается сделать - это уменьшить сумму залога.

Слушание занимает полчаса. Надзор заме-нен содержанием в тюрьме.

Можно ехать обратно. Теперь я тороплюсь, на спидометре под восемьдесят пять миль в час. Но наваливается еще одна беда - невыносимо хочется спать. Дорога почти пустая, держись за руль да ка-ти себе. От жары над бетоном колышутся сверка-ющие озера марева.

Я засыпаю. Страшное это дело - едешь, смотришь на дорогу, а в следующую секунду сооб-ражаешь, что уже смотришь сон. На такой скорос-ти подобные вольности не рекомендуются. Можно ведь, проснувшись, обнаружить, что ты уже у врат небесных и приветственно лобзаешься со Святым Петром.

Кручу головой, курю одну сигарету за дру-гой. Окошко бы открыть, чтобы обдувало, но очень уж жарко, а в машине от кондиционера приятная прохлада.

До решительных мер типа кусания запястья пока не дошло. Такое было, когда меня сутки во-локли на буксире из Ростовской области в Крас-нодар с пробитой прокладкой блока цилиндров. Это была наша первая машина, драный "Форд-Фиеста", на котором мы повезли двухлетнего Яшку бабушке. Последние сто километров до Краснодара я просто отрубался и не помогало

ничего. Тогда по моим указаниям Света открыла банку растворимо-го кофе и засыпа□ла его мне в рот в сухом виде - ложками. На полчасика это взбадривало, потом я опять начинал проваливаться.

Сейчас, конечно, не так, но все равно не-приятно. Можно бы остановиться на площадке для отдыха и подремать, но ни к чему гать городить, перетерпим.

День жаркий, кондиционер молотит вовсю, стекло основательно залеплено погибшими мош-ками. Мотаю головой, курю, с тоской посматриваю на указатели. Медленно сокращается расстояние, очень медленно.

Машин на шоссе постепенно прибавляется. Вот я уже в обычной вечерней пробке. Сонная одурь слетает. Теперь рывками будем ползти до са-мого дома.

Миннесота
Июль 2002

Ужас

"Кажется мы приплыли", - говорю жене ровным мертвым голосом.

После звонка из полиции прошло двадцать минут. Мы уже садились в машину, когда Свете на мобильник позвонили из полиции и со-общили, что у нас дома пожар, но дети и их бабушка в безопасности.

Всю дорогу уговариваю себя не гнать по ночным улицам Миннеаполиса. Может быть все это какой-нибудь пустяк? Что у нас может гореть? Дома даже зажигалки нет - она у меня в кармане! Сворачиваю на нашу улочку. Там новогодний кар-навал - мигающие разноцветными огнями пожар-ные и полицейские машины, стекающая вниз по асфальтовому склону пена, шланги, пожарные в касках.

- Кажется мы приплыли, -....

Пожарные не разрешают мне въехать в комплекс. Света, выпрыгнув, идет искать детей. Ставлю микроавтобус на обочину. Боковой тро-пинкой прохожу к нашему дому.

Огня нет, в воздухе острый запах гари. То, что дом горел хорошо, видно даже ночью. В от-светах фар и мигающих огней фигуры пожарных. Кто-то останавливает меня: - Вы владелец дома? -

- Да, кто у вас тут главный? Как мне узнать, где мои дети? -

Бормочет в рацию. Через полминуты подхо-дит молодая полицейская - с бляхой на груди, без куртки и с непокрытой

головой.

- Владелец дома? -

- Да. -

- Пойдемте. Они в машине "Скорой помощи". -

Следом за ней залезаю в "Скорую помощь". Света уже там.

Рядком сидят наши дети и Мария Василь-евна. Яшка в трусиках и босиком, на плечах моя кожаная куртка. Дрожит крупной дрожью. Об-нимаю сына, осторожно прижимаю к себе, по-глаживаю: - Ну, ну... все, сыночек, все прошло.... все хорошо. -

Испуганно плачет Алиска, всхлипывая: - Что же теперь с нами будет? -

Поверх пижамы наброшена какая-то куртка. Яркий педикюр на ногтях, почти такого же цвета кровь на пальцах.

Окаменевшая Мария Васильевна в халате. В глазах застыл ужас.

Парамедики спрашивают наши данные.

- Как вы оцениваете состояние моих детей и тещи? - задаю вопрос я

- Особых жалоб нет, только мелкие порезы. Хотите ли вы, чтобы мы их отвезли в больницу? -

- Мне трудно сказать. Я не могу оценивать их состояние. -

- Судя по всему отравления дымом нет. -

- Я палец порезал, - говорит мне сын. Смот-рю на маленькую босую ногу. Палец заклеен лейкопластырем. Рядом Алискины ноги в крови.

- Как это вы? -

- Это когда окно разбили и нас через окно вытаскивали. -

Мозг информацию воспринимает, но не ана-лизирует. Машинально отвечаю на вопросы поли-цейской и парамедиков, не веря чуду, глажу сына. По крестьянскому, морщинистому лицу тещи бегут слезы. Остановившийся взгляд.

- Что же мы теперь будем делать? - плачет опять Алиска.

Отвечает Света: - Главное, что вы живы, остальное все пустяки. -

Полицейская интересуется, есть ли нам, где переночевать. Если нет, то они сейчас найдут нам пристанище на ночь.

Да, интересный вопрос. Рядом живут рус-ские, Игорь и Ира. Переступая через шланги, иду к их дому мимо пожарных машин. "Здесь пена, осторожно", - говорит пожарный. Вокруг нашего дома еще какая-то суета. Прямо на навесе над крыльцом соседнего дома сидят две любопытные соседские девчонки-подростки. Они смотрят на ме-ня, я молча смотрю на них.

Игорь с Ирой не откликаются ни на звонки в дверь, ни на стук. Окна темные. Днем мы заходили поздравить их с Новым

годом. Может быть, потом они уехали в гости?

Иду обратно. Из темноты возникает здоро-венный мужик в пожарной каске. Здоровается.

- Я Дейв, начальник пожарной бригады. Как дела? -

- Дела не очень, Дейв. Сколько вы еще здесь пробудете? -

- Не меньше часа. -

- Мне нужно пристроить семью, потом я вернусь. -

- Окей. -

В "скорой" говорю Свете: - Беличенки не отвечают. Звони Маше. -

С трудом дозвонились. Нужно опять ехать в Миннеаполис, откуда мы выехали час назад после беззаботного празднования Нового года у костра. Хорошо, что я непьющий, а то полицейская не подпустила бы меня к машине. Света выпила пару бокалов вина и та сразу же учуяла запах.

Осторожно подвожу микроавтобус к "ско-рой". Включаю обогрев на полную мощность. По-грузились.

Теперь следи за собой. Ты не в себе, не до-веряй голове, она сейчас не работает. Сосредоточь-ся на машине. Смотри на дорогу.... Вот поворот.... Смотри на разметку.... Не забудь про светофоры - если красный, нужно остановиться.... Все живы.... Все хорошо.... Следи за скоростью.... Смотри на дорогу

- Мама, ну, пожалуйста, не плачь. Все живы, а остальное обойдется, - говорит Света.

Кладу ладонь на руку жены и тихонько глажу ее.

- А как же Кузька, - ахает Алиска.

Кузька - это наш серый кот.

- Ничего с Кузькой не сталось. Он же ночью гуляет. А утром я все равно вернусь. Вот и заберу его. -

- Когда полицейский тащил меня в эмбьюленс ["Скорая помощь"], я всю попу об его пистолет отбил, - жалуется Яшка.

- Никого не тошнит?, - спрашиваю.

Не тошнит. Это хорошо. Из-за пластиковых панелей внешней облицовки домов дым при пожа-рах в Америке необычайно ядовит. Достаточно па-ры глотков, чтобы попасть в больницу с отрав-лением. А еще чуть-чуть, и на погост.

Выясняем картину происшествия. Итак, ровно в полночь Яшка запустил несколько краси-вых фейерверков на улице. Использованные труб-ки затоптали, потрясли, чтобы не осталось искр и бросили рядом с мусорным мешком у входа. После этого мы со Светой уехали праздновать Новый год к Маше, а детям наказали ложиться спать. Алиска классическая сова. Сколько бы мы ее не ругали, при малейшей возможности читает до часу ночи, а то и до двух.

Около двух ночи Алиска услышала внизу то ли стук, то ли хлопок и подумала, что пришли ро-дители. Чтобы избежать разноса за поздние бдения, она гасит свет в своей спальне на втором этаже. Через минуту, однако, в окне появляется странное зарево. Сообразив, что это огонь, Алиска звонит "911", будит спящего в соседней комнате Яшку, громко кричит, чтобы разбудить спящую в комнате на подвальном этаже бабушку.

Опять хватается за телефон, чтобы еще раз позвонить "911" - телефон мертв, провода перего-рели. Снаружи врывается пламя. Последнее, что видит Яшка в своей комнате перед тем, как выскочить в коридор - огненным шаром вспыхнули занавески. Сбегают вниз. Входная дверь горит. Снизу из подвала ползет дым.

Пригибаясь бросаются в столовую. Нужно разбить окно. Алиска решает швырнуть в него пы-лесос. Он на площадке на лестнице. Возвращается, но оттуда уже клубами черный дым. В окне столо-вой появляется силуэт пожарного. Снаружи разбивают стекло. Пока вытаскивают через окно де-тей, Мария Васильевна срывает с вешалки первые попавшиеся куртки и бросает в окно.

Никогда не думал, что у нас такие смелые дети. То, что Яшка не трус, я заметил летом, когда мы чуть не перевернулись на каноэ на порогах. Алиска же склонна паниковать по любому пустяку. В данной, смертельно опасной ситуации она действовала разумно и четко, как хорошо обучен-ный коммандос. Спасла себя, Яшку и бабушку.... И нас.

Сгружаю свою бригаду у Машиного дома, разворачиваюсь и еду обратно.

Там уже тихо, пожарные машины ушли. Вместе с бригадиром пожарных и какими-то еще людьми вхожу в дом. Вначале поражает ощущение незначительности ущерба. В гостиной все на своих местах, в углу поблескивает наша большая наряд-ная елка, которой так гордилась Света. Но этот по-рядок, как целые руки и ноги у человека, которому оторвало голову.

В моем кабинете в подвале все вверх дном. На оплавленном мониторе куски штукатурки... Все мокрое, на полу лужа. Черный, в дырах потолок при свете фонариков. Разорванная водопроводная труба в дыре над головой. Вода перекрыта, но из трубы на мой рабочий стол стекает струйка. Оплав-ленные провода...

Портфель, в котором я храню все наши до-кументы, цел. Заодно прихватываю кожаную сум-ку, в которой все нужное мне по работе хозяйство. Мельком замечаю, что стоящий на полу компьютер мирно светится зелеными огоньками. Неужели работает?

Поднимаюсь наверх в спальни. В Яшкиной все черно. Сквозь дыру в стене видно небо. Поче-му-то вещи на полках мокрые. Достаю сухие на ощупь штаны. Смотрю при свете фонарика - на них выгорела огромная дыра. Майка с оплавленной эм-блемой на груди. Здесь брать нечего.

В Алискиной спальне обыденный мирный беспорядок и никаких следов пожара. Поднимаю с пола кофту и джинсы.

Внизу попадается на глаза фотоаппарат. За-чем-то сую его в сумку (зато забываю про обувь). Пытаюсь сообразить, что еще нужно взять... В голове что-то не то творится. Вспомнил о чем-то, через секунду забыл. Останавливаюсь, пытаюсь вспомнить, о чем же я вспомнил... не получается. Махнул рукой. Стоящий рядом со мной говорит из темноты: - Мне нужно ваше разрешение и мои ре-бята сейчас начнут временно заделывать окна и дверь. -

Выхожу наружу. В нашем дворике темная куча чего-то обгорелого и мокрого. У почерневшей калитки валяется обугленная книга. Я ее купил еще в Англии, потом привез сюда из России.

Залезаю в свой "Ниссан". На мобильник звонит Света: - Мы с Яшкой устроились в подвале, на диване. Только осторожно, не споткнись на сту-пеньках. -

Поспав тяжелым сном пару часов, просыпа-юсь. Рядом посапывает сын. Осторожно обнимаю его рукой. Нюхаю пропахшие гарью волосы. Во сне Яшка прижимает к себе белого игрушечного медвежонка. Это ему полицейский дал.

В душе черно и холод. Неужели все так просто - какое-то короткое замыкание, дефектив-ный фейерверк, неудачно брошенный окурок? И все, и ты бы лишился того, ради чего живешь? И не смог бы прижать к себе теплого спящего сына? Неужели все так нелепо просто? ....

Странно осознавать, что у нас нет дома. Что мы не в гостях, а просто нам некуда податься. Какое противное слово - "погорельцы". Что-то замурзанное, несчастное, растерянное, вызывающее любопытство и тайную радость, что это не с тобой.

Ну, вот, а теперь с тобой. Мне плохо, очень плохо.

Но мой чудом спасшийся десятилетний Яш-ка и спасшая его пятнадцатилетняя Алиска ни на секунду не усомнятся в своих родителях, в том, что мы все устроим наилучшим образом. А значит так и будет. Все будет по нашему. Пока мы живы, мы непотопляемые.

Миннесота
6 Января 2003

Gunflint Trail

В нагретой солнцем выемке скалы лежать удобно и уютно. Я читаю саги викингов о плаваниях Лейфа Эриксона. Место для такого чтения самое подходящее - островок на озере в лесной глуши у канадской границы. Оторвавшись от книги, лениво рассматриваю неподвижные вет-ки деревьев над головой. Надо же - пихта, ель, туя и береза сразу.

- Папа, у меня кажется клюет, - азартный шепот сына из-за куста.

Поднимаюсь со своего гранитного ложа. Плечи полыхнули жаром. Да, подгорели, под-горели мы на солнышке. Завтра весело будет.

Яшка стоит на большом камне и взвол-нованно следит за поплавком. Неподалеку по зеркальной глади две большие канадские утки. Время от времени перекликаются своим совершен-но особенным мелодичным гуканьем. Его ни с чем не перепутаешь.

Шар солнца уже коснулся объемной тучи над дальним островом. А пока слепит невыносимо.

На озере множество покрытых густым, поч-ти непроходимым лесом островов. Этот мы выб-рали, потому что к нему удобно причаливать на каноэ. Для путешествий по воде я бы предпочел родимую российскую плоскодонку. На каноэ пере-вернуться - раз плюнуть. Зато ходкая штука и лег-кая.

Мы приехали вчера после обеда и еще с ве-чера договорились с Яшкой, что уж на этот раз по-плаваем в масках, если вода не слишком холодная. Прошлый раз нам не очень повезло с погодой - в Миннеаполисе было градусов двадцать семь, а здесь до двадцати не дотягивало. Куртки только к обеду снимали.

Удивляться нечему - это севера. До Канады три мили. Домик, который мы сняли, совсем неда-леко от дороги. Но заметить съезд почти невоз-можно - просто прогалина между деревьями. Доро-га тянется еще миль на двадцать, а потом исчезает. Называется она Gunflint Trail - "Тропа ружейного кремня". И все названия вокруг такие. Фенимор Купер сплошной и Чингачгук - Ба-альшой Зьмей!

Здесь окраина цивилизации. Озеро примы-кает к заповедному лесному краю, куда запрещен въезд на машинах и где нельзя использовать мотор-ные лодки. Это огромная система лесных озер тя-нется на сотни миль.

На остров мы высадились довольно рано. Света тут же забросила удочку и замерла в не-подвижности. Сам я не рыбак, но испытываю глу-бокое уважение к фанатикам и подвижникам, спо-

собным часами зачарованно разглядывать попла-вок в ожидании чуда.

С огромного валуна присматриваюсь, где лучше спуститься в воду. Скала круто уходит в глубину. Пробую ногой. Холодная! Пока я наби-раюсь мужества, Яшка уже бултыхнулся. Интересно, почему пацану куда легче плюхнуться в воду, чем взрослому?

Куда деваться - с внутренним "ой-й-й, мама" бросаюсь вперед и я. Ничего, терпимо. Вода почти такая же прозрачная, как в Верхнем, но там ку-паться вообще невозможно, градусов десять-две-надцать, не больше.

Опускаю голову и рассматриваю медленно проплывающие подо мной валуны. По внутренней поверхности стекла маски стекает струйка воды. Поганые они, все-таки - американские маски, пога-ные. И стекло запотевает, и текут. Не сравнить с нашими, особенно самыми первыми, сделанными в 60-х.

А раки здесь есть, точно есть.... Вон клешня валяется. Белая на зеленоватом камне. Нужно по-пробовать камешек во-он тот, плоский, перевер-нуть, посмотреть. Ныряю, но быстро поднимаюсь наверх - под относительно теплым слоем воды без всякого перехода просто ледяная. Плыву по по-верхности и смотрю вниз. Там уже не гранитные валуны с мрачными тенями, а ветки огромного по-валенного дерева - тянутся ко мне со дна. Видно метра на три, может и больше. Для пресной воды это просто здорово.

Приподнимаю голову и вместо зеленого ми-ра передо мной солнечный. Высокие сосны в зер-кальной воде отражаются, вон жена с удочкой на камне сидит..... идиллия.

Ну, вот, лето прожито не зря! Я люблю пла-вать с маской до такой же страсти, как Света рыба-чить. Сейчас она гневно шипит на нас, что мы рас-пугиваем рыбу.

На острове сажусь на нагретый солнцем ка-мень и закуриваю. Наливаю из термоса кофе. Сей-час согреюсь.

Рассматриваю крохотные островки. За ними берег. Среди плотной зелени леса черная пропле-шина с несколькими обгорелыми стволами.

- Ну что, поплыли? -

Это Яшка. Мокрые светлые волосы ды-баром. Нетерпеливо улыбается. Ему очень хочется поймать рака.

- Да подожди ты, сынок. Согрейся хоть - синий, как курёнок. Возьми полотенце, замотайся. -

Мне хорошо в этой заброшенности. В Рос-сии с этим делом было просто. За поселком сво-рачиваешь на грунтовую лесную дорогу и все, ушел - ни домов, ни машин, ни людей. Лес и я, и покой. Подняв капюшон куртки, привалившись плечом к сосне,

стою и рассеянно смотрю на ма-ленький прудик, на мокрое от осеннего дождя по-валенное бревно и огибающую его тропку....

Первые годы в Америке, когда мы жили в Иллинойсе, между мной и окружающим миром возникла невидимая стена. Я был чужаком среди чужой природы. Речка, трава, деревья сами по себе, а я - сам по себе. Можно было часами сидеть на берегу лесной речки, но стена не исчезала. Русский среди американских деревьев, на американской траве. Ну, почему? Ладно, я понимаю... города, лю-ди - они действительно другие. Но природа ведь так похожа на нашу! Чего же не хватает, какого элемента?

В Миннесоте как-то перестал об этом ду-мать. И не заметил, как стена ушла - исчезла, растворилась. Вдруг вспомнил о ней сейчас, в этой лесной и озерной умиротворенности середины лета.

Наверное, просто нужно было время. И нужно было приехать в Миннесоту. Я принял, впустил внутрь себя этот край и эту природу. А она приняла меня. Моими стали опять лесная малина и смородина. Маленький пятнистый, с трогательным белым хвостиком олененок у кустов, недовольно рассматривающий нашу машину бобер и лисенок на дороге уже не экзотические пришельцы в мой мир. Мы с ними здесь живем.

Впрочем, без каких-то элементов такого воссоединения можно бы и обойтись. В наш прош-лый приезд, пару недель тому назад, Света раз-ложила парусиновый стульчик и расположилась рыбачить с крохотного причала. Рядом, уютно по-добрав под себя лапы, устроилась серая дикая утка - как домашний кот в ожидании куска.

Мы с Яшкой спустили каноэ и решили об-следовать ближайшие острова. Возвращаемся под вечер. Только подгребли к причалу, как из дома буквально выскакивают Света с Алиской. В руках почему-то крышки от кастрюль. Интересно, инте-ресно....

Может они покажут нам сейчас концерт самодея-тельности - танец с крышками, например?

- Слушай, что я тебе сейчас расскажу - ты не поверишь! –

От рассказа я просто обалдеваю. Света мир-но сидела с удочкой, когда сзади раздался непонят-ный шум. Оглянулась, и глазам своим не поверила. Между причалом и домиком, боком к ней стоял здоровенный черный медведь. Метрах в пяти, не больше. Отвернувшись от страшного видения, же-на окаменела на своем стуле. От таких сюрпризов не то, что окаменеть - ошизеть можно. Одно дело добрые мишки в зоопарке, отделенные от тебя рвом с водой и очень забавные. И совсем другое, реальный здоровенный быстрый и опасный лесной зверь. Вблизи, рядом. И бежать-то некуда. В воду, без толку - медведь хорошо плавает.

Залезть на де-рево - вот оно, рядом - тоже не поможет, он ведь и по деревьям лазит (собственно, мы все знаем, что зверь ни с того, ни сего на человека не нападет. Но….. есть добровольцы, желающие на себе прове-рить этот постулат?).

Опасливо медленно поворачивает голову - медведь, не торопясь, удаляется за угол дома. Бро-сив удочку, Света бежит в дом и зовет Алиску. От кухонного окна до нашего микроавтобуса рукой подать. А рядом с ним черный медведь обнюхивает траву.

Для встречи с нами жена и дочка воору-жились крышками, чтобы стучать ими и отпуги-вать медведя.

Рассказ просто не укладывается у меня в голове. Ну да, глухомань, но, все же, не медвежья глухомань, даже дома на берегу озера есть. Однако, вот они, свежие следы. Огибаю дом. Ну, этот мед-ведь просто подлец! Прямо за машиной он нагадил на дорожку.

На ночь выставляю мешок с мусором на закрытую сеткой от комаров застекленную веран-ду. Там же дрова для камина, а также весла и спа-сательные жилеты.

Утром выхожу на веранду, чтобы набрать дров и растопить камин. Однако, батеньки мои - сетка на двери разорвана, мешок растерзан. Более того, на металлической сетке здоровенный клок медвежьей шерсти. Когда же он нас навестил? Поздно вечером я несколько раз выходил на при-чал покурить и просто посмотреть на звезды и за-литое ярким лунным светом озеро.

Яшка заботливо укладывает клок шерсти в пластиковый пакетик. Да, сувенир....

Близкое присутствие медведя придает оп-ределенный колорит нашему отдыху. Теперь, если вечером я выхожу к озеру, то беру с собой здоро-венный полицейский фонарик. По весу, прочности и размерам это дубинка. Но я с медведем драться не собираюсь - шансы неравные. Просто надеюсь отпугнуть его светом. А свет у этого фонаря мощ-ный.

На этот приезд медведь нас своим присутс-твием не почтил, о чем в самой глубине души я немножко жалею. Зато намного теплее и не нужно вечером растапливать камин.

Рыбаков удалось оторвать от удочек только когда основательно стемнело.

Осторожно располагаемся в каноэ, развора-чиваемся в маленькой бухточке. Проходим мимо нескольких островов. Гребем, гребем. Журчит под днищем каноэ вода. Справа поднимается огромная желтая луна.

В сумерках уже можно различить наш при-чал, а за ним и деревянный домик среди деревьев. Сейчас поужинаем, а потом

буду дочитывать про Лейфа Эриксона.

/Вернемся к медведям. В прошлом году я случайно познакомился с одним из двух специа-листов по медведям, работающих в штате. Ока-зывается, в Миннесоте около 20 000 медведей. В самой медведенаселенной стране Европы, Румы-нии, их 5000.

Правда, непонятно, а куда, согласно этой статистике, отнесли Россию. К Скифии, что ли? Я так думаю, что в Европейской части России медве-дей должно быть побольше, чем в Румынии. Не-смотря на все усилия населения страна, все же, слишком большая и не везде можно до зверья дотянуться заботливой рукой. Но это я так, кстати/

Миннесота
Июль 2003 г.

О тайне сладострастной

Естественно, это все о том же.... О вечном. О ве-ликой тайне любви - страсти всепоглощающей, бе-зудержной, неподвластной разуму и холодному рассудку.

*****

Перевод с английского

ФОРМА СОГЛАСИЯ НА СЕКСУАЛЬНЫЙ КОНТАКТ И СОГЛАШЕНИЕ О ПРАВЕ НА КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ

Я, _____, настоящим заявляю под страхом наказания за лжесвидетельство, что мне исполнилось 18 лет.

Я также заявляю, что вступаю в настоящее соглашение по своей воле и что ни я, ни кто-либо из моих близких не повергается угрозам причинения вреда или неприятностей.

Обе стороны соглашаются, что настоящее соглашение является конфиденциальным и не подлежит разглашению третьей стороне, если не будет выдвинуто обвинение в неправомерных сексуальных домогательствах со стороны _____.

Если он покажет или обнародует настоящее соглашение, не выдвигая обвинения в неправомерных сексуальных домогательствах, то, согласно настоящему соглашению, он будет нести ответственность за ущерб вследствие нарушения приватности независимо от того, будет ли стоять его подпись на

настоящем документе.

Проставив свои инициалы, _____ соглашается на все или некоторые из нижепоименованных консенсуальных актов:

Сексуальные ласки, поглаживания и поцелуи _____
Половое сношение _____
Оральную копуляцию (обоюдно) _____
Одностороннюю копуляцию лишь со стороны _____
Иное, поименованное ниже:
_____

Я также заявляю, что в настоящее время не нахожусь под воздействием алкоголя, наркотических или лекарственных препаратов и соглашаюсь участвовать в консенсуальном сексе с _____, и не изменю своего решения до совершения сексуального акта.

Подпись: _____ Подпись: _____
Дата: _____ Дата: _____

Обратитесь к своему адвокату прежде, чем вступать в какое-либо соглашение

*****

Пунцовые от смущения щечки. Пальчики выводят подпись. (Не забыть документ потом в надежное место определить).

Алые губы чуть слышно шепчут: "Да".

О тайна! О единение любящих сердец!

А теперь можно и у койку.

Мои юные друзья! Если вы пожелаете полу-чить веб-сайт, на котором находится оригинал этой формы, я с удовольствием его перешлю. В хозяйстве пригодится.

В добрый путь, влюбленные! Желаю вам пронести чистоту и неугасимый свет вашего чувс-тва через все невзгоды и прозу жизни!

Ой, чуть не забыл... Если вам приспичит покопулировать, непременно освежите в памяти условия контракта. Вдруг вы до истомы жаждете обоюдной оральной копуляции, а там только одно-сторонняя санкционирована? Нехорошо выйдет....

Ну, а потом уж с Богом, в добрый путь!

Миннесота
Ноябрь 2003 г.

Сага о сайте

Что там темнить и что там скрывать - это я о сайте "Заграница". Год тому назад несколько пугливо, растерянно озираясь, вошел я сюда, нервно сжимая в потной ладошке исписанные неровным почерком листочки со сво-ими опусами. Теперь же как свой - широко распа-хивая двери, и всем (всем поголовно) улыбаясь. Все мне здесь приятели, все лепшие друзья. Все любы и все дороги.

Кроме самих творений, каковые есть тема неисчерпаемая, на "Загранице" присутствует и бур-лит еще более захватывающий мир.

Открылся мне дивный мир комментариев. В нем, как на кухне в коммуналке. Можно песню хо-ром или посидеть, язык почесать. А можно и к ми-ровым проблемам подступиться. Или за жизнь... Или поучить уму-разуму того и другого.

И приласкают тебя тут, и пожурят. А могут и паяльником по копчику... могут, еще как могут. Но все от души. Поэтому не обижаюсь, когда из Германии звонкий голос выговаривает за то, что похвалил я страну, в которой живу. И не скорблю, когда задетый святоша, забыв смирение, хрипит: "А ты, ты-то сам, ваще кто такой?" И, посинев ли-ком, за горло хватается - с дыханием нелады, пере-хватило. За него не боюсь - найдутся добрые люди, откачают и водички дадут. Очухается, обретет вновь румянец и полнозвучным любвеобильным голосом из Швеции: "Даже ты мне дорог, брат мой во Христе"...

И для каждого здесь собеседник найдется на любые темы. Какие там, в заднице, чаты! Не нужны мне ваши чаты, и все тут, отцепитесь.

Вдруг явится из мглы веков товарищ дав-них-давних лет. Напомнит: "А как тебя тогда на-чальник курса-то?" Да помню, помню - пять суток губы в Алешкиных казармах, вот как он меня. А случилось это, когда "Солнцедар" был новинкой сезона (сейчас и седые аксакалы не упомнят, что это такое).

Через комментарии возвращаются самым неожиданным образом герои моих опусов. Хоть продолжение пиши...

Здесь из России расскажут, как в действи-тельности нам живется в Америке. И кто-то, моло-децки развернув плечи, снисходительно похлопает по согбенной спине, ладно, мол, папаша, чего там - от жизни ты отстал, главою скорбен и ветхий днями, но ладно уж....

От одних комментариев впору умиротворен-но поурчать, восхищаясь собой, пока никто не ви-дит. Другие же враз лишат благодушного настрое-ния, и хочется уши ему открутить, негоднику. Но, все равно,свои же, наши, заграничные хлопцы тай дивчины.

А вот, кого я не люблю, так это Редакцию. Я с большой буквы, потому что никак не восприни-маю эту таинственную сущность как одного чело-века. Это группа. Точно вам говорю - группа. Помяните мое слово.

Таинственная и поэтому захватывающе привлекательная - как негодяй в мексиканском се-риале. Никто пока не слышал их голоса, никто не видел лика. И чаяния их неведомы, и помыслы смутны. Мне кажется, что дела свои творят они в пыльном подвале старого дома в одном из мос-ковских переулков, скажем, Армянском или, до-пустим, Подкопаевском.

Почему в подвале и почему в московском? Да так, чтобы интрига была. Жесток окажется удар, если они свили гнездо, предположим, в Нью-Йорке. Ни фану, ни куражу.

Так вот, сидят они в подвале и связь держат со всею заграницей. И оттуда изгиляются над нами, обскуранты. То статистика замерзнет на пару меся-цев, то вдруг тысячи читателей как не бывало (буд-то Тамерлан прошелся), то вообще вся твоя стра-ничка исчезнет, как утренний туман. И стоишь, открыв рот: "А-а, а как же... ребята! Вот же она, вче-ра только тут была... Ой, милые, ой беда!". И емей-лы им, редакторам, засылаешь. Извиняющимся то-ном, челом бьешь. Мол, несправедливость, батюш-ка, творится. Так, мол де, и так. Исправить, мол, нужно. А я уж.... я уж не подведу, если что. А, заслав, каждый день бегаешь на страничку объяв-лений, смотреть, нет ли чего от Редакции.

Там же сплошь мука и скрежет зубовный. Кто-то требует приструнить нехорошего человека, шлющего гнусные комментарии. А вот другой - взволнованно, тоненько: "Редакция, он опять, он мне опять двойки ставит!" Кто-то хохочет сиплым басом. А Редакция смотрит на нас, неразумных, ка-чает головой и суд правит неспешный.

Глядишь, через недельку возвернулась твоя страничка взад. От сердца отлегло и опять солныш-ко ярче светит.

А то намедни какие-то форумы постирали. Представляете?

Волосатой.

Безжалостной.

Рукой.

Были и нету. Мрак средневековый. Ну, тра-ур, естественно. Вой и плач на реках Вавилонских. Я уж не выдержал, втиснулся:

"Не молчите, воз-высьте голос, оскорбленные и униженные! Комментаторы всех стран, объединяйтесь! Не отдадим на поругание свои свободы! Лучше умереть стоя, чем жить на коленях!" А вообще нужно нам о профсоюзе подумать. Или агента заслать, чтобы вычислил эту самую Редакцию и доложил нам: кто они, что, чем дышат и с какой стороны к ним по-добраться можно.

Вот уж тогда разберемся мы с ними, вот тог-да уж отольются кошке мышкины слезы. Сарынь, на кичку!

P.S. Ну, вот, не успел поместить, а уже втык полу-чил от серьезного господина. Мол, нужно благо-дарным быть модераторам и, вообще, мол, заткнул-ся бы ты. Да благодарен я, благодарен... и модера-торам, и фасилитаторам и этим, как их... эксгумато-рам, что ли.. Хорошие они люди. Всем я благода-рен. Как бы попроще пояснить угрюмому това-рищу.... Ну, шутка это все, шутку я выразить попытался. Ничего, а? Можно?

Миннесота
Сентябрь 2003 г.

На сайте тишина
Страшная сказка

Откроешь иногда свою страничку на сайте «Заграница» и умилишься - так славно все, так благолепно. Все тобой довольны, все счастливы.

Из умиления и расслабленности материали-зуется идея - дай, мол, что-нибудь еще туда прист-рою. Безобидное что-нибудь. Ну, там, как в Россию ездили или про наших в Америке мысли всякие изложить.

Поместил.

И сразу предчувствия какие-то, томно на сердце как-то....

Ой, что-то не то я вытворил. Глянь - на го-ризонте уже явления происходят тревожные. И, вроде, задымилось зловеще....

Начинает неизвестный - латинскими бук-вами, но слова всё родные, хотя и очень неприят-ные. Не нравится ему, допустим, что упоминаются у меня трамваи в России, грязные, де, они. И пошел он меня и пошел... Какое, мол, право ты имел? И вообще, вы там, в Америке все сволочи. А ты, лич-но, мол, лох, погань и душить вас, гадов.

Обороняясь, объясняю, что трамваи и вправду грязные, а насчет сволочи, это он зря. И вообще, имею право мысли излагать, коли уж за-велись.

И понеслось... Все припомнили. Беженцев, биографию

запятнанную, делишки всякие (хотя и не мои, делишки-то, но, все равно, припомнили, приобщили). Гневно зазвенело: "И чего это тут вы про себя пишете? Еще чего!" Какой-то то ли KLM, то ли BBC уже матом кроет. Кто-то за меня засту-пается - и его тоже приложили по матушке. Дис-куссия, называется...

Пробую обидеться - чего это вы меня так? Почему это я не могу о жизни своей писать, коли пишется? Тут уже любительница комментировать Сонечка ехидно масла в огонь подливает с язви-тельной улыбочкой: "Вы, Юрий, тут не рекламную компанию проводите, а на сайте, все-таки". Кровь в голову ударила, кулаки зачесались. Только хотел Сонечке врезать, как мне самому из-за угла: "Да у него ошибка вон в слове. Вот, вот, смотрите все! Что вы его, заразу, слушаете?" И уже какой-то бородатый из Нью-Йорка: "Он и на нелегалов бочку катит! А у нас, наоборот, жизнь - такая жизнь, что вам, сукам, гнидам офисным, интел-лигентам, погани паршивой, и не снилась! Эх, маманя, вот я сейчас ему!"

Ну кинулись, ну навалились. Пыль стол-бом. Господи, куды бежать-то? Визг на уши давит. Во, во дает - аж в ультразвук уходит! Из окутав-шего Британию тумана могучий рык слышен, и вроде уже и Мексика здесь - правой, левой, потом с носка. А там кто кулаками машет? Не иначе, как из Австралии. Ну да, Австралия. Вы-то куда, анти-поды? Вы же вниз головами ходите... Нет, чтоб смотреть на кенгуру за окошком и жизни радовать-ся, а вы?

Во, во... - меж собой сцепились, а заодно моих заступников отчитывают. Забыли вроде про меня. Отполз под стол, пятерней нос вытер. Сижу, рассматриваю рубашку. Вот, почему-то след женс-кой туфельки на полуоторванном рукаве. Судя по форме носка, это из России привет. А воротник будто зубами.... точно, зубами. И прикус патологи-ческий. Знать, кто, надоумил бы человека к ортопе-ду заглянуть.

Обследовав вдумчиво наливающийся под глазом синяк, выуживаю из-под дерущихся свою кроссовку. А вдруг хватанет - тот самый, с пато-логическим прикусом. Жалко ведь, вещь, все же.

Пока приводил себя в порядок, драка утихла. Все помирились. Накал исчез и металла в голосе нет. Лица добрые такие.... Только дышат тяжело и глаза кровью налитые. Да что уж там! Свои ведь, милые дерутся, только тешатся....

Вот и мы с Сонечкой уже умиротворенно обсуждаем, что именно на наших похоронах впереди на подушечках понесут, если ни орденов, ни медалей не удостоены. (Выдам Сонечку. По секрету - случись с ней такая неприятность, на подушечке будет сверкать пионерский значок).

И опять на сайте тишина. Ветерок теплый веет и птички в отдалении. Величественно застыли вниз головами антиподы. Нежится под жарким солнцем Мексика. Колышется туман над Брита-нией.

И мысли всякие зашевелились. Рука к перу потянулась....

Миннесота
Сентябрь 2003

Кто вы здесь, в Америке?

Каждый раз, когда я начинаю работать с оче-редной делегацией, мне задают одни и те же вопросы (обычно в первый день):

- Кем вы себя здесь ощущаете? -
- Вы - американский гражданин? -
- Говорят ли ваши дети по-русски? -
- Как к вам относятся американцы? -
- Как обстоят дела с неграми? -
- Сколько вы зарабатываете? -

Иными словами: - Как вы здесь, в Америке? – или, точнее: - Кто вы здесь, в Америке? -

Ну, как мы тут... Да так, ничего. Вроде, нормально.

Как так, нормально? В смысле, что именно нормально? И матом, что ли, крыть никого не со-бираетесь? И на Америку зубами не скрипите? Но и флагом американским не размахиваете? Странно.... А о чем же вы, в таком случае?

Да знаю, знаю я, что нужно поливать пого-ловно всех: Россию за то, что страна родная, Ев-ропу за то, что проститутка, Америку за то, что... ну, Америку-то всегда найдется, за что.

А как быть, если не хочется? Обязательно, как наши за рубежом, так на баррикады: за, против, всех к такой-то матери... Эмоций - жуть, прямо зависть берет.

А если без пены изо рта и не раздирая ру-баху до пупа? Непривычно, конечно, дико даже и странно, но, все-таки....

Укоренилось представление, будто живу-щий на Западе русский не такой, как его сооте-чественник дома. Положено ему измениться. Ну, допустим, вместо Волкова стать Вулфом, а из Миши превратиться в Майка.

Майки - это бывает, Майки попадаются, по-падаются даже Владимиры, ставшие Уолтерами. Зачем они такое с собой сотворили? Спросите что полегче.... Наверное, таким образом начинали но-вую жизнь.

Мне как-то и в голову не пришло бы стать из Юрия,

допустим, Юджином или Джорджем..

Честно говоря, в самом начале американс-кой эры, когда Яшка пошел в подготовительный класс, мы записали его Джейком. Но быстро спох-ватились и все переиграли. Почему это, вдруг, наш сын должен быть Джейком? Да, Яшка, Яшка он, и все тут.

Алиска это дело взяла в руки сама. Вначале она стала Элис. Шесть лет была таковой, и, вроде всех это устраивало. Но в какой-то момент прои-зошло пробуждение национального самосознания. В развернувшейся битве Алисы против Элис жертвой стала Элис. Теперь наша дочка во всех школь-ных и прочих документах опять Алиса, а Элис по-чила в бозе.

Жена в отношении своего имени сразу пове-ла политику суровую и бескомпромиссную. Вам ли рассказывать, что американцам одолеть имя Свет-лана все равно, что лезть ночью через двухметро-вый забор с колючей проволокой наверху? Я уж уговаривал жену:

- Да пусть Ланой зовут, тебе-то что? -

Никаких Лан. Приучила всех на работе называть ее Светланой. И называют: трясут от усилий головой, заикаются, но выговаривают.

С именами разобрались. Вовсе не обяза-тельно становиться Сэмом или Бобом, если попал в Америку. Странно, но факт – здесь даже Вася мо-жет благоденствовать, оставаясь таковым.

Этим летом в Краснодаре, узнав, что я из Америки, меня на полном серьёзе спросили, поче-му у меня нет акцента. Вот так. Значит пора выра-батывать акцент. Время от времени в поисках сло-ва нужно щелкать пальцами и раскатисто картавя на букве "р", приговаривать: "Kak eto skazat"? Kak eto budyet y vas po ruski?"

Конечно, все это муть сиреневая. Акцент может появиться или у тех, кого привезли в Аме-рику в нежном возрасте, или, допустим, если дама замужем за американцем двадцать лет и по-русски общаться было не с кем. В таких ситуациях иногда возникает сразу два плохих языка. Пару недель назад делегацию, с которой я работал, знакомила с одним мрачноватым заведением русская сотрудни-ца. С коллегами она разговаривала на плохом анг-лийском с чудовищным акцентом, а русский, на котором она общалась с нами, был еще хуже. Это мне напомнило рассказ Сергея Колбасьева о короле Греции, который вообще-то был датчанином. За многолетним отсутствием практики родной дат-ский язык он забыл, а греческому не научился, по-тому, как было это ниже его королевского дос-тоинства.

Но это, конечно, крайности. С языком и без них картина

грустная. Сплошь и рядом наши впле-тают в свою и так замусоренную американизмами русскую речь что-то вроде "Зэтс ит" (произноше-ние полностью соответствует написанию) или "Кам он" или еще что-то, демонстрирующее собеседни-ку, что русский язык - это вынужденная уступка, а вообще он даже сны только на английском видит.

Предполагается, что русский в Америке должен или раздуваться от ощущения собс-твенного превосходства над остальными обита-телями планеты Земля или, наоборот, быть существом желчным, всем недовольным - в состоя-нии постоянного душевного надрыва и надлома.

А с чего бы, собственно? С чего раздуваться или, наоборот, скорбеть? Америку я не идеализи-рую, а в Россию обратно не хочу. Вот так. Очень просто. Не подвиг и не трагедия, а смена декора-ций.

Ладно, вернемся к стандартным вопросам....

Так, вот, ощущаю я себя русским. Русским, который живет в Америке. Правда, тут же следую-щий вопрос: А что же это означает?

Это, прежде всего, означает, что я принял американские правила игры. Не хамлю в магази-нах, не обгоняю машины по обочине, улыбаюсь встречным и поперечным вместо того, чтобы ода-рить их угрюмым взглядом. Ничего от американ-цев не ожидаю. Улыбка просто означает: "Я вас вижу". Не ожидаю чудес, зная, что бюрократы аме-риканские ничем не отличаются от своих российс-ких коллег или каких-либо еще. Не обольщаюсь, когда хвалят по поводу хорошо сделанной работы. Сегодня похвалят, а завтра, если это будет выгод-но, погонят - это здесь запросто.

Количество идиотов на душу населения в любой стране примерно одинаково. Точно так же обстоит дело с придурками всех мастей, дебилами и далее по списку. Другое дело, что не дают им в этой стране развернуться. Кто-то может с удовольствием и нахамил бы или еще чем выразил позывы души, но ведь добром не кончится, вот беда в чем... Вот и сидит, мучается.

Любые обобщения по поводу американско-го (как и любого другого) национального характера отдают примитивом и, чаше всего, пещерным шо-винизмом. Конечно, Россия, страна мистическая (что самими же русскими и придумано) и умом ее не объять. Не объять, и ладно. Только, вот, почему-то считается, что Америку умом объять - это раз плюнуть, как два пальца....

Всего в них хватает, и хорошего, и плохого. Хорошего больше.

В работе американцы мне нравятся, в пов-седневном общении

тоже, и этого вполне достаточ-но.

Вне работы я с ними не общаюсь. Но только потому, что я живу в своем русском самодостаточ-ном мирке и нужды в американских друзьях-прия-телях не ощущаю.

Я ведь никому не давал клятв, что, переехав в эту страну, я обязуюсь активно внедряться в аме-риканское общество, то есть, заняться усиленной ассимиляцией себя в Америку. Это общество, слава Богу, вполне приемлет нас и такими, какие мы есть - не ассимилированными.

Мы (наша семья) похожи на корабль в оди-ночном плавании. Русский корабль в американском море.

Книги русские, телевидение русское. Круг общения русский.

Английский в семье не принят. Собственно, такого запрета никогда не было, но если бы я заме-тил, что дети между собой общаются на английс-ком, наверно появился бы и запрет. Насмотрелись мы на семьи, где родители с детьми говорят по-русски, а дети с ними по-английски. Когда вырас-тут и уйдут из семьи, будут сами выбирать, нужен им русский или нет. А пока они и русские, и амери-канцы одновременно - больше, наверное, все-таки, русские.

Информации мне в здесь хватает и без аме-риканского телевидения. Три русских канала впол-не устраивают. Утро начинается с выхода на интер-нет. Посмотрю один сайт российских новостей, второй. Гляну, где и чего творится.

Вот так, без надрыва и слез на щеках. Бури, которыми сопровождалось вживание в чужую страну, позади. Естественно, прошел все положенные стадии - очарования Америкой, отторжения, примирения с ней.

В общем-то, когда человек определился со своим местом под солнцем, он не рыщет в душе в поисках ответа на коренные вопросы бытия. Живет себе и живет. А иначе, зачем было гать городить?

Итак, выяснилось, что к американцам я от-ношусь достаточно хорошо. А они ко мне? Чтобы ответить, нужно признать одно грустное обстоя-тельство, которое многое ставит на свои места.

Так вот - меня здесь не ждали. Даже совсем не ждали.

Не всматривался дядюшка Сэм светло-го-лубыми глазами в облака в ожидании прибытия лайнера со мной на борту. Не встречали в аэропор-ту с хлебом-солью или, хотя бы, с банкой пепси представители общественности, а также госдепартамента и INS (Департамент иммиграции и натурализации).

Горестно сознавать, но Америка без меня как-нибудь обошлась бы. А из этого факта следует естественный вывод. Не должны американцы де-монстрировать, как это здорово, что я,

наконец-то, осчастливил их страну своим прибытием. Они мне вообще абсолютно ничего не должны. Наоборот, я должен доказать, что не нахлебник, что зарабаты-ваю себе на жизнь и не прошу подачек у государс-тва.

Казалось бы, самоочевидно. Однако не всем нашим эта истина понятна. Особенно уязвимы в этом отношении так называемые религиозные беженцы. Их Америка встречает с размахом. Все права, все социальные пособия, бесплатная учеба, страховки - пожалуйста. И возникает у человека приятное ощущение своей значимости для Амери-ки. А раз все подают на тарелочке, то зачем учить язык, зачем, набивая шишки, постигать хитроспле-тения уклада чужого общества. Всё оплачивают, значит любят, ценят и уважают. Какие тут еще вопросы?

Проходит несколько лет и вдруг... вдруг штат начинает потихоньку убирать пособия, пола-гая, что за это время их получатель уже освоился, осмотрелся и в костылях не нуждается. Вот тебе и раз? Так все было хорошо! Что же это делается?

Растерянно озираясь, начинает искать себе работу, а языка-то нет. Как-то, все, времени не бы-ло выучить. А без языка поди, найди приличную работу? Все - плохая Америка!

Парадоксально, но факт - наши, пробивав-шие себе Америку зубами и локтями, потом дос-таточно быстро набирают обороты, оставляя по-зади казалось бы так уютно устроившихся счастливчиков.

Итак, как же американцы к нам относятся? По-моему, совсем неплохо. Приходилось слышать, что в Германии нашим могут открытым текстом сказать, что гости они незванные и не очень-то лю-бимые. В Америке я с таким не сталкивался. Мо-жет быть, кто-то и скрипит зубами, вполне может быть, почему бы, собственно, и нет?

Но на этот счет американские законы рас-ставляют точки над i достаточно четко. Скрипи че-люстью на здоровье (все-таки, свободная страна), но с одним условием - про себя. Чтобы это не вы-ражалось ни словесно, ни действием. Намеки на дискриминацию американцы воспринимают очень болезненно.

Когда мы собирались переезжать из Илли-нойса в Миннесоту, я обзванивал агентства по сда-че квартир в Миннеаполисе в поисках подходящего варианта. Миннесота переживала экономический бум, и с жильем было туго. Агентства требовали массу информации, включая данные о доходах за последние три года и письмо от работодателя, под-тверждающее, что в Миннесоте вы уже нашли ра-боту. Идиотизм абсолютный - откуда у меня работа в Миннесоте, если мы только собираемся туда пе-реезжать? Потеряв терпение, в телефонном разго-воре с

представителем одного из таких агентств, я спросил, не являются их требования дискримина-ционными и не связаны ли они с тем, что мы рус-ские. Через два дня я получил по почте письмо от менеджера агентства. В нем содержалось горя-чее уверение в том, что они и не помышляли о дискри-минации, два уверения, что такую же информацию они запрашивают у всех желающих снять жилье, а также изложение принципов работы агентства на трех страницах. В конце письма агент-ство со всей сердечностью еще раз заверило в от-сутствии дис-криминационных помыслов.

Впрочем, думаю, что и без закона о дискри-минации к нам относились бы так же. Это страна эмигрантов и уважение к чужим культурам внутри (внутри - это важный нюанс) своей страны подра-зумевается как нечто само собой разумеющееся. Американцам абсолютно безразличны мои убежде-ния, взгляды и пристрастия - лишь бы я закон не нарушал. А так - хоть в буденовке и малиновых га-лифе с красным знаменем по своему двору ходи. Если бы я над домом вывесил рос-сийский флаг, это не вызвало бы абсолютно ника-кой реакции у соседей. Ну, висят флаги американс-кие, а вот еще какой-то. Собственно, достаточно часто над дома-ми попадаются флаги норвежские, шведские... Самые разные флаги видишь на бамперах машин - итальянские, польские, испанские, швейцарские.

Только вот русских нет. Как не слышал и об организациях, объединяющих русскую диаспо-ру в Америке. Если американцы к нам относятся доброжелательно, то русские соотечест-венников терпят с трудом. Мне кажется, нашему человеку тяжело. Очень тяжело ему признать факт, что в Америке есть место еще для кого-то. Не могут на-ши простить друг другу присутствия в Америке. Вам приходилось видеть, как, заслышав рядом род-ную речь, русские до хруста отвора-чивают голову, чтобы, не дай Бог, не пришлось здороваться или вступать в разговор?

Не так давно академик Гинзбург в телеви-зионном интервью упомянул, что наши ученые никогда не выдвигают кандидатуры своих сооте-чественников на соискание Нобелевской премии. Может, поэтому наши с таким подозрением вос-принимают американскую доброжела-тельность, что не страдают ей по отношению друг к другу?

Эмигранту в Америке уютно в том смысле, что он не ощущает себя чужеродным телом. Ак-цент наш никого не смущает, к акцентам в Амери-ке привыкли. А внешне отличить нас от американ-цев невозможно.

(Мы-то отличаем. Своих мы видим, будто на них люминисцентной краской написано круп-ными буквами: НАШ. Взгляд другой - смотрят наши по-другому, не так, как

американцы).

Главное, чтобы количество наших на квад-ратную милю не превышало критического числа. Иначе они начинают вести себя, как дома. Я слы-шал, что есть в Америке города, где эта критическая масса превышена и где можно нарваться на грубость со стороны американцев, если они опознают русский акцент. Наверняка утверждать не могу, сам там не был.

Что же касается расовой дискриминации, я поднимаю руки. Все американцы дружно говорят, что она есть. Я работал с черными американцами и с эмигрантами из Африки, и они заверяли меня, что к ним относятся по-другому, что их дискриминируют. Я этого не вижу. Вижу черных полицейс-ких и клерков, черных бичей и адвокатов. А вот дискриминации не вижу. И признаю', что не вижу, потому что не умею смотреть. Слишком это острая для Америки тема и слишком глубоко нужно знать культуру общества, в котором живешь. Восьми лет недостаточно. Мне-то кажется, что, наоборот, са-мой уязвимой особью в наше время является белый американец - гетеросексуал. А, допустим, черного гомосексуалиста, попробуй, тронь? Попробуйте, попробуйте - будет очень интересно. Я себя к ра-систам не отношу (во всяком случае, на уровне ти-пичного для России нутряного примитивнейшего расизма), но...

К черным можно отнести точные слова, ска-занные кем-то по поводу евреев: "Не любить их - нехорошо, а любить не хочется". Почему-то по-лучается так, что если на парковке супермаркета какая-то жопа перекрыла своей машиной дорогу всем остальным, можно не гадать, какого цвета хозяин. Пока она (жопа) наслаждается беседой с приятелем, с десяток машин смиренно ждет, пока она соизволит освободить проезд.

Повторю, что не претендую на глубокое по-нимание этой темы. Раз американцы утверждают, что дискриминация есть, значит есть. Им виднее, а меня это непосредственно не касается.

Теперь о гражданстве. Что касается Амери-ки, как страны на мировой сцене, то умиления и восторга это государство и его роль у меня не вы-зывают. Чуть раньше я говорил, что американцы уважают чужие культуры в своей стране. В международной политике они ведут себя совсем иначе. Плохо себя ведут, некультурно себя ведут, по-хамски.

Сейчас, впрочем, и у самих американцев поубавилось ковбойской дури. Ну, ладно, в Афга-нистане они, как обычно, воюют чужими руками, поэтому против Афганистана американцы не воз-ражают. Дело доброе, мол. Пусть воюют. А вот Ирак другое дело. Что-то не видно в последнее вре-мя задорных наклеек на бамперах и плакатов "Под-держим наши войска в Ираке". Причина

проста - по одному американскому гробу в день, и уже поговаривают, что, может быть, не стоило туда и лезть.

Изъявлять лояльность к такому государству не хочется, и к американскому гражданству я не рвусь. Насколько я понимаю, большинство наших, принявших американское гражданство, исходит прежде всего из соображений удобства.

Кому-то, конечно, обилие звездно-полоса-тых знамен немножко в голову ударило, может быть и такое.... Русскоговорящий американский патриот - красиво звучит.

Играет свою роль и многократно подтверж-денная жизнью убежденность в том, что родному государству на своих граждан глубочайшим обра-зом наплевать - как внутри страны, так и за ее пре-делами. Что оно и демонстрирует при каждом удобном случае.

Так что вопрос с гражданством для себя оставляю на потом. Несколько раз слышал, что возможно двойное гражданство, но, опять-таки, как-то полуофициально.

Пока никто меня не торопит, никто не под-талкивает. И грин-карты пока вполне достаточно. Никакого ущемления в правах я не испытываю. Право голосовать? А зачем оно мне? К сожалению, в миф о демократическом устройстве общества и власти народа я не верю (ни в каком варианте - ни в американском, ни в российском, ни в японс-ком....) Рад бы, но не получается. Я горжусь тем, что научился выслушивать (не усмехаясь и, даже, не моргнув глазом) провозвещения о свободе и де-мократии. Ни словом, ни жестом не покажу гово-рящему, что я о нем думаю. Веришь - молодец. Ве-руй, и воздастся тебе по вере.

Итак, избирать я не рвусь. Быть избранным - тоже. А кроме этого других особых преимуществ в гражданстве не вижу. Ну, разве, возможность, при-жав руку к груди, заголосить американский гимн.... Так я слов не знаю.

С мелодией проще - это мелодия нашей пес-ни "Хаз-Булат удалой, бедна сакля твоя". А слов не знаю. Не знаю, не выучил еще.

Вот так-то.

Миннесота
Декабрь 2003 г.

Багамы

Плавно скольжу в прозрачной теплой воде над зеленым полем. Глубины нет никакой - еле хватает, чтобы не бороздить животом по дну. Но встать и пойти нельзя: во-первых, эта трава

(именно трава, потому что на водоросли она совсем не похожа) составляет пищу кораллов, и хо-дить по ней запрещено. А во-вторых, на дне можно запросто напороться на какую-нибудь гадость вро-де морского ежа. Я, естественно, не знаток фауны тропических морей. Поэтому, может это и не ёж, а что-то еще. Но по виду именно ежик - круглый шар с колючками. Есть и еще одна тварь - просто пучок длинных черных игл, торчащий из расщелин в кам-нях, но это уже там, где поглубже. Хозяина игл я не видел, да особенно и не рвался. Уж больно зло-веще эти черные пучки выглядят.

Так что, мы плывем. Время от времени по-ворачиваю голову и сквозь стекло маски ищу взглядом сына. Вот он - в красивом серо-черном гидрокостюме.

Трава заканчивается. Пошла местность не-привлекательная - серая пористая поверхность ри-фа с торчащими кустами кораллов. Сейчас время отлива и воды еле хватает, чтобы плыть. Здесь нужно быть особенно осторожным - среди черных, фиолетовых и коричневых веток кораллов и плю-мажей водорослей много желто-оранжевых кустов огонь-коралла. Мы с Яшкой уже попробовали его действие, когда в первый раз плавали за риф. Сын зацепил его рукой, а я и руками, и ногами. Печет, как крапива. Собственно, из-за этого я и взял Яшке гидрокостюм напрокат. В принципе, он ему осо-бенно не нужен. Одиннадцатилетнему сыну легче проскальзывать между кораллами, чем мне. Да и костюм дает лишь относительную защиту. Большая часть рук и ног все равно открыта. Но для маль-чишки важно, что он в костюме.

Неожиданно справа меня обгоняет здоровая барракуда. Однако! До сих пор барракуд мы виде-ли только на глубине и совсем небольших, меньше метра. Эта же угрюмая скотина длиной метра пол-тора, может чуть поменьше. Поджарая, с нагло выдвинутой вперед нижней челюстью, тварь исче-зает так же быстро, как появилась..

Барракуда - морская щука. Внешне прак-тически от речной сестры не отличается, только окраска другая, светло-серая с темными полосами. Ну, и размеры, естественно. На нас они внимания не обращают, хотя большие барракуды более аг-рессивны, чем акулы, а по общему итогу нападе-ний на людей - и более опасны.

Хорошо, что Яшка эту не видел. Я не хочу, чтобы сын испугался.

Впереди кромка рифа. Скала обрывается вниз на глубину метров пяти. Вода потрясающей прозрачности. Какое-то время просто висим в над дном в теплом океане, рассматривая рыб.

Яркое солнце припекает спину. Поднимаю голову над во-дой и смотрю в сторону берега. Там полоса белого песка и пальмы на ветерке колышутся. А на паль-мах гроздьями кокосы.

Рай земной, только название у этого места немножко грустное - Риф мертвеца, Deadman"s Reef. Так ведь здесь мертвецов было в достатке. В этих краях разворачивались приключения, которы-ми я зачитывался в детстве. Остров был открыт Ко-лумбом. А потом кого только черти вокруг этих пальм не носили! Испанцы и флибустьеры, англи-чане и букканиры, голландцы, французы и просто морские бандюги невыявленной масти.

Здесь брел по песчаному берегу Робинзон Крузо в высокой меховой шапке, с мушкетом на одном плече и попугаем на другом. А если не здесь, то на соседнем острове. Именно такие паль-мы и заросли были на иллюстрациях этой любимой книги моего детства.

Соседний пляж называется веселее - Paradise Cove. Вчера Света рассказывала водителю автобуса о том, где мы провели день, и образовала из этих двух названий самое, по-моему, удачное - Deadman's Paradise. Пристойно и жизнеутверждаю-ще. Чудесная топонимическая находка.

Завтра Рождество. В Миннесоте снег и мо-роз. Но это от меня сейчас очень далеко. Заботы, счета, работа, суета - в другом мире, из которого я удрал. И, главное, никакими телефонами меня не достать; мобильники заботливо выключены и ос-тавлены дома. Впереди еще четыре дня в раю. Из всех забот актуальна одна - решить, на каком пля-же мы проведем этот день.

Отплываем подальше от рифа. Под нами ва-луны и расколотые куски скал, а между ними пло-щадки совершенно белого песка. В такой прозрач-ной воде глубину определить трудно. Ну, это мы сейчас проверим. Глубокий вдох. Резко сгибаюсь в поясе, выбрасываю ноги вверх и пошел. Я без ласт, поэтому иду довольно медленно. Нарастает боль в ушах. Сквозь резину сжимаю пальцами ноздри и резко выдыхаю носом - продуваю уши, выравнивая давление. Вниз, вниз.... Касаюсь дна рукой и посматриваю под козырек скалы. В сторону шара-хаются две разноцветные рыбки. Переворачиваюсь и смотрю вверх. В высоте надо мной на серебрис-то-голубой поверхности Яшка. Хорошая глубина - метров десять, не меньше. Поднимаясь, загребаю одной рукой и начинаю вращаться вокруг своей оси. Просто так, чтобы более полным было ощуще-ние полета.

На поверхности резко выплевываю из труб-ки воду. Она очень соленая, такая соленая, что мо-жет и затошнить, если наглотаешься.

Приподняв маску над водой, определяюсь. За риф мы проплыли в проход между двумя торча-щими над водой скалами. Дальше риф тянется над поверхностью. В середине есть еще один проход, но сейчас отлив - может там и не проползешь. Бо-сиком по кораллам не пройдешь - все ноги изре-жешь. На Яшке специальные тапки для ходьбы по кораллам, а я поленился одеть. Я думаю, мы спо-койно проплывем вдоль скалы, посмотрим, что в пучинах творится и вернемся на мелководье с дру-гой стороны.

Возвращаемся поближе к рифу. Хоровод диковинных коралловых рыб. Ярко синяя рыба-попугай, желто-черные полосатые рыбки... есть полупрозрачные, есть желтые с черным пятном.... На нас особого внимания не обращают. Чуть ниже проходит плотная светло-желтая стая из сотен рыб. А сбоку несколько мелких барракуд. Яшка показывает пальцем вниз. Это наш код - он со-общает, что хочет нырнуть. Внизу песчаная про-галина. Вряд ли он донырнет до дна, но пусть по-пробует. Киваю головой и показываю ему пальцем вниз.

Яшка уходит в яркую прозрачную голу-бизну. Вижу, как он продувает уши, так же, как это делал я. Внимательно наблюдаю и посматриваю вокруг.

Страшновато мне. Он никогда так глубоко не нырял. Там метров шесть. Для одиннадцатилет-него мальчишки очень много. Мне бы в свое время так нырять! Но у меня не было рядом папы, кото-рый бы мог научить всем хитростям и премудрос-тям этого дела. Да и маски для ныряния появились в Союзе чуть позже, когда мне было лет четырнад-цать.

Мы с Яшкой ныряли в чистых холодных озерах Миннесоты. Сын два лета прилежно пости-гал все, что я ему показывал, в ожидании именно вот этого времени.

Протягивает руку, касается белого песка и вверх. Умница, сынок! Теперь только держи дыха-ние. Нужно было резко гребануть руками, чтобы набрать скорость. А там она будет сама нарастать, пока трубка не начнет вибрировать.

А вдруг ему не хватит воздуха? Вдруг он наглотается воды?

Давай, давай, сынок, чуть-чуть осталось...

Выскочил на поверхность рядом со мной. Лежит на воде, отдыхает, раскинув ноги и руки. Показываю большой палец. Маска скрывает вы-ражение его мордаши, но по глазам вижу, что улы-бается, довольный.

Не спеша плывем вдоль скалы. Справа дно уходит вниз в голубую глубину. Я очень внима-тельно посматриваю туда. Акулы здесь есть. Мы их видели с катера позавчера. Здесь есть катера, в днище которых вделаны большие прозрачные окна. Вместе с другими любопытствующими нас отвезли к рифу - не этому,

другому. И вот там, где глубина более приличная (но дно, все равно, хорошо видно) среди других рыб явились нам и долгожданные двухметровые акулы. С катера рассматривать их было захватывающе интересно - как в аквариуме. А в воде я не хочу ни с какими встречаться. Правда, по всем данным, это не опасные для человека аку-лы-няньки, но я вам не капитан Кусто. Плавать мне приходилось в пяти морях и одном океане, но, прежде всего, в родном Черном море, а там из акул только катран обитает, да и его мало, кто видел. Так что к соседству акул я непривычен.

Внизу материализуются четыре черных при-видения. Скаты. Они появились из-за выступа в скале. Скользят вдоль дна друг за дружкой, плавно взмахивая краями своей мантии. Черные с мелкими белыми пятнами. Очень тонкий длинный шип хвоста. Большие, наверное, не меньше метра в диа-метре. Заворожено слежу за их полетом. Совер-шенно неземные существа, прямо-таки, пришель-цы.

Яшка что-то хочет мне сказать. Поднимаю голову, вынимаю изо рта трубку.

- Что, сынок? -

- Папа, пошли обратно. -

- Сына, они не опасные, не бойся. -

- Я все равно боюсь. -

До проема в скалах плыть не так далеко. Черт его знает, удастся ли пролезть там...

Говорю сыну: - Ладно, пошли. -

Неспешно плывем, рассматривая водоросли и мельтешащую вокруг живность. Край рифа. При-держиваюсь за коралловый куст и намечаю себе путь. Вроде слева поглубже и огонь-кораллов не видно. Проскальзываю туда. Мелко, но плыть мож-но. Дальше дно чуть понижается и можно уже плыть спокойно. Сбоку Яшка что-то возбужденно гугукает в трубку. Что ему нужно? Поднимаю го-лову. Яшка кричит: «Папа, папа, осьминог!» Пока-зывает рукой на камень.

Дела! Камень ходит ходуном, а сбоку ме-шок лазоревого цвета. Точно, осьминог! Наблюдаю, затаив дыхание. Маленький осьминог уже весь на виду. Мешок с извивающи-ми-ся щупальцами выбирается из-под камня, от-талкивается от песка и удирает от нас с удивитель-ной быстротой. Мы плывем за ним. Вот он уже среди коричневых кораллов и прямо на глазах из лазорево-голубого превращается в коричневого. Притаился.... Я так и не рассмотрел его клюв. Те-перь это опять просто мешок - только коричневый. Вдосталь насмотревшись на морское диво, показы-ваю Яшке, что плывем дальше. Вот и поля морской травы, а там и песок, где можно встать. По пляжу где-то бродят Света с Алиской, собирая раковины и прочие дары моря. Сейчас на песочке покурю, пожарюсь и опять в воду.

И день еще впереди долгий-долгий.

Миннесота
Январь 2004

Гладкие шкуры в виртуальной реальности

Из всех парадоксов американской жизни са-мые причудливые дарят русская пресса и телевидение. Недавно я раздвинул горизон-ты нашего соприкосновения с далекой Родиной и добавил к трем имеющимся русским телеканалам еще и четвертый, а именно, 1-й канал Российского телевидения. Все прекрасно - "Что? Где? Когда?", концерты, фильмы, детективчики... Но с самого первого дня смущает меня одно

обстоятельство - реклама почему-то на украинском. Да, на первом канале российского телевидения украинская рек-лама.

Почему? Да откуда мне знать, и мне ли срывать покровы с непостижимого и сокровенно-го? Там, в космических просторах, в точке над Те-хасом, где витает спутник телесвязи, что-то не так сошлось, и меня услаждают чистопородным ук-раинским языком (которого я, естественно, не знаю). А может, и в Москве уже смотрят первый канал с украинской мовой. Все может быть, почему бы и нет? В материальной реальности от таких дел, конечно, глаза на лоб полезут, а виртуальная - она же сказочная, что ж изумляться-то, да руками ма-хать? Восприми, как данность и возрадуйся.

Да и клипы, собственно, очень миленькие, грех жаловаться.

Лощеный бизнесмен восклицает с горькой обидой: "Так це шо, нэ мыргородська? (это он о минералке, которую ему подали). А подавленные подчиненные в растерянности отводят взгляд....

Девушки в розовом мчатся в открытом авто-мобиле. Почему-то там же, прямо в кабриолете, они, сверкая улыбками, энергично бреют ноги. Выбрасывают на ходу свои воздушные одеяния (очевидно, в экстазе от того, что, наконец-то, у них больше не лохматые конечности). Авто замирает на берегу океана; дамы с визгом устремляются к воде. Голос за кадром возвещает, что при пользова-нии именно этой маркой бритвы ваша "шкира будэ гладэнька".

Очень, очень мило.

Меня на полном серьезе разводят на соус "зо шматочкамы овощив", а мне смешно. Я не ви-новат. Понятно, что это другой язык и слова, кото-рые для меня звучат смешно, на украинском совер-шенно нейтральны.

Ну и хорошо, пусть так. Значит, так надо. Просто каприз виртуальной реальности.

На канале RTVI в программе новостей вна-чале идет Америка, потом Израиль и лишь за этим Россия. Очевидно, основной контингент русского-ворящей Америки каким-то образом связан с Из-раилем, и новости оттуда особенно волнуют рус-скоговорящих. Ну и пусть - не с парагвайскими же вестями меня знакомят? Да и вещают они на рус-ском, а не на иврите.

Но наша родная реклама оставит всех по-зади. Во время поездок в России я прошу не пере-ключаться на другой канал, когда начинается блок рекламы. Мне она очень нравится. Я смотрю эти клипы вместо юмористических передач, которые удручают клиническим идиотизмом.

Правда, раньше реклама была еще звонче. Лет десять тому назад был явлен дивный клип, в котором мужики в синих

комбинезонах пели что-то о прохладе в жаркий день и завершали куплет при-зывом: "Обращайтесь на Московский вентилятор-ный завод". Здорово!

На русских каналах Америки всегда есть, чему порадоваться. Например, прекрасна реклама мехов магазина "Манзари", где девочки-продавщи-цы играют роль моделей и неуклюже крутятся в меховых шубах перед камерой. Или кефира - там целая семейка выступает.

А юная особа в рекламе телефонной компа-нии Primus ("Примус", значит)! Красивая, но груст-ная блондинка сообщает, что перепробовала все - пока не остановилась на "Примусе". Бедная, бедная ты моя... Сколько же довелось тебе испытать, что-бы перепробовать все. Куда-то она в последнее время запропастилась. Может нашла на свою голо-ву что-то, еще не испробованное, ну и, вот, - исчез-ла.

Настолько все это наивно и трогательно не-профессионально, что хочется смотреть и смот-реть. На таком прекрасном фоне американская рек-лама, которая тоже на наших каналах прорывается, выглядит просто ненужным элементом. Хотя есть определенная интрига в том, что деловая дама под-шивает на себе юбку прямо в офисе мини швейной машинкой (всего лишь за 14.99). Или - цветущий тридцатилетний джентльмен с волевой челюстью горделиво сообщает, что "Виагру" ему доставляют прямо на дом без всяких задержек. Хочется состра-дательно прижать его, бедолагу, к своему плечу. Эх, мужик, мужик, разве такими заботами была у меня голова забита в твоем возрасте? За что ж тебя жизнь-то так? Горемыка ты моя, чисто выбритая...

Бывают, конечно, и в американской рекламе захва-тывающие моменты, но... Но не то, не то. Не хвата-ет им искры юмора - будто они, обитатели вирту-ального мира, воспринимают его как реальный.

Так вот, возвращаясь к нашим гладкошку-рым (в смысле, "шкирым") дамочкам... Почему только Украина? Уж раз погружают в мир чужих языков, я бы с удовольствием смотрел рекламу гру-зинскую. Или туркменскую, или молдавскую. К че-му эти убогие ограничения? Иногда я ухожу с рус-ских каналов и переключаюсь на индийский. И смот=рю индийское кино. Вовсе не нужно мне знать хинди, чтобы насладиться чудесными филь-мами про неземную любовь и дивными песнями, которые герои исполняют, бегая в любовной исто-ме между апельсиновыми деревьями..

Кроме телевидения много радостей несет такая, казалось бы, прозаическая вещь, как русский телефонный справочник.

Примерно половину справочника занимает реклама.

Сколько же вокруг замечательных людей!

Особенно хороши риелтеры. Вот, послушай-те:

"От халупы до поместья

Мы пройдем с тобою вместе" .-

Ну? Как? И бородатый мужчина с реклам-ной страницы протягивает вам чудный дом на зо-лотом подносе. Класс же, ну класс, согласитесь!

Вечное счастье пообещают и фотоаппарат бесплатный могут предложить клиенту - "...седло большое, ковер и телевизор, подарок сразу вручат, а может быть вручат".

Реклама риелтеров читается легко и подни-мает настроение лучше любого шампанского.

На фоне этой разудалой кампании слишком уж серьезным выглядит следующее по численнос-ти войско - адвокаты. Какие-то они все похоронно-серьезные. Пыжатся всё, хмурятся солидно.... Буд-то мы не знаем, чего они хотят. А мы знаем - хотят они ободрать нас, доверчивых (и обдирают, не-смотря на наше знание).

А вот и шедевр виртуального мира. С гор-достью предлагаю рекламу финансовой конторы, которую рекламирует консультант по имени Лари-са . Не могу удержаться и привожу отрывок пол-ностью. Уж очень хорошо:

"Prudential и ее представители не дают юри-дический или налоговый совет. Как и большинство контрактов, наши контракты содержат исключе-ния, ограничения, уменьшение бенефитов и тер-минов, чтобы они работали. Я буду рада обсудить с вами детали.

Страховые продукты выпускаются Prudential Insurance Company of America. Инвес-тиции предлагаются через Pruco Security Corporation (член SIPC). Обе являются компаниями Prudential, каждая компания отвечает за свою буду-щую финансовую ситуацию и обязательства по контрактам... "

Дальше разум подергивается туманом и от-казывается служить.

Во, дает Лариса!

Наткнувшись на это сообщение в первый раз, я почувствовал себя первооткрывателем в пе-щере с древними иероглифами.

Затаив дыхание, с умилением перечитываю еще раз. Так, значит, "..... содержат исключения, ог-раничения, уменьшение бенефитов и терминов, чтобы они работали...."

Потряс головой. Ну-ка, водички глотнуть, пальцем по строчке, чтобы не перепутать и еще ра-зок: "содержат исключения... работали...детали"

Нет, в какой-то момент в ушах звон и пере-клинивает. Так и

не расшифровал. И осталась скрыта от меня блистательная истина о бенефитах и терминах.

Вот-вот, так и нужно - чтобы ни одна собака ничего не поняла! Кого-то я, может, в телефонном справочнике и упустил, но уж никак не Ларису с ее Prudential. Она мне сейчас как хороший друг. Ясно, что это рабский подстрочник с английского. Но уж очень хорош... Ничего не понял, а дух захватывает, неизъяснимый восторг и мурашки почему-то по ногам.

Не буду пересказывать содержание всего справочника, суть вы и так знаете: Качественный товар, самые низкие цены. (Там и моя притаилась насчет переводов: "Кратчайшие сроки, Гарантия беупречного качества", - все, как у людей, а вы как думали?).

В конце справочника раздел "Who is Who" в русскоговорящей Миннесоте. Хит-парад наших. Окаывается, никто не занимается бизнесом ради прибыли. Все работают на благо людей, чтобы друим лучше жилось.

У всех поголовно высшее образование. Осо-енно умиляет, когда встречаешь там знакомых. До-одлинно знаю, что с образованием у моего друга не очень -то. Но в Who is Who черным по белому – та-ой-то колледж, мол, в таком-то году. И все дела…

А, почему бы, собственно, и нет? Ну, желает человек именно так себя видеть, и все тут. Это же мир виртуальный. Мы же не обижаемся на Кощея Бессмертного и не удивляемся, что лебедь белая о землю грянулась и девицей оборотилася….

И здесь все нормально. Гладкошкурым легко и радостно, нам весело и солнышко, вроде, ярче светит.

Миннесота
Июнь 2004 г.

Ненавистная Россия

Нелюди загнали сотни детей и женщин в школьный спортзал, расставили вокруг ми-ны, а потом взорвали у них над головами крышу и расстреливали из автоматов спасающихся.

Заявление Ахмеда Закаева: "Это сделали доведенные до отчаяния чеченцы". -

Каждый нормальный человек по своей при-роде испытывает любовь к малышам - котятам, щенкам, козлятам. Каждый любит своих маленьких и слабых детенышей.

Взрослые, мужчины, стреляющие в безза-щитных женщин и детей. Целятся в маленькие фи-гурки и нажимают на курок. Как в тире. Может еще и смеются.

- "Это сделали доведенные до отчаяния че-ченцы". -

А раньше доведенные до отчаяния захваты-вали в заложники больницы с роженицами, кон-цертный зал... взрывали дома вместе с жителями, самолеты...

Теперь перед нами зепредельное. Священ-никам, пасторам и иже с ними нет нужды пугать паству ужасами Апокалипсиса. Вот оно, олице-творение кошмара - взрослые мужчины, хладно-кровно стреляющие из автоматов в спины детей. Женщины, матери, взрывающие крышу над го-ловами у детей. Это и есть Апокалипсис, это и есть то, что не могло и придумать воображение.

Запад не молчит, Запад реагирует. Акку-ратно сообщается, сколько погибших, сколько раненых. Просчитываются шансы Путина, анали-зируются возможные последствия для политики России. И государственные деятели высказывают вежливое сочувствие.

Если бы американских детей загнали в спортзал, а потом расстреливали, мир бы взорвался негодованием. И ракеты полетели бы в далекие края. И мир бы это поддержал. А кто не поддержал, тот промолчал бы.

Но ведь это не в Америке. Это Россия.

Совет Европы потребовал объяснить боль-шое количество жертв.

Потребовал. От России. Объяснений.

Им как-то в голову не пришло сказать: "Мы с вами, это наше горе. Это общечеловеческое горе. Мы тоже виноваты. Мы пригрели у себя всю эту свору. Мы даем политическое убежище террорис-там. Мы вскармливаем их, финансируем и укры-ваем". -

Не скажут. Это же окровавленных российс-ких детей несут бегом к машинам "Скорой помо-щи" по улочкам неведомого осетинского городка Беслан. Это российский мальчишка на вопрос, что они ели и пили два дня в этом жутком спортзале, отвечает: "Некоторые мочу пили".

Представьте на минутку, что собрались сильные мира сего задушевно за рюмкой шнапса или, скажем, кружкой эля. И отбросили мужики всю словесную шелуху и завесы дипломатических формулировок. И после второй или третьей, или пятой, задушевно обняв за плечо собеседника ска-зали бы наши друзья президенту России: "Послу-шай, Вова! Мы тебя уважаем, но зачем вам Кавказ? Ведь вы отдали Среднюю Азию. И ничего, нор-мально. И Закавказье отдали. А сейчас упираетесь. Отдайте Северный Кавказ и вам будет спокойно. А нефть вам, что она? У вас, вон ее, навалом. А так, смотри - самолеты у вас взрываются, и в метро взрываются, и школы взрываются. Сплошная го-ловная боль. Ну?" -

Нет, не будет такого мужского разговора по душам. Будут заявления о борьбе с международ-ным террористам и вежливые объяснения, что не могут они у себя прикрыть всякие "Кавказские землячества" и прочее гадье, через которое идет финансирование джигитов в Чечне. Никак нельзя. Демократия, потому что. Да и люди они, мол, ти-хие, по гуманитарным делам все больше...

Ладно, политические соображения мне еще понятны. Кому нужна сильная Россия? Да никому, кроме России. В идеале им нужно семьдесят удель-ных княжеств, которые дрались бы между собой за подачки международной помощи.

Но ведь это еще не все.

Я часто думаю: за что же Запад всю историю ненавидит Россию? Это началось не вчера и, даже, не сто лет назад. Как-то мне попала в руки вторая, нечитанная до этого, часть моей любимой книги детства о приключениях Робинзона Крузо. Там его на склоне лет заносит в Россию. И англи-чанин Даниэль Дефо устами своего героя с презри-тельной ухмылкой описывает дикие нравы зверо-подобных московитов и простодушно радуется то-му, как шведский король Карл разгромил русские орды под Нарвой, загнав их вновь в леса и болота.

Практически все, что я читал на Западе о России и о нас, пронизано, мягко говоря, непри-язнью. Какая-то полная атрофированность чувства сострадания, как только речь заходит о России.

Когда разворачивалась драма в театре "Норд-Ост", я работал с русской делегацией здесь, в Миннеаполисе. Мы посещали разные организа-ции, встречались со многими людьми. За все эти дни из сотен встреченных американцев лишь ОДИН выразил нам сочувствие.

Так почему же Россия ненавистна Западу? Может быть, дело в ее огромности? Да нет, не мо-гут сами по себе географические размеры кого-то пугать. Огромной массой населения? Тоже нет. Нет этой массы. Какая уж там масса!

Не знаю я ответа. Он должен быть, но я его не знаю.

Нацистов, уничтоживших миллионы, осуди-ли. А потом, как-то, вроде, и простили. А вот Рос-сию, которая спасла мир от этих нацистов, поло-жив в землю десятки миллионов своих людей, не простили. О ней только скривив рот или с презри-тельной усмешкой. Об эсэсовцах пишут с умиле-нием. О наших - все больше напирая на зверства красных орд в Германии.

Нас можно. Можно отрезать головы плен-ным, снимать это на видеопленку, а потом пока-зывать по телевидению - со звуком. Можно гневно осуждать наших солдат, которые этих гадов при-стреливают. Можно объяснять, что борцы за сво-боду мстят за

зверства.

Правозащитники ночей недосыпают, радея о правах чеченского народа. А почему бы им не за-няться еще одной темой: например, куда девались тысячи русских мирных жителей, бесследно исчез-нувшие в Чечне в 1993-94м? Но это неинтересно и непрестижно. И кому это интересно?

Это же русские, что за них переживать! А вот зачистки, это да! Это жуть!

На днях я был на матче чемпионата мира по хоккею. Играли команды России и США. По ог-ромной спортивной арене небольшими группами и поодиночке наши болельщики. Наши ведут в счете.

Как только кто-то на аренах поднимает российский флаг, тысячи американцев начинают скандировать "U-S-A... U-S-A!!" - аж стены дрожат. Наши поднимают плакат: "Вперед, Россия!" Зал улюлюкает. Рядом со мной толстый прыщавый подросток орет: "Дави красных!!" Это значит, меня. И моего сына, который радостно размахивает российским флажком.

Да нет, я не провожу аналогии между реакцией зала на спортивном матче и событиями, несравненно более серьезными.

Просто, потаенное желание нас придавить проскальзывает везде, где выступающий или пишу-щий не опутан тяжкими веригами международного политеса.

Давите, ребята, давите! Только, наверное, опоздали. Раз недодавили Россию при пьяном Ель-цине, когда все, кому не лень, пинали ее со смехом, теперь уже, думаю, поздновато. Россия уже не на коленях.

Мстите нам за свой многолетний страх пе-ред Союзом? Так вы и сейчас нас боитесь.

Я думаю, умные дяди, защищая Америку, аккуратно прикармливают всю эту арабскую сволоту и подталкивают в сторону России. Лишь бы подальше от себя. Туда их, на Кавказ. А там гордые, "доведенные до отчаяния" борцы за сво-боду выбирают, в какой еще школе, в каком детс-ком саду удобней сотню-другую российских детей расстрелять. Но, ведь, российских же, не своих!

Миннесота
3 сентября 2004 г.

Дорога

Наверное, где-то в ветвях моего генетиеского древа среди листвы притаилось лицо цы-анкой национальности. Иначе, чем

бы объ-яснить пристрастие к перемещениям? Точнее, к дороге.

Ну, что особенного в продвижении из точки А в точку В? Да ничего. Вовсе ничего особенного. Но меня медом не корми, дай только сорваться и полететь к этой самой точке В.

Я возвращаюсь из Айовы. Три дня перево-дил в университете. А теперь домой. Правда, сдуру уже умудрился заблудиться. Вроде и свернул на нужный мне фривей, а он вдруг перешел в хайвей, а потом и вообще в деревенский проселок. И ока-зался я, как говорят американцы, "посредине ниче-го". Вокруг кукуруза да редкие фермы торчат.

И никаких городков вокруг, хоть бы на зап-равке карту Айовы купить, посмотреть, где я и как мне из этой идиллии выбираться.

На дорогу несет пыль от комбайнов, все вет-ровое стекло в останках безвинно погибших му-шек, мошек, блошек.... А я все еду и еду неведомо куда, как герои "Затоваренной бочкотары".

Вот, вроде и какие-то признаки цивилиза-ции. Как бы городок. А вон и заправка. Кстати, зап-равиться и правда не мешает.

На заправке, как ни странно, карты Айовы нет. Есть Иллинойса, есть Небраски, а вот Айовы нет. "А куда тебе?" - спрашивает мужик в красной бейсбольной кепке, услышав мой диалог с продав-щицей.

- Twins, Minnesota, - отвечаю.

Twins - Близнецы, точнее, "Города-близнецы", это вполне официальное название Миннеаполиса и Сент-Пола.

- Twins, Minnesota, а пока хоть до фривея добраться. -

- Ну, это запросто, так и двигай, не сворачивая, по 218-й, она приведет к 20-му фривею, а там до тридцать пятого. -

- Далеко до фривея? -

- Да миль двадцать. -

Пустяки....

"Держи" - высокий плотный старик, прохо-дя мимо меня на выход, протягивает сложенную книжечкой дорожную карту Айовы.

- Thanks a lot. Сколько я вам должен? -

- Ничего не должен. -

Продавщица, улыбаясь, говорит: "Это же Айова". -

В Миннесоте, выручив тебя , скажут: "Это же Миннесота". -

В машине рассматриваю карту и выясняю, где же я свалял дурака, где меня унесло с истин-ного пути. Приличный получился прыжок в сто-рону. Да, ладно....Цели ясны, задачи определены, за работу, товарищи!

Есть, вырвался на фривей. Можно разгоня-ться.

Ставлю скорость на автомат, снимаю ногу с педали газа. На гладкой дороге пустынно. Машина почти неслышно скользит. Однообразный пейзаж скрадывает ощущение скорости. Обычно в такой ситуации начинает клонить ко сну. Но не сегодня. Сегодня я как бы раздваиваюсь. Под звучащую в машине музыку я ухожу из реальности. Придержи-ваю руль, поглядываю вперед. Иногда вбок на ку-курузную равнину. Но это все рефлекторно. А сам я витаю неведомо где. Музыка, мысли, картины, картины, лица мелькают...

В Айову меня выдернули на три дня для синхронного перевода. В университете Айова-сити чуть ли не сильнейший в Америке литературный факультет. Кроме обычных студентов туда при-езжают на стажировки писатели и поэты из самых разных стран. Наших подопечных трое: Саша, Ди-ма и Катя. Два поэта и писательница. Моя напар-ница Маша уже неделю с ними, а я только на три дня.

Про поэтов сказать ничего особенного не могу. Не берусь судить о мощи их таланта, не моя это стихия. Один сутулый, картавит и удручающе серьезен, другой представляет лиц нетрадиционной сексуальной ориентации. О чем он, горделиво по-тряхивая вьющимися длинными волосами, с ра-достью извещает американскую аудиторию на вто-рой минуте своего выступления. Беспроигрышный вариант. Назовись гомиком, и тебя полюбят всей душою.

Оба говорят по-английски, один похуже, другой получше. Так что переводим мы в основном для Кати. Бывают и такие парадоксы в нашей рабо-те - два переводчика на одного человека. А с груп-пой еще и фасилитатор из Москвы, серьезная кра-савица Надя. А еще и Келли, координатор прог-рамм из университета.

Катя вначале показалась мне совсем некра-сивой, просто, даже, дурнушкой. Буквально через минуту, наоборот, лицо, вдруг, оказалось очень ин-тересным. Вроде бы застенчивая и замкнутая. Раз-говорились - совсем не так. Думал ей чуть больше двадцати - оказалось тридцать один.

Пишет с юности. Сейчас профессиональная писательница.

Любопытен ее рассказ о том, как она рабо-тает. Обычно я не запоминаю то, что перевожу. Но здесь мне чем-то запал нарисованный образ:

"Начинается все с возникшей неизвестно откуда картины. Например, с какого-то времени я вижу полутемную комнату и стол. Точнее, не весь стол, а только его угол, покрытый голубой ска-тертью с несколькими пятнами на ней. Свет лампы, голубоватая ткань и руки над скатертью. Гибкие руки. Я не знаю,

чью это руки и что это за комната. Но это толчок."

На второй день вечером приехавший в уни-верситет классик американской поэзии, Джон Эш-бери, читает свои произведения. Зал набит битком. Сидят в проходах, стоят у стены.

Рассматриваю аудиторию. Отвык я в Аме-рике от интересных лиц, да еще в таком количест-ве.

Назавтра нам переводить встречу Эшбери со студентами, поэтому больше всего меня он ин-тересует с практической стороны: как строит речь, какая дикция. Отвратительная дикция, голос глу-хой и говорит невнятно. То-то весело завтра бу-дет...

Теплым вечером возвращаемся с Катей и Надей в университетскую гостиницу. Остальные рассеялись, кто куда. Маша с Келли почему-то отправились в сторону центра. Сексменьшинство исчезло из зала еще во время чтения. Был еще сту-дент университета, словак Михал, который явно неравнодушен к Кате, но тоже затерялся в толкучке выходящих из зала студентов и преподавателей.

Болтаем о том, о сем. Катя и Надя внешне совсем разные, но, похоже, хорошо поладили друг с другом. С ними легко. Какие же они СВОИ! Приятно расслабиться и отключить внутреннего цензора, который в общении с американцами бди-тельно следит, чтобы ты не ляпнул что-то полити-чески некорректное или неуместное в их культуре.

На следующий день, отмучившись с перево-дом динозавра американской поэзии, прощаюсь с Катей и Надей.

- Удачи вам, девочки, и счастья. -

Закидываю на плечо сумку с причиндалами для синхронного перевода и бреду вниз по склону холма к закрытой парковке. Вещи уже в машине, пора в путь-дорогу.

К чему я об этом? Да, ни к чему. У вас разве воспоминания возникают к чему-то?

К чему, скажем, меня заинтересовал зеле-ный чистенький тракторочек "Джон Дир" на трейлере трачка, который я сейчас обгоняю?

Слева от фривея что-то вроде завода. Трубы торчат. Хочу прочесть название города на типич-ной для Америки водонапорной башне в форме гриба, но не успеваю.

"За мною зажигали города,

Глупые, чужие города."

Не знаю, насколько глупые они, эти города. Не берусь судить, какой город глупее: Блумингтон или Серпухов, Рокфорд или Усть-Лабинск.

А вот чужие, точно. И любопытства не про-буждают.

Маленький американский город это оли-цетворение великого стандарта. Побывав в пяти, знаешь, какие остальные пятьсот тысяч

Интересны бывают названия, например: "Маленькая коричневая церковь". Да, так и назы-вается городок - Little Brown Church.

А кроме названия любопытного там ничего нет - будь это Ватерлоо или Сиу-Сити, они как братья-близнецы. Ну и размеры, бывает, вызывают глубокое уважение.

В позапрошлом году в своих скитаниях по Миннесоте я наткнулся на городок Рай (Paradise) с населением 175 человек.

Городки трепыхаются, городки стараются привлечь к себе внимание. Например, сообщением, что здесь находится крупнейший крытый мост в Америке. Крытый мост больше напоминает красный товарный вагон без колес и с отпилен-ными торцевыми стенками. Но раз уж тебя сюда привели, нужно демонстрировать энтузиазм. Надо же! Какой же он крытый, этот совсем крытый мост!

В одном городке с гордостью демонстриру-ют крупнейший в мире моток шпагата. Какому-то придурку больше нечего было делать, и он двад-цать лет мотал шпагат. Теперь этот клубок выстав-лен на обозрение в стеклянном кубе на обочине до-роги. Рядом вся информация: каков диаметр, сколь-ко ушло шпагата, краткая биография творца. Фото-графия, естественно. И буклеты есть, и, даже, буд-ка с величавой надписью "Информационный центр".

Иногда дорога и правда принесет тебе что-то необычное, о чем слышал, но никогда не видел. Например, выведет к амишам. Это выходцы из Швейцарии, которые пытаются в XXI веке жить, как в XVIII. Они живут в нескольких штатах, в том числе и на юге Миннесоты. Очень интересная сек-та. Зажмурились люди и сказали себе: "Давайте представим, что ничего этого нет. Ни самолетов, ни машин, ни ядерных электростанций. И пусть те, кто вокруг нас, тоже поверят, что мы этого ничего не видим". И стали так жить, зажмурившись.

Их одноконные крытые черные коляски можно видеть на улице. Сами амиши бородатые, в черных шляпах. Девушки в чепчиках.

Хорошие ребята и глаза добрые, но....

Какие-то они недомытые и с признаками вырождения. Недомытые - это понятно, электри-чества-то не признают, а дровами замучаешься воду греть. И признаки вырождения объяснимы: ведь браки заключаются только внутри своей общины. А сколько их в Миннесоте в районе Хар-мони? Мне

говорили цифру, но я ее не помню. Ну, тысяча, допустим. И живут они здесь лет сто пять-десят. А до этого так же обитали в Швейцарии – могучей кучкой. Во главе общины выборный епископ. Школы у них свои. В одной школе все вместе, с первого по пятый класс. Один учитель наставляет маленьких амишей в чтении, письме и сложении. И все, на этом образование их заканчивается. Собственно, это нарушение федерально-го закона об обязательном среднем образовании, но правительство включилось в игру амишей и, за-жмурившись, делает вид, что ничего необычного не замечает.

Что-то у них любопытное с языком. То ли говорят они на верхнегерманском диалекте, а Биб-лия у них на нижнегерманском, то ли наоборот.

Всех неамишей зовут "англичанами".

Но сейчас я в стороне от этой местности. Там, где еду я, вообще ничего не происходит. Для меня лично сейчас важно, что скоро 20-й и 27-й фривеи будут расходиться. В своем отключенно-задумчивом состоянии можно после развилки не на той дороге оказаться. Усилием воли возвращаюсь в реальность и внимательно посматриваю на знаки. До развилки 2 мили.

Ну да, 27-й влево, а 20-й прямо. Значит, дер-жись правой полосы. Нужно только эту фуру обогнать. Огромный трак с ярко-синим контейне-ром прет почти с такой же скоростью, как я - где-то 120 км в час. Спутная струя от него болтает мою машину. Давай-ка прижмем. Обгоняя, смотрю, от-куда он. Онтарио, Канада. Далеконько тебе, друг. Обойдя трак, бросаю педаль газа, скорость падает, но, послушный указаниям автомата, мотор разго-няет машину до отметки 75 миль и послушно дер-жит эту скорость. Еще 60 миль и я буду на 35-м. А там вообще забот никаких до самого дома.

В дальней дороге всегда присутствует под-спудное ожидание чего-то неожиданного, какого-то поворота событий.

А если и нет, все равно рано или поздно что-то лю-бопытное встретится.

Например, вдруг откроется слева казино "Остров сокровищ", поманив призрачной возмож-ностью быстро решить все проблемы.

Казино - это индейцы. Лишь в одном штате, Неваде, казино можно открывать, где угодно. В других же штатах они запрещены. Но маленький нюанс - у каждого индейского племени есть свой договор с федеральным правительством. Каждое племя считается суверенным государством, на тер-ритории которого действует лишь определенная часть федеральных законов.

Поэтому на территории резерваций казино открывать можно. И открывают. Это манна небес-ная для данного племени. Есть индейцы и среди персонала казино.

В больших городах если индейцев и ви-дишь, то, по большей части, в крепенько поддатом виде в трущобах.

В резервации заезжать никто не запрещает, но особенно привлекательного там ничего нет. Все драное, все обшарпанное, мусор валяется, ржавые скелеты машин.

Хотя, например, в индейской резервации Миллак современнейшая новая школа. Оттуда я привез учебник языка оджибве. Оджибве живут в северной части Миннесоты. Учебник называется "Baswewe" - "Эхо". Начинается он песенкой под названием "Nimaoominikemin" или "Мы собираем рис".

В традиционном своем красочном обличии индейцы предстают только во время пау-ау.

Большой пау-ау верхних племен дакота проходит в начале августа. Зрелище потрясающее красотой и необычностью. Меняющийся ритм ба-рабанов и нескончаемая песня, исполняемая очень высокими, резкими голосами. Вот они сидят - шесть человек в тени под навесом. У каждого меж-ду колен барабан. Песня и барабан завораживают. За певцами поле с врытым в центре столбом. На столбе, как ветки укреплены гирлянды из орлиных перьев. Воткнули их туда во время танца открытия пау-ау. Ни одно перо не должно коснуться земли. Если такое произойдет, пау-ау прекратится.

Идет по кругу нескончаемая процессия танцую-щих. Среди индейцев и индианок есть и белые, вот, например, русоволосая молодая жен-щина в вышитых бисером индейских сапожках, но с обычной дамской сумочкой на ремне. Некоторые индейцы в полном праздничном наряде - сейчас перед нами, притопывая, проходит полуголый ста-рик с брон-зовой кожей. Классическое лицо с рез-кими чер-тами. Длинный плюмаж из перьев. На груди и на спине что-то вроде круглой мишени - тоже с перьями. На ногах мокасины. В руках подо-бие марака-сов.

Яркие краски перьев, разноцветный бисер, расшитые платья.

Большинство в традиционном костюме пле-мени, но попадаются и варианты, допустим, клет-чатая ковбойка и плюмаж на голове. Танцуют ма-ленькие дети, танцуют толстые старухи. Вот две проходят мимо нас. Именно проходят, обозначая ногами и поворотом рук нужные движения танца.

Женщины танцуют свой танец, мужчины свой. Процессия идет в танце круг за кругом. Их сотни две. Меняется ритм барабанов и пения, ме-няется ритм танца. Черноволосая девочка

лет две-надцати в расшитом бисером розовом платье, рас-кинув руки кружится. За ней коренастый парень в джинсах, мокасинах и с огромным красочным плю-мажем. У него танец другой: резкие движения, по-лусогнутая спина, согнутые в локтях напряженные руки, прыгает с правой ноги на левую, приседая.

И так час за часом.

Это не для туристов, Да здесь и нет никаких туристов. Роща милях в десяти от маленького го-родка Гранит-Фоллс на границе Миннесоты и Юж-ной Дакоты. Хочешь смотреть, смотри. Хочешь плясать - пляши. Это твое право. Это пау-ау, празд-ник мира, поминовения предков и обращения к ду-ховным силам.

Одни выходят из круга, другие заходят – ин-дейцы, белые.

Уже пора ехать, но стоишь завороженный древней музыкой, ни на что не похожим пением и танцем. Понимая, что это настоящее. Это и есть та самая индейская Америка, почти исчезнувшая, но, вот, как видите, тонким ручейком пробивающаяся к жизни.

Который час я уже еду по Айове. Почти весь штат по диагонали пересек. Ломит спину, на-тирает ремнем шею. И вот впереди большой щит "Миннесота приветствует вас!" Ух, почти дома. Первая приятная новость - ограничение скорости уже не 65 миль в час, а 70. Естественно, я сразу ус-танавливаю свой автопилот на 80. Еще часика пол-тора и можно будет разогнуться и потянуться.

Два-три дня и мне опять захочется куда-нибудь ехать - чем дальше, тем лучше

Миннесота
Октябрь 2004

Моя жена и пятый океан

Теперь, обращаясь мысленным взором к сине-му небу, я ищу там не перистые облака и не кучевые. И даже не птичек. Я ищу там взо-ром свою жену. Да, да, именно так, поскольку Све-та где-то там, на просторе, в американском небе между Мексиканским заливом и тихоокеанским побережьем Канады. Иными словами, летает над Америкой, как белая лебедь или, скажем, как муха-дрозофила.

Моя жена - стюардесса.

Иногда мне просто любопытно, сколько еще причудливых узоров сплетется на достаточно уже пышном многоцветье нашей

биографии. Может те-перь моя очередь стать, допустим, парикмахером для собак или водолазом-глубоководником?

Несколько лет Света работала в банке и за-нималась ипотечными ссудами (для живущих в Америке слово "mortgage" комментариев не тре-бует, как и название должности - "loan officer"). Чтобы сотрудникам жизнь медом не казалась, банк постепенно снижал и базовую зарплату, и процент комиссионных за сделки, а Света вкалывала все больше и больше - пока не перегорела.

И ушла из банка.

Потом, как водится, поиски подходящей ра-боты (подробности опустим). Однажды жена со смехом заметила:

- Здесь одна авиакомпания стюардесс на-бирает, попробовать, что ли? -

- А почему и нет? - беззаботно поддержи-ваю веселье я.

Пошутили, посмеялись. На другой день Све-та пошла на собеседование, прошла его - и, к своему изумлению, была тут же принята. Ей не позволили слишком долго пребывать в ошеломлен-ном состоянии, и сразу отправили на месяц на уче-бу в Мемфис, штат Теннесси. (Как кротко вырази-лась Света: "Даже мяукнуть не успела").

Ну, а там уж не до ошеломленности: из Миннеаполиса в шесть утра, через три часа группа прилетела в Мемфис, а в полдень начались заня-тия. И в таком темпе весь месяц.

О подобной интенсивности подготовки вне военной службы я нигде и никогда не слышал. Во-обще, в умении организовывать профессиональное обучение американцы кому угодно фору дадут. По себе знаю - за неделю впихнут в тебя столько зна-ний, сколько в России за три месяца не получишь. Но подготовка стюардесс превосходит все - по-моему, одной из задач является также проверка на способность сохранять работоспособность в экс-тремальном режиме (одним из требований, кстати, является наличие высшего образования). Месяц постоянного недосыпания и непрерывных тестов, лекций и практических занятий. Как пример: после лекционного дня, с пяти до одиннадцати вечера группа сдает очередной устный экзамен. Потом отправляется в ангар, где до двух ночи отрабатыва-ет на самолете всякие экстренные процедуры. В во-семь утра начинается письменный экзамен.

В Миннеаполис выжившие вернулись в эф-фектной униформе авиакомпании "Pinnacle". Смот-рю на счастливую Свету и вижу, что жена моя вымотана до предела. Думаете ей дали отды-шаться? Как бы не так! В восемь вечера дома, а в восемь утра быть в аэропорту - и в полет.

И пошло, и поехало...

- Ну, куда тебе сегодня? -

- В Пенсаколу, Флорида, думаю часам к пя-ти дома буду. -

Ближе в вечеру звонок на мобильник:

- Я в Миннеаполисе и через час вылетаю в Олбани, Нью-Йорк. Завтра утром обратно. -

На другой день к обеду:

- Слушай, я только что прилетела и сейчас лечу в Литтл-Рок, Арканзас. -

У меня непроизвольно вырывается дурацкое нервное хихиканье.

- А потом? -

- Не знаю, надеюсь домой. -

Естественно, добравшись вечером домой, Света буквально с ног валится.

Но вижу, что ее уже захватила эта жизнь - новые люди, новые места, все в движении, самостоятель-ность и ответственность. Плюс волшебная картина заката солнца из кабины летчиков. И фантастичес-кое зрелище ночного Нью-Йорка с воздуха.

Она, не переставая, рассказывает мне о пас-сажирах, летчиках, рейсах.... Ну, я и так знаю, что американцы просто идеальные пассажиры – дис-циплинированные, управляемые, с чувством юмора и не конфликтные.

Самое же главное, что Света ощутила воз-дух свободы.

Я-то живу вольным стрелком много лет, по-этому любые попытки загнать меня в офис, при-ручить и одомашнить, обречены на провал. Про-фессиональный переводчик фри-лансер - это кот, который всегда ходит сам по себе.

Каждому свое, и кто-то задыхается от ра-дости от того, что проработал тридцать лет в одном и том же сборочном цехе. Кто-то не может себе представить, что за окном возможна другая панора-ма, кроме ставшего родным силуэта соседнего офисного здания.

Если человека отделить от канцелярского стола и аккуратно отклеить его задницу от кан-целярского же стула (стараясь не повредить обив-ку), он, естественно, поначалу испугается и начнет судорожно цепляться за окружающие предметы, сопротивляясь отчуждению от привычной среды.

Но потом с удивлением и детским востор-гом отчужденный обнаруживает, насколько же, оказывается, интересно на воле. А если его вдоба-вок лишить такого элемента, как радость общения с многочисленным начальством, человек начинает понимать, почему многие согласны идти на самые трудные работы - лишь бы никто не дышал в заты-лок и не капал бы слюной на спину

(твою), загля-дывая с интересом через плечо, чтобы узнать, чем же именно ты в данный момент занят.

Конечно, за волю-вольную нужно платить. Платой может быть неопределенность будущего заработка (как, например, у меня) или бессонные ночи в дороге (у тракеров, то есть, дальнобойщи-ков), или полная реальность того, что проснешься ты в штате Аризона, а спать ляжешь в Вайоминге. И свинцовая усталость после четырех взлетов и посадок за один день.

Конечно, работа Светы открывает новые го-ризонты и для меня. Теперь я могу летать по всей Америке бесплатно, а это значит, я могу напраши-ваться на переводы в любой точке страны. Теоре-тически, мы вообще можем взять да и за мизерную цену махнуть на выходные на Сейшельские острова - искупаться, воздухом подышать....

Естественно, друзья и знакомые ахнули от такого кульбита - из лоун-оффисеров в стюардес-сы. А чего ахать-то? Все это полностью впись-вается в мою философию активного фатализма. Вспомните: бьешься, бьешься, чтобы куда-то прорваться, а перед тобой словно стена глухая. И совершенно непонятно, почему тебя не берут на работу, в которой ты явно смыслишь больше дру-гих. Почему все не ладится с бизнесом, в который ты с азартом бросился? Почему исчезают люди, ко-торые вроде бы так интересны?

Проходят месяцы, а, может, и годы, и, огля-нувшись, вдруг видишь, что, оказывается, через цепь мнимых случайностей судьба вела тебя к оп-ределенной точке, к тому, что твое.

Это вовсе не значит, что нужно прикинуться бревном на сплаве леса и, мерно покачиваясь на речной волне, плыть вниз по течению вместе с ба-нановыми шкурками, рваными ботинками и вся-кими использованными аксессуарами. И крыльями нужно махать, и конечностями всякие движения совершать. И мозгами шевелить, и планы строить. Но понимать, что будет так, как тебе определено.

Определено, скажем, было нам со Светой встретиться в свое время, и встретились. Судьба совершенно невероятным образом подвела нас друг к другу и сообщила: "Вот, это Юра, а это Света. Можете друг на друга посмотреть. С этого момента вы уж сами разбирайтесь, что у вас получится и что не получится".

А до этого я десять лет диву давался, поче-му в личном плане упорно наперекосяк все идет. Теперь-то я знаю, что шло именно так, как надо.

Такие вот дела. Так что жена осваивает пя-тый океан, а я привыкаю к ощущению тревоги за нее - так же, как привычно

тревожусь за детей.

Миннесота
Октябрь 2004 г.

Остров Мауи

Свершилось! В Монтане, близ городка с ласковым названием Анаконда, мне влепили тикет за превышение

скорости. Было, конечно, за что – в Миннесоте за такое превышение мне бы не только руки, но и ноги поотрывали, чтоб другим неповадно было.

Но, все равно, не такое уж событие, чтобы голосить о нем на весь белый свет. Ну, не было у человека тикетов, а теперь есть, приобщился, ну и что?

Необычность этого рядового происшествия заключалась в самом факте моего пребывания в тех краях. Как, собственно, мы с сыном, Яшкой, оказались на западе Монтаны в машине с номерами штата Вашингтон? Ответ вас несколько озадачит. Дело в том, что мы возвращались с острова Мауи.

Чево-о-о? Какой еще остров?

Остров очень красивый и находится в Тихом океане, там, где круглый год тепло, где ласковый океан и птички поют, не умолкая.

А Монтана-то здесь при чем?

Ну, что ж, давайте по порядку.

Сидим мы, как-то, со Светой в столовой, смотрим в окошко на наш лес и ведем тихую беседу о том, что следовало бы нам чего-нибудь эдакое вытворить до конца лета. Лето, ведь, вот, - проходит лето, - а мы все здесь, сидим и на лес смотрим.

Для безумств есть мощный стимул. Жена у меня стюардесса, что дает нам право на бесплатный пролет самолетами авиакомпании «Норт Вест» в любую сторону света. Но не часто такие возможности выпадают. То у меня работа, то Света занята. Кроме авиакомпании она еще и в банке работает. На днях я получил чек за делегацию узбеков, с которой отработал в Луизиане. Должен был в августе лететь в Мичиган, но что-то у группы с визами заколодило, перенесли эту работу на сентябрь. Так что свободен я, как ветер и финансовые заботы на данный момент семью не душат.

Света говорит:

- «Я, наверное, возьму отпуск на следующую неделю. Субботу и воскресенье я летаю, а потом можно на всю неделю куда-нибудь. Может, во Флориду?»

Нет, не пойдет. Во-первых, летом там жара и духотища. Во-вторых, я не знаю во Флориде мест, где можно с маской понырять, а без этого, что там попусту во водной глади руками-ногами колотить, пену вздымать? Так, баловство одно и томление духа. И, наконец, там летом ураган за ураганом. За неполных три недели, что я в Луизиане провел, два урагана по Флориде прошлось - в Батон-Руж гостиницы битком набиты спасающимися. Глянешь на номера машин на парковке – сплошь из Флориды, да из Алабамы, унесенные ветром, можно сказать. Отдохнешь там, взгромоздившись на пальме над обломками гостиницы… Нет, Флорида не годится.

- «А давай на Гавайские острова махнем ». –

Так… На Гава-айские острова… Махнуть….

- «Там, небось, рейсы переполнены и за гостиницу три шкуры с нас сдерут». -

- «Да нет, - уверяет жена, - Катька с Майком в апреле летали, так они вообще за 60 долларов за ночь останавливались.» -

Катька тоже стюардесса. Детей нет, поэтому они с мужем все время шастают туда-сюда. Сомнительно, конечно, насчет за 60 долларов, но…

Я уже загорелся. Изучив информацию, приходим к выводу, что самый интересный из доступных (доступных в том смысле, что есть рейсы «Норт-Вест Айрлайнс») нам островов Гавайского архипелага – это Мауи. Туда есть прямой рейс из Сиэттла. А до Сиэттла несколько удобных рейсов из Миннеаполиса.

Решено – Мауи! Алиска работает, да и вообще она домоседка великая и без телефона жизни не мыслит, а Яшка полетит с нами.

Через неделю из иллюминатора снижающегося лайнера рассматриваю приближающийся ко мне мир. В вечернем освещении синяя поверхность океана выглядит необычно, будто шкура носорога – вроде как сетчатая. Не могу понять, почему. Если из-за волн, то они должны как-то упорядоченно, рядами идти. Впрочем, мы уже совсем низко и странный эффект пропадает. А вот уже пена прибоя и земля навстречу бежит, близко-близко.

Аэропорт небольшой, но очень уютный. Первым делом, влача на колесиках чемоданы, идем в ту сторону аэропорта, где в ряд представительства агентств, сдающих в аренду машины. Пока арендуем машину, пока то, пока се, начинает темнеть. А по нашему времени, так и вообще уже час ночи – как-никак, пять часов разница.

Утром едем, куда глаза глядят. Рядом с аэропортом типичный американский городок, с «Вол-Мартом», заправками и Макдональдсом. А в бухте многоэтажные надстройки белого

круизного лайнера. И пальмы вокруг. Мы уже обзавелись картой острова и удобнее всего нам двинуться в западную его часть. Заодно может быть что-то присмотрим насчет жилья.

Дорога поднимается в гору, а вокруг, куда ни глянешь, сверкающий океан. Останавливаемся на обочине и смотрим вниз, на утесы в белой пене. А дальше в долине вроде деревушка, домишки видны. И тут, из очарования тропической природы, на нас нисходит озарение. Как всегда, озаряет Свету.

- «А зачем нам какое-то жилье, гостиница? Купим палатку, спальные мешки, и все» -

От неожиданной, прекрасной в первозданной своей простоте мысли я теряю дар речи. Сажусь на парапет, закуриваю «Мальборо», а через несколько секунд изрекаю:

- «Ты гений. С какой стороны ни прикидываю, а лучше ничего не придумаешь. Точно, ты гений, и не отпирайся». -

Возвращаемся в центр островной цивилизации и быстро находим «Сирс». Через сорок минут размеренной походкой пионеров-первопроходцев идем к машине, нагруженные. Итак, что берут туристы в дорогу на островах?

Палатка двухместная (ну, где два, там и трое уместятся) – одна штука

Мешки спальные – три штуки.

Маленькие подушечки – три штуки.

Фонарь электрический – одна штука.

Все.

Общие расходы – восемьдесят девять долларов шестьдесят центов.

- А как же, – спросите вы, – всякие плитки, ножи, вилки, сапоги кирзовые, ведро оцинкованное и прочее, прочее? - Да, никак, обойдемся.

Красивейшая в своей дикости западная часть острова уже осмотрена. Места сказочные, но все в частном владении – ни одного выхода к океану или возможности поставить палатку. Теперь отправляемся в другую сторону. Там на карте некий кемпинг обозначен, а за ним дорога пропадает.

Дорога в этой части острова только для мужественных. Видели, как мальчишки играют в водителей на игровых автоматах? Не переставая, азартно крутят руль вправо-влево…. Здесь приходится крутить точно так же, только всерьез. Опасная горная дорога, очень узкая. Напоминает мне серпантин между Адлером и Красной Поляной, и дальше на Эстонку и вверх. Я там работал в геологоразведке – как вспомнишь ту дорогу, так вздрогнешь и перекрестишься.

Ну, ладно, все дорога, да дорога… Главное, что попали мы в

рай земной. Без всякого преувеличения. Откройте любую детскую Библию, и вы обязательно увидите картинку Эдемского сада. Вот, это и есть остров Мауи. Опутанные лианами огромные деревья сменяются зарослями зеленого бамбука. Гигантские фикусы склоняются листьями к дороге. А за очередным поворотом вижу водопад. И все это в цветах, все на фоне океана внизу, под горой. Временами домики попадаются…Через час останавливаемся у яркого, крытого бамбуком киоска у дороги, в тени раскидистых деревьев. Кроме фруктов продают вкуснейшие фруктовые коктейли, которые молодой австралиец делает при вас из свежих манго, бананов, папайи и еще чего-то.

Еще через два часа проезжаем крохотный городок под названием Хана. Да, нет, зря вы так плохо о нем подумали. Ударение на первом слоге и городок, как и все остальное утопает в зелени и цветах. Заодно замечаю заправку, вывески магазина и ресторанчика. Это все нам пригодится.

Дорога кажется бесконечной. Я уже устал непрерывно крутить руль и тормозить перед участками, где машины не могут разъехаться на узком полотне. Наконец-то, вижу знак «Парк Кипахулу». Въезжаем. Останавливаюсь у домика с вывеской «Офис».

«Алоха!» - приветствует нас улыбчивая американка в зеленой униформе.

- «Сколько стоит разрешение на кемпинг»? -

- «Десять долларов на три дня».

Втыкаю бумажку разрешения за лобовое стекло. Возвращаемся в Хану и в местном сельпо отовариваемся продуктами и, главное, водой в бутылях - и для питья, и для умывания (воды в кемпинге нет).

В Кипахулу, следуя стрелкам-указателям, каменистой ухабистой тропой съезжаем вниз, вглубь парка. Вот и кемпинг. Большая поляна, в центре пластиковая кабинка с актуальными удобствами. А по краям с десяток мест для палаток. У каждого столик со скамейкой, грильница и контейнер для мусора. Большинство точек уже заняты. Устраиваемся под деревьями недалеко от въезда. Начинаем ставить палатку и обнаруживаем первое свое упущение. Комарики-то гавайские покусывают белого человека! Покусывают, гады!

Говорю бригаде: «Вы ставьте, а я в офис мотнусь. Может у них есть что-нибудь от комаров».

К моему удивлению офис еще открыт, хотя время седьмой час вечера. Та же улыбчивая женщина в ответ на мой, как мне кажется, неуместный вопрос добродушно отвечает: «Сейчас, я посмотрю. По-моему, где-то был у нас репеллант. Ага, вот», -

несет пластиковый флакон.

- Сколько с меня? -

- Нисколько, берите так. -

- Спасибо огромное, я верну, когда будем уезжать. -

- Да, нет, не нужно. У нас его много. –

Разбив лагерь, спускаемся к океану. Кажется, что волна небольшая, однако, о камни разбивается со всеми классическими эффектами: мощный столб воды, пена, брызги… Утесу справа от нас очень подошла бы фигура поэта, в пелерине и в задумчивости. Около этой скалы самые большие буруны и самым драматическим образом вздымается вверх пена.

- «А что там?» - это Яшка, показывает рукой в Тихий океан.

А что там – синь да волны, волны до самого горизонта.

- «Давай прикинем. Восток у нас там. Значит, в той стороне, куда ты показываешь, скорее всего, Япония. А вон там – Россия». –

- «Это близко?» -

- «Да, можно сказать, рукой подать – тысячи четыре километров. Рядом, сынок, кроме других островов, здесь вообще ничего нет. В какую сторону ни повернись, океан, да океан» -

Сидим на камнях, глядя на волны. Дует теплый соленый ветер. По камням быстро перебегают маленькие крабики. Уже стемнело, уходить не хочется, но кажется собирается дождик. Я заметил, что дожди здесь частые, но они короткие и теплые, и совершенно не мешают. А вообще на острове тепло, но нет жары и совершенно нет духоты, наоборот, почти везде ты ощущаешь свежий бриз.

И океан теплый. По дороге сюда мы остановились на пляже, где на волнах демонстрировали свое искусство серфингисты. Я, естественно, сразу же поплыл в сторону камней, чтобы посмотреть, что там на дне делается. А Яшка, надев маску, остался там, где песок, чтобы покататься на волнах. И покатался – одна из волн его хорошенько наподдала, сорвав с головы маску с трубкой. Сын расстроен до слез. Пытается искать маску на дне, но это пустое дело. Есть одна странность. Обычно, если берег песчаный, то вода из-за волны будет мутной. Вспомните, например, Анапу или пляжи Азовского моря. Здесь же, несмотря на довольно приличную волну, вода остается совершено прозрачной. Муть только у самого берега – именно там, куда унесло маску. Злюсь на Яшку, хотя откуда сыну знать, что хорошая морская волна может не только маску с головы сорвать, но, заодно, и трусы. Жалко маску. Я купил их две штуки в позапрошлом году в Архипо-Осиповке. Сделаны по заветам древних мастеров - овальное стекло в металлической окантовке и резина. Не так, как сейчас – с очками и в пластмассовой оправе.

Именно из-за того, что к лицу прилегает резина, а не пластмасса старого образца маски почти не протекают. Американские же текут, как решето, и не идут ни в какое сравнение. Пришлось, однако, купить в Хане две штуки – для жены и для Яшки. Может, если их вдумчиво подогнать, и сгодятся на что-нибудь.

Дождик прошел, и над кемпингом висит огромная яркая луна. Света спит, завернувшись в спальный мешок, а мы с сыном сидим на скамейке, рассматриваем звездное небо и тихо беседуем. Обо всем – о его школьных делах и о вселенной, о батискафах и мореплавателях прошлого.

Потом укладываемся и мы. Крохотная подушка слишком низкая для меня, запихиваю под нее свои кроссовки. Теперь мне уютно, и я быстро погружаюсь в сон. Погружение неожиданно прерывается, когда буквально над ухом слышится громкое: «М-у-у!» Яшка вскидывается, испуганный: «Что это?»

«Корова», - небрежно отвечаю я спросонок, хотя мычанье коровы в кемпинге на острове Тихого океана звучит чудовищно нелепо и неуместно.

- «А она на палатку не бросится? » -

- «Сынок, корова совершенно безобидное животное, и на палатки не бросается, как, кстати, и на людей». –

Откуда, впрочем, сыну, знать повадки коров? Мне же по ассоциации сразу вспоминается детство и станица Федоровская, где жили мамины сестры, и где я обычно проводил половину лета. Каждый вечер к возвращению стада хозяйки отворяли ворота. Стадо движется, в пыли, в блеянии, мычании и звоне колокольчиков, по усаженной шелковицей и вишней широкой станичной улице. Коровы и овцы самостоятельно поворачивают от стада и идут в свои ворота. Женщины, подбадривая, зовут их высокими голосами…. Запах пыли, навоза и полыни…

Опять мычанье – как кажется, прямо над ухом. Придется, наверное, эту идиллию прикрыть.

В свете фонарика вижу трех пегих коров, мерно шагающих вглубь кемпинга. Откуда здесь коровы, что они делают в кемпинге и почему разгуливают в темноте – непонятно. Вряд ли, собственно, они нам помешают; наша палатка здесь, а их дорога там.

Ночью несколько раз просыпаюсь от шума дождя. Палатка, вроде, не протекает. Утром просыпаюсь затемно – бодрый и свежий. Пока встают Яшка со Светой, пока то да се, начинает светать. По местному половина седьмого, по миннесотскому полдвенадцатого. Постараемся жить по миннесотскому, тогда не придется терзаться сменой времени после возвращения.

- «Выспалась?» - спрашиваю Свету

- «Вообще-то, да»

- «Поехали, для начала заедем на песчаный пляж, а потом в Хану, посмотрим, что там насчет завтрака» -

Песчаный пляж перед Ханой, мы его вчера видели его, но не остановились – дело к вечеру было. А вот сейчас посмотрим.

Пока собрали палатку, пока я аккуратно выруливаю по ухабистой дорожке из кемпинга, всходит солнце. На пляже никого. От всей души катаемся на волнах. С маской же там делать нечего: вода прозрачная, но смотреть не на что - песок, песок и песок.

Завтракаем в маленьком ресторанчике, где под навесом деревянные столы с длинными скамейками. Сюда то и дело залетают шустрые воробьи. Не боятся ничего, прямо с рук клюют.

Спускаемся к бухте Ханы. По словам местного мужичка, чтобы от души поплавать с маской, нужно идти вправо от парковки по берегу бухты.

Цепляясь за корни, поднимаемся на скалу, потом вниз, потом, поднырнув под ствол дерева, опять на скалу… и, вот, под нами крохотный пляжик. Скалы справа, скалы слева, а между ними метров тридцать красноватого песка, на который набегает волна.

Настал момент истины. Тщательно размазываю по внутренней поверхности маски гель, чтобы стекло не запотевало. Захожу в теплую воду, не торопясь, споласкиваю стекло, прилаживаю маску, чтобы резина плотно прилегала к лицу. Закусив загубник трубки, пережидаю волну, и пошел…. Чуть отплыв от берега, сразу понимаю, что все – свое место найдено, и отсюда по своей воле я больше никуда не тронусь. Кораллы, песок между скалами и масса разноцветных рыб. На берег вылезаю только для перекура.

Честное слово, лучше, чем на Багамах! Океан теплее и под водой больше разнообразия. В одну сторону более мрачные скалы и больше глубина. В другую – помельче и между кораллами поляны. От солнечного света по белому песку бегут веселые блики. И рыбы всеми цветами радуги сверкают.

Света и Яшка мучаются со своими масками. Хочу показать им самое интересное место, но на полпути Света поворачивает назад – текут очки. Потом меня покидает Яшка – очки запотели. Плыву и плыву над подводными садами, поворачиваю к самым скалам, о которые разбивается волна, потом опять от берега. Вдруг прямо под собой, на глубине метра четыре, вижу огромный якорь. Одной лапой врос в коралл, вторая косо вверх. Сбоку от веретена торчит металлический шток с набалдашником на конце. Все,

естественно, покрыто ржавчиной и каким-то морским пухом. Если я правильно оцениваю эту штуку, то якорь, скорее всего, с большого океанского парусника. С парусника, потому что такой шток характерен именно для якорей парусников. Парусник, скорее всего, конца XIX-го века. Нужно запомнить место, чтобы своим показать. Поднимаю голову над водой: передо мной на берегу четыре пальмы. Как мне кажется, прямо напротив третья слева. Теперь засечь с другой стороны – в отдалении виден причал в Хане. Запоминаю, как его отсюда видно. Под впечатлением от увиденного плыву обратно. Какое-то движение внизу привлекает внимание - вроде хвост странный мелькнул в расщелине внизу. Раскинув руки, зависаю над скалой и внимательно смотрю вниз. Ага, вот – пятнистая, похожая на змею рыба. Это мурена. Хищница еще та. Высунула голову из расщелины и посматривает по сторонам. Совсем рядом проплывают рыбы, но она их не трогает. Окраска зеленоватая с черными пятнами, голова, как у маленького динозавра и пасть приоткрыта. Хорошо, что небольшая, а то и мне было бы о чем призадуматься. Между скалами подо мной проходит стая полупрозрачных желтых рыб – сотни и сотни, плотным строем.

Свете так и не удается подогнать маску, чтобы она не текла, поэтому к якорю отправляемся с Яшкой. Нахожу его далеко не сразу. Кажется, место запомнил, но… . Уже хочу плыть дальше, к выходу из бухты, когда натыкаюсь на якорь – и опять неожиданно, и опять он показался зловеще-таинственным. Подзываю Яшку. Он в полном восторге и тут же спрашивает, можно ли нырнуть. А почему нет? Поднялись наверх, заплыли с другой стороны. Давай-ка теперь отсюда к нему нырнем. И тут Яшка на что-то мне показывает рукой. Ого – не хило! Под веретеном якоря большая мурена. Наполовину высунувшись, чуть раскачивается. Угрожающе полуоткрытая ослепительно-белая пасть. Как зачарованные рассматриваем тварь. А ведь я нырял к якорю с этой стороны, когда нашел его в первый раз. Интересно, она уже там была или недавно обосновалась?

На обратном пути к своему пляжику видим еще что-то интересное – кажется, осьминога. Щупальцев не видно, но пульсирующий коричневый мешок на виду. Ныряю, чтобы попробовать его выманить. Мешок мгновенно втягивается в расщелину между скалами. Пробую взять его измором. Несколько минут неподвижно лежу на поверхности, чувствуя, как солнце припекает спину и ноги. Мешок появляется опять, но больше никаких движений. Ладно, может еще увидимся.

Так проходит день. Сгорел я уже до такой степени, что в воду теперь иду в футболке.

Ближе к вечеру, выехав за Хану, останавливаемся на песчаном пляже, где народ катается на волнах. Я устраиваюсь в тенечке, а Света с Яшкой бросаются в океан. Среди десятков купающихся несколько человек катаются на волнах на досках. Мастерством не блещут. Конечно, я не ожидал увидеть сверхкласс: то, что обычно показывают по телевизору – по склону огромной волны, умело маневрируя, бесконечно долго скользит загорелый человек на доске. Эти же ребята, едва взгромоздившись на доску, обычно тут же падают в воду.

Подошедшая Света садится рядом на песок и ехидно замечает: «Этот, в зеленых трусах, по-моему, вообще, доской от волны закрывается».

Ну и Бог с ним. Веселится народ, как может.

Справа слышу немецкую речь. Когда мужчина с женщиной подходят ближе, спрашиваю: «Are you Germans, folks?» -

Мужчина отвечает по-русски: «Та, тофарищ. Мы из Ляйпциг». –

Как это они меня так сразу раскололи?

- «У меня что, на лбу написано, что я русский?» -

Мужчина переходит на английский: «У вас нет, а у сына написано», - показывает рукой на Яшку.

Фыркнув, начинаю смеяться – я совсем забыл, что на футболке у Яшки сзади гордая надпись «СССР», а спереди красные серп и молот. Да, уж, догадаться нетрудно.

Посмеявшись расстаемся. Здесь вообще общаются легко. В ресторане за обедом напротив нас оказывается чета гомосексуалистов. Болтаем с ними о том, о сем. Один голландец, наверное, моего возраста. Его друг - молодой словак с тонким нервным лицом. Хорошо говорит по-русски. Томно жалуется, что в доме, где они ночевали, плохо с удобствами.

В общем-то, мне все равно, гомики, так гомики. Я согласен со Светиным постулатом: «Я ничего не имею против гомосексуалистов, если только не давать волю воображению». –

Любопытно наблюдать за гавайцами. С одной стороны, Гавайи – штат США, с другой, не очень-то здесь все по-американски. Гавайцы предпочитают общаться между собой на родном языке. Некоторые вообще, похоже, не в ладах с английским. По замечаниям в магазине и в ресторане складывается впечатление, что многие не в восторге от дяди Сэма. Во всяком случае, флаг штата Гавайи повсюду, а звездно-полосатых почти не видно.

На лужайке перед парковкой сидит молодой гаваец и кричит: «Yankee stupid, Yankee stupid!» (Янки идиоты, янки идиоты!») Что уж его так разобрало?

Гавайцы по типажу напоминают полинезийцев, черноволосые, полные и смуглые. По манере общения, скорее, похожи на наших или на мексиканцев. Если улыбаются, то потому что хотят улыбаться. А если не в настроении, то ради вас скалить зубы не будут. В магазине, в ресторане, везде слышишь: «Алоха»! Совершенно нет столь типичной для черных районов американских городов злобной отчужденности во взгляде. Гавайцы здесь хозяева, и ведут себя по-хозяйски.

Почему-то все эти дни мне упорно вспоминается Тур Хейердал: его первый эксперимент, когда они с юной женой Лив год прожили, как туземцы на острове в Полинезии. Вспоминается плавание на плоту «Кон-Тики» через Тихий океан от Перу до Полинезии.

Вечерами, сидя на берегу, смотрю на волны и звезды, и думаю о всякой всячине. В частности, о том, какой я, все же, счастливый человек. Хотя бы потому, что радуюсь возможности понырять в океане, радуюсь новым местам и тому, что еще одна детская мечта сбылась – о далеких островах, где аромат незнакомых цветов и с зеленых гор, журча, сбегают по камням речушки. Конечно, сорок лет от зарождения мечты до ее осуществления, это многовато… Да и вопрос, кто, собственно, осуществил мечту; начитавшийся книжек мальчишка и немолодой седой мужик – вроде как бы один и тот же человек, а вроде и нет. Через сколько лет у нас происходит полное обновление клеток в организме? По-моему, за десять лет. В таком случае, я уже четыре раза полностью поменялся биологически, а от пятнадцатилетнего мальчишки только воспоминания, заложенные от родителей матрицы поведения и реакций, и осознание, что, несмотря ни на что, это все равно один и тот же Я.

И еще вспоминается Джек Лондон: «Жемчуг Парлея», «Дом Мапуи»; хотя его «Сказки Южных морей» не о Гавайях - о других островах Океании. Кто знает, может и до тех доберемся. Кто знает…

Беззаботно проходит время – на нашем пляжике около Ханы или на волнах песчаного.

Решаем сделать вылазку в цивилизацию, чтобы попытаться дозвониться Алиске. Здесь мобильники не работают, во всяком случае, наши. Мы ей звонили в первый день, а потом исчезли, как-то не подумав, что останемся без связи.

Примерно в часе езды от Ханы, замечаем внизу чудесную бухточку и палатку на берегу. Вообще-то, ночевать диким образом разрешается только в кемпингах, но раз палатка стоит, значит возникает и знак вопроса…. Во всяком случае, есть смысл

разведать. У нас еще две ночи, пора сменить обстановку, но при этом я не хочу перебираться с этого берега.

На обратном пути находим заветную бухту, а вот, вроде, и что-то наподобие дороги к ней. Ох, не засесть бы тут! У тех, кто внизу, джип, а меня-то кто отсюда вытаскивать будет?

На тормозах, лавируя между канавами и большими камнями, осторожно скатываюсь вниз и по крупной гальке проезжаю мимо белого джипа. Рядом с ним навес, палатка. Приветственно машем рукой черноволосому мужчине и улыбающейся смуглой женщине. Местные – гавайцы. Сейчас мы у них все и узнаем.

Подходим и очень вежливо интересуемся, не будет ли у нас неприятностей, если мы здесь поставим палатку.

«Да что вы! – машет рукой мужчина. – На всю эту часть острова один рейнджер (сотрудник Департамента лесного хозяйства), и тому плевать на эти дела». -

Совсем родным повеяло. До сладкой боли знакомо – если нельзя, но очень хочется, то можно.

Представляемся мы, представляются они. Тони и Крис. Она учительница, он в похоронной конторе работает. Несмотря на скорбное свое занятие, Тони такой же веселый, как Крис. Русских никогда в жизни не видели и, по их словам, на этом острове появляются они редко.

Естественно, я первым делом лезу в океан. Очень мелкая бухта, а каменистое дно не являет мне ничего интересного. Вечером Тони и Крис приглашают нас на ужин. Приглашение принимается, хотя несколько неловко, что мы ничего не можем добавить к столу, поскольку ужинать не собирались, а на приглашение не рассчитывали.

Зато у них стол с размахом: жареная свинина и лосось, и еще что-то и еще что-то. За ужином Тони и Крис рассказывают о себе – кровей намешано, мурашки по телу. Тут гавайская и португальская, филиппинская, и испанская, и еще, и еще.

Задаю вопрос, который не дает мне покоя несколько дней: «Почему на гавайском флаге в углу британский флаг?» -

Пока мне еще никто не ответил на этот вопрос. Насколько я знаю, наличие британского флага означает, что страна входит в Британское Содружество. К Гавайям это уж никак не относится.

Тони отвечает подробно. Опять-таки, не вся информация кажется мне убедительной, но, в сущности, связано это с последним королем Гавайев и его пребыванием в Великобритании, где он заказал флаг и герб для своего государства. По возвращении домой короля прибрала костлявая с косой, а в его королевстве на хозяйстве как-то быстренько оказались американцы. Только флаг независимый и остался.

Тони долго рассказывает о войнах королей различных островов и об объединении Гавайев. Кое-что я знаю, остальное в новинку. Потом переходит на современность. Его рассказ подтверждает мои наблюдения – на Гавайях есть реальное движение за восстановление независимой монархии.

Потом спрашиваю, не знает ли он о якоре в бухте Ханы. К сожалению, ничего определенного. Естественно, говорим и об акулах. Да, акулы есть везде. Да, есть и опасные, хотя смертельных случаев за последние годы он не помнит. Было в прошлом году нападение на пловца в районе Лахаина (это другая сторона Мауи). Руку пришлось ампутировать.

Спрашиваем о небольших животных, похожих одновременно на крысу и белку. Света сразу и решительно отнесла зверька к крысам. Мы с Яшкой так же решительно встали на защиту твари Божией: «Никакая не крыса. Посмотри на хвост. Разве это крысиный хвост?» -

Светло-коричневые зверьки нахально подбирают все, что плохо лежит.

«Это мангусты», - разъясняет Тони.

Но если есть мангусты, должны быть и змеи. Это же знаменитые охотники на змей. Нет, змей нету. А мангусты попали на остров с кораблей и размножились. Кроме них много диких котов. Одного мы видим прямо рядом с нашей палаткой. Обыкновенный кот, точнее котенок, полосатый и пушистый, только глаза здоровенные.

Вредных для здоровья тварей на острове нет (если не считать комаров). Приятно осознавать, что в лесу тебя не тяпнет за ногу гадюка подколодная и с ветвей подобная же гадость не свисает. Равным же образом нет шансов столкнуться с гостеприимно улыбающимся ягуаром с вилкой в одной лапе и ножиком в другой.

Болтаем несколько часов. И Крис, и Тони любители поговорить, а нам все интересно. Оказывается, в этой бухте водятся омары – не там, где я плавал, а правее и ближе к выходу. Завтра посмотрим.

В палатке ночью сплю один, проведя, предварительно, великое избиение комаров. Света и Яшка решили устроиться в машине, откинув сиденья. Наша машина представляет собой зрелище душераздирающее – на ночь Света раскладывает на ней полотенца, плавки, купальники в тщетной надежде, что они высохнут. Внутри, особенно, в багажнике вообще мрак кромешный.

Утром умываемся в речке. По всей речке плавают цветы. Не лилии, а незнакомые, красные, упавшие с деревьев.

Решаем палатку не снимать, оставить здесь. Тони и Крис за ней присмотрят. День проходит на нашем пляжике близ Ханы. В воде меня прихватывает сильный дождь. Выбираться на берег нет смысла – Света и Яшка спрятались под огромным камнем, а мне там места нет, да и убежище очень относительное. Сверху-то они защитились, а снизу волна под камень накатывает. Поэтому от дождя спасаюсь в воде. Сильно бьет по спине и по плечам, и я часто ныряю. Смех берет – ныряю от дождя.

От дождевой тучи под водой сумрачно и скучно. Но минут через десять туча проходит, выглянуло солнышко и опять все заблистало.

На следующее утро сердечно прощаемся с Тони и Крис, обмениваемся номерами телефонов. Мы оставляем им палатку и спальные мешки. Нет смысла тащить это добро через меридианы и континенты. А им пригодится.

В последний раз прохожусь по памятным подводным местам Ханы. Времени у нас до вечера еще много, едем за кемпинг, чтобы посмотреть, что на тех берегах делается. Мне хочется добраться до места, где заканчивается дорога, но когда она сужается до предела, я сдаюсь. Надоело мне решать одну и ту же задачу – как разъехаться на горном серпантине двум машинам, если ширина дороги равняется одной? Возвращаемся к деревушке и останавливаемся у крытого бамбуком навеса. Здесь и ферма, здесь и что-то типа кафе. Владельцы, молодая американская семья. Оба худые и симпатичные. С интересом наблюдаю, как хозяин делает бамбуковый сок. Разрубив стебель мачете на несколько кусков, сует куски в приспособление, которое можно назвать огромной мясорубкой, и с усилием крутит ручку агрегата. Понаблюдав за его трудами, иду заказать себе фруктовый коктейль под соседний навес. Заодно покупаю большую связку местных бананов. Бананы невероятно вкусные – ничего похожего на то, что мы покупаем в супермаркетах.

Несколько человек сидят за стойкой, под ногами путается дружелюбная собака. А почему эта девочка-подросток, водрузившись на велосипед без колес, азартно крутит педали? Потом соображаю – так вырабатывается ток для миксера. Я читал про такой способ вырабатывания электроэнергии в воспоминаниях знаменитого полярного радиста Эрнста Кренкеля.

Света, тем временем разговорилась с девушкой, которая гостит у хозяев. В разговоре жена упоминает, что мы сильно сгорели на солнце.

«Подождите секундочку», - говорит девушка. Уходит и возвращается с несколькими мясистыми листьями алоэ. Прямо здесь же проводим процедуру натирания друг друга волшебным

соком. Облегчение приходит сразу. До этого я сидел в машине, как на сковородке, ощущая, как полыхают спина и ноги.

Вот и кончается наша волшебная гавайская сказка. Навели порядок в машине, упаковали свои верные два чемодана. Форсировав в последний раз прибрежную дорогу, направляемся к аэропорту. Сдаем машину.

Начинается не очень романтичный и полный неопределенности этап нашего путешествия. Билеты-то у нас бесплатные, но посадят нас только при наличии мест. А с местами очень нехорошо ситуация выглядит.

С Мауи мы выбираемся, но не до Сиэттла, а на соседний остров Кона, где у самолета промежуточная посадка. Там-то нас и настигла карающая десница. Мест нет и нас изымают из самолета. В самый последний момент два места находятся. Света говорит: «Летите вы с Яшкой». Деваться некуда – это ее авиакомпания и жена лучше ориентируется в этих делах. Тем более, что нужно делать заказ по телефону через автоматизированную службу, а я наизусть всю эту последовательность не помню. Как бы то ни было, Свету мы оставили на неведомом острове, а сами улетели.

В самолете все меня раздражает: и оказались мы с Яшкой в разных концах салона, и сервис убогий. Конечно, я сознаю, что мест действительно нет – хорошо, хоть так сидим. И качество сервиса на американских авиакомпаниях падает уже не первый год. В не столь отдаленном прошлом на таких рейсах тебя вполне прилично кормили. Сейчас же из всех благ остались только прохладительные напитки, а третьесортный сэндвич, которому на любой заправке красная цена доллар, здесь предлагают тебе за пять.

Но, конечно, в действительности злюсь я не на это. Злюсь я на себя. Умом понимаю, что, останься на острове я, было только хуже. Тем не менее, чувство вины не покидает. Что там Света будет делать целые сутки? Где она их проведет? Куда она сейчас из аэропорта денется? Ладно, нам еще почти пять часов лететь – нужно попробовать подремать.

В Сиэттле застреваем уже мы с сыном. На Миннеаполис рейсов много, но все забиты до отказа. И, что еще хуже, толпа таких же, как мы претендентов на место в самолете растет прямо на глазах. Когда мы уже пропустили три рейса, я случайно услышал разговор между агентами «Норт-Веста». Оказывается нас, гавриков, так называемых stand-by пассажиров уже тридцать человек.

Мой мобильник почти разряжен, а зарядное устройство у Светы. Звоню в службу бронирования, чтобы попробовать

выбраться хоть куда-нибудь. Как назло, автоответчик сообщает, что у них вышел из строя компьютер. Один из таких же, как мы горемык дает мне второй номер, по которому можно поговорить с живым человеком. Звоню, сообщаю Светин номер (каждому сотруднику компании присваивается свой номер. Он-то и подтверждает, что я, как ее муж, имею право на эту льготу) и говорю: «Я готов лететь через Детройт, через Мемфис, Индианаполис – куда угодно, лишь бы выбраться отсюда.» В ответ слышу: «Все рейсы из Сиэттла забиты. Честно говоря, мне просто нечего вам предложить». Вот это да!

Дозваниваюсь Свете. Ночь она провела в гостинице, а сейчас бредет пешком в сторону аэропорта.

- «А сколько до аэропорта?» -

- «Миль десять». –

Ничего себе! А почему пешком? Но писк в телефоне говорит, что батарея практически разрядилась.

Быстро сообщаю Свете о ситуации в Сиэттле.

- «Мы с Яшкой будем выбираться нетрадиционными путями. Здесь совершенно глухо. Так можно просидеть несколько дней». -

Сумасшедшая идея уже посетила меня утром, когда мы пропустили первые два рейса на Миннеаполис. Но мысль эту я отогнал, как неразумную и, даже, идиотскую. Теперь же вновь возвращаюсь к ней.

- «Сына, пошли отсюда» -

- «Куда?»

- «Возьмем в ренту машину и поедем» -

- Я Яшкиных глазах восторг: «Прямо до Миннесоты поедем?»

- «Может и до Миннесоты. Нужно подумать. Во всяком случае здесь нам уж точно ловить нечего». –

Подхожу к стойке фирмы Avis:

- «Возможно ли взять машину здесь, а сдать в Tween-Cities, Миннесота?» -

С этим вопросом я подхожу к агентам разных компаний. У одних такого сервиса нет, другие заламывают несуразную цену.

- «Конечно, можно?» -

- «Сколько это будет стоить и, кстати, какое расстояние от Сиэттла до Миннеаполиса?»

Цена меня устраивает, а расстояние не очень – 1700 миль (или 2700 километров). Беда в том, что мне кровь из носа нужно быть дома до конца дня завтра, потому что послезавтра утром у меня перевод в суде.

Итак, сейчас пол-второго дня, суббота. До конца дня воскресенья нужно покрыть все это расстояние. Не очень-то реально. Нужно пересечь штаты Вашингтон, Айдахо, Монтана,

Северная Дакота. Но и выхода нет, не могу я сидеть здесь до бесконечности, тем более, что ситуация в аэропорту выглядит беспросветной. Я знаю, что рейсы «Норт-Веста» на Миннеаполис есть и из Хелены, и из Бисмарка, потому что Света туда летает. Но расписания у меня нет. Знать бы, в какое время – глядишь, удалось бы оттуда вылететь….

Получаю в свое распоряжение новенькую серебристую машину и краткие указания, как добраться до фривея номер 90. А там все просто – «Дранх нах Остен», жми на педаль и не сворачивай. Этот фривей идет от Тихого океана до нас, потом на Чикаго, а потом дальше на восточное побережье.

Начинаем трансконтинентальный пробег в два часа дня. Сначала красивые горы, которые сменяются плоскими унылыми равнинами. Яшка уснул, я борюсь со сном. Ничего удивительного, ну что мы там в самолете поспали? часа три, не больше. У Яшки с собой коробка с сидишками для его плейера. Большую часть из них я слушать, естественно, не могу – отторгает мой разум подростковый рок. Но каким-то образом среди всяких там Рамштейнов оказался диск «Пинк Флойд». По-моему, эта сидишка уже по третьему разу крутится. Ближе к вечеру оказываемся в сказочной красоты горах северного Айдахо, в районе Кур д'Алена. Поздно вечером останавливаемся в гостинице в городке Миссула, в Монтане. Впервые за неделю можно по-настоящему помыться горячей водой. Совсем мы на островах одичали и озверели.

Утром за завтраком говорю сыну: «Яша, останавливаться сегодня практически не будем – только заправиться, в туалет и взять что-то поесть. Чтобы ты знал и ничего не просил.» И еще одна остановка запланирована – нужно найти автомобильный зарядник для мобильного телефона. Связь нужна дозарезу. Да. указание сыну посматривать на вывески, когда будем проезжать всякие городки. Нам нужны или «Радио Шек» или «Воллмарт».

Монтана третий по величине штат после Техаса и Калифорнии. Конца и края ей нету. Вот бы, где жить! Населения почти нет – только горы или холмы, или равнина до далекого-далекого горизонта.

Наконец-то Северная Дакота. Это уже, можно сказать, хоженые края. Показываю Яшке каньон на стыке Монтаны и Северной Дакоты, который поразил меня своей красотой.

Чтобы не уснуть я использую кофеиновые таблетки. На два часа бодрости мне хватает, потом заглатываю очередную. Вечером въезжаем в Миннесоту. Еду уже через силу. Прошу Яшку говорить со мной, чтобы не отключиться. Беседуем о его друзьях, планах… Широко таращу глаза в темноту, чтобы не слететь с дороги. И скорость нужно держать, и гнать нельзя. Сознаю, что

веду машину только на автопилоте, поскольку голова не работает.

Машину сдаю в аэропорту ровно в полночь. Теперь нужно забрать Светин микроавтобус со стоянки сотрудников, и домой. И тут начинаются запредельные феномены. На съезде с фривея я почему-то не узнаю местность. Какие-то незнакомые световые рекламы…. Улица, по которой я езжу каждый день, тоже кажется совершенно незнакомой. Возникает иллюзия, будто по сторонам большие многоэтажные дома. Я точно знаю, что никаких больших домов здесь нет. Стараюсь не обращать внимания на всю эту фантасмагорию. Наконец-то поворачиваю на свою улочку. Добрались!

Света прибыла домой на пол-дня раньше нас. Остров Кона показался ей полной противоположностью Мауи – жарким, душным и неприветливым. На следующий вечер она без приключений выбралась с негостеприимного острова. В Сиэттле ей посчастливилось быстро попасть на рейс в Мемфис, а оттуда уже в Миннеаполис.

И потянулись опять наши будни.

Август-сентябрь 2005

СОДЕРЖАНИЕ

Хуторок в иллинойской степи……...2

Как попадают в Америку…… ……..2 Завоевание Америки……13
Хуторок в иллинойской степи…….33
К вопросу о счастливой жизни……36
Васенька……40
Такие дела…….....45
Под сенью серпа, молота и лысого орла……..….51
Светлый путь……..……..56
Эпитафия победе…….…….59
Паноптикум……..62
Мы возвращаемся с Дивана……..…66
Картинки……70

Добрая Миннесота……..……85

Добрая Миннесота……85
Беженцы…… ……....93
На север……..…98

Американские узилища……..…...110
О нелегалах……..…...120
11 сентября……..…125
В поте лица своего……..……133
Сентиментальное путешествие…… ……..…139
Дулус……...160
Ужас……169
Gunflint Trail……176
О тайне сладострастной……183
Сага о сайте……186
На сайте тишина……189
Кто вы здесь, в Америке?.....192
Багамы……204
Гладкие шкуры в виртуальной реальности… ..211
Ненавистная Россия…… ……217
Дорога…… ……..221
Моя жена и пятый океан…… ……232
Остров Мауи…… ……237

Сконвертировано и опубликовано на http://SamoLit.com/